

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
FACULTY OF LAW
BURYAT STATE UNIVERSITY
LAW ENFORCEMENT UNIVERSITY OF MONGOLIA

SOCIOLOGY OF CRIMINAL LAW

Collection of articles

Moscow
Jurisprudence
2018

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МОНГОЛИИ

СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сборник статей

Москва
Юриспруденция
2018

УДК 343.2/.7(063)
ББК 60.56

С 69

Редакционная коллегия:

Гантулга Наваан, Г.А. Есаков, С.А. Маркунцов,
Э.Л. Раднаева, Е.Н. Салыгин, Ю.В. Хармаев.

Editorial Board:

Navaan Gantulga, G. Esakov, S. Markuntsov,
E. Radnaeva, E. Salygin, Y. Kharmayev.

Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сборник статей (материалы IV Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства», состоявшейся 28 сентября 2017 г.) / Под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. – М.: Юриспруденция, 2018. – 248 с.

Sociology of Criminal Law and the Reform of Criminal Law: A collection of articles (materials from the IV International Scientific and Practical Conference «Sociology of Criminal Law and the Reform of Criminal Law», held on September 28, 2017) / Under the general editorship of E. Salygin, S. Markuntsov, E. Radnaeva. – М.: Jurisprudence, 2018. – 248 p.

В сборнике представлены работы ученых, принявших участие в IV Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства», проведенной совместно факультетом права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Бурятским государственным университетом и Университетом правоохранительной службы Монголии в г. Улан-Баторе 28 сентября 2017 г.

Сборник предназначен для научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих уголовное право, криминологию и социологию права, практических специалистов, а также всех, кого интересуют проблемы социологии уголовного права.

The collection of articles contains works by scientists that participated in the IV International Scientific and Practical conference The Sociology of Criminal Law and the Reform of Criminal Law. The conference was held jointly in Ulan-Bator on September 28, 2017 by the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics, Buryat State University, and the Law Enforcement University of Mongolia.

The collection is intended for researchers and teachers, postgraduate students, and students studying criminal law, criminology and the sociology of law, practical specialists, as well as anyone with an interest in issues related to the sociology of criminal law.

ISBN 978-5-9516-0812-3

9 785951 608123 >

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2018

© Бурятский государственный университет, 2018

© Университет правоохранительной службы Монголии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
I. Социология уголовного права и актуальные проблемы реформирования российского уголовного закона	
Маркунцов С.А. О масштабах новеллизации и перспективах реформирования УК РФ.....	11
Репецкая А.Л. Влияние криминологического законодательства на криминализацию деяний в уголовном законе	24
Бибик О.Н. Мультипликативный эффект в экономике и в сфере борьбы с преступностью	29
Сутурин М.А. Понятие и виды квалификации преступлений.....	36
Иванова Л.А. Квалификация по признакам субъекта преступления	42
Аргунова Е.С. Уголовный закон и состав преступления как основа квалификации уголовного закона	51
Сидоренко Ю.В. Квалификация преступлений при изменении уголовного закона	57
Рогова Е.В. Социальная обусловленность дифференциации уголовной ответственности	62
Эрхигуева Т.И., Мяханова А.Н. Принцип целесообразности при условном осуждении	73
Самданова Б.Б. О некоторых проблемах применения судебного штрафа	81
Бады-Саган Н.А. Некоторые аспекты совершенствования уголовного закона с целью эффективного его толкования и применения в судебной практике	88
Татарников В.Г. Современные тенденции развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против личности	95
Бычкова А.М., Раднаева Э.Л. К вопросу о криминализации склонения к совершению самоубийства	105
Хилота В.В. Предпосылки становления учения о преступлениях против оборота объектов гражданских прав	119

Воробьев В.В. Проблемные аспекты уголовно-правовых запретов и практики их применения, влияющие на эффективность борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации	129
Басова Т.Б., Харченко А.Н. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 292.1 УК РФ: оценка с позиции обоснованности введения в закон	138
Борисевич А.Г. К вопросу о криминализации акта международного терроризма	146
II. Проблемы реформирования уголовного законодательства зарубежных государств в контексте социологии уголовного права	
Лун Чанхай. 20 лет Уголовному кодексу КНР: с 1997 по 2017 год	156
Хармаев Ю.В. Зарубежный опыт реформирования института уголовных наказаний (Казахстан, Монголия)	167
Минстер М.В. К вопросу о применении пожизненного лишения свободы в России и за рубежом	177
Серета И.М., Серета А.Г. Сравнительное уголовное право и его роль в регламентации ответственности за преднамеренное банкротство в России	183
Ковальчук А.В. Существенный вред в Уголовном кодексе Республики Беларусь: проблемы правоприменения и законодательного закрепления	195
Пухов А.А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» ...	207
Даваажав Сумъяацэрэн, Лосол Цогтбаяр. Актуальные проблемы борьбы с преступностью в сфере информационных технологий в Монголии	215
Батеруул Мунхдорж, Баяндорж Цолмон. Статистические возможности анализа состояния преступности в Монголии	222
Вне секции	
Пан Дунмэй. Обзор VII Международной научно-практической конференции «Российское право и правовая система»	227
Маркунцов С.А. Альфред Эрнестович Жалинский как ученый-первооткрыватель, ученый-революционер и ученый-провидец (воспоминания об Учителе)	239

CONTENT(S)

PREFACE	9
I. The sociology of criminal law and current issues pertaining to Russian criminal law reform	
S. Markuntsov. On the extent of amending and the prospects for reforming the Russian Criminal Code	11
A. Repetskaya. The influence of criminological legislation on the criminalisation of acts contained within criminal law.....	24
O. Bibik. The multiplier effect in the economy and in the fight against crime.....	29
M. Suturin. The concept and types of crime classifications	36
L. Ivanova. Classifications based on the subject of a crime	42
E. Argunova. The criminal law and the elements of a crime as a basis for classifying criminal law.....	51
Y. Sidorenko. The classification of crimes when criminal law is amended.....	57
E. Rogova. The social causation of disparities within criminal liability	62
T. Erkhituyeva, A. Myakhanova. The principle of expediency in suspended sentences	73
B. Samdanova. Issues related to the application of judicial fines	81
N. Bady-Sagan. Certain aspects of criminal law improvements aimed at achieving effective interpretations and applications in judicial practice	88
V. Tatarnikov. Current development trends in Russian criminal law related to liability for crimes against the individual.....	95
A. Bychkova, E. Radnayeva. On the criminalisation of suicidal tendencies	105
V. Khilyuta. The prerequisites for establishing a doctrine of crimes against trafficking civil rights objects	119
V. Vorobiev. Areas of concern in penal prohibitions and how their application might impact the effectiveness of the fight against cybercrime.....	129
T. Basova, A. Kharchenko. The criminal law provisions of Article 292.1 of the Russian Criminal Code: assessing the validity of introducing them into law	138
A. Borisevich. On the criminalisation of acts of international terrorism	146

**II. Issues related to reforming the criminal legislation
of foreign states in the context of the sociology of criminal law**

Lun Chankhai. 20 years of the Criminal Code of the People's Republic of China: from 1997 to 2017.....	156
Y. Kharmayev. Foreign experience in reforming the institution of criminal sanctions (Kazakhstan, Mongolia)	167
M. Minster. The application of life imprisonment terms in Russia and abroad	177
I. Sereda, A. Sereda. Comparative criminal law and its role in regulating liability for deliberate bankruptcies in Russia	183
A. Kovalchuk. Material damage in the Belarus Criminal Code: problems of law enforcement and legislative consolidation	195
A. Pukhov. The concepts of bioterrorism and biodiversity	207
Davaajav Sumiyaatseren, Losol Tsogtbayar. Combating IT crime in Mongolia: contemporary issues	215
Batyeruul Munkhdorj, Bayandorj Tsolmon. How statistics can help to analyse crime in Mongolia	222

Outside the section

Pan Dunmey. Overview of the VII International Scientific and Practical Conference The Russian Law and Legal System	227
S. Markuntsov. Alfred Zhalinsky as a pioneering, revolutionary, and visionary scientist (recollections about the Teacher).....	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проведение очередной международной научно-практической конференции по социологии уголовного права стало продолжением доброй традиции. С удовлетворением следует отметить, что расширился не только круг участников и друзей конференции, но и география мест ее проведения. IV Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства» была проведена факультетом права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юридическим факультетом Бурятского государственного университета и Университетом правоохранительной службы Монголии за пределами России – в г. Улан-Баторе (Монголия).

Напомним, что I Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» была проведена БГУ и НИУ ВШЭ в 2012 г., II Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики» – в 2013 г., а III Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права и проблемы уголовной ответственности» – в 2014 г. В работе конференций в разные годы принимали участие видные ученые и практические работники России, Германии, Польши, Беларуси, Казахстана, Украины. По результатам всех конференций издавались сборники статей¹.

¹ Социология уголовного права: общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: сборник статей (материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21–22 сентября 2012 г.). Том I / Под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М.: Юриспруденция, 2013. 232 с.; Социология уголовного права: криминологические проблемы и социология уголовного права: сборник статей (материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21–22 сентября 2012 г.). Том II / Под общ. ред. В.М. Мельникова, А.Н. Мяхановой, Ю.В. Хармаева. М.: Юриспруденция, 2013. 148 с.; Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сборник статей (материалы II Международной научно-практической конференции «Социология

28 сентября 2017 г. была проведена IV Международная научно-практическая конференция «Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства». В работе конференции приняли участие видные ученые и практические работники России, Монголии, Китая и Беларуси. Проведение конференции — это попытка рассмотреть проблемы реформирования уголовного законодательства в контексте социологии уголовного права. По мнению участников конференции, вопрос реформирования уголовного законодательства в контексте социологии уголовного права является одним из животрепещущих вопросов в рамках современного уголовного права. Отмечая актуальность обсуждаемых на конференции вопросов, участники конференции единодушно отметили необходимость продолжения исследований в сфере социологии уголовного права и реформирования уголовного законодательства, а также проведения в будущем подобных мероприятий с приглашением более широкого круга заинтересованных сторон.

Предлагаемый сборник содержит публикации как известных ученых, так и молодых специалистов, ставших участниками конференции. В сборнике представлены статьи, посвященные вопросам реформирования как российского, так и зарубежного уголовного законодательства.

Коллектив авторов надеется, что проделанная работа окажется интересной и полезной.

декан факультета права НИУ ВШЭ

Е.Н. Салыгин

заместитель декана факультета права НИУ ВШЭ

С.А. Маркунцов

декан юридического факультета БГУ

Э.Л. Раднаева

уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики», состоявшейся 13–14 сентября 2013 г.) / Под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М.: Юриспруденция, 2014. 264 с.; Социология уголовного права и проблемы уголовной ответственности: сборник статей (материалы III Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права и проблемы уголовной ответственности», состоявшейся 18–20 сентября 2014 г.) / Под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.

I. СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

О МАСШТАБАХ НОВЕЛЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ УК РФ

*Маркунцов С.А., д.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
и криминалистики
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»*

За 21 год действия УК РФ текстологический объем предписаний его Общей части увеличился почти в полтора (точнее – в 1,429) раза: с 82 499 знаков без учета пробелов на момент принятия кодекса до 117 932 знаков без учета пробелов. За этот же период текстологический объем предписаний Особенной части УК РФ вырос в 2,382 раза: с 207 087 до 493 325 знаков без учета пробелов. Впрочем, текстологический объем предписаний Особенной части УК РФ, если проанализировать его сквозь призму ее разделов, вырос неравномерно. Больше всего – в 2,962 раза (с 48 068 до 142 372 знаков без учета пробелов) – увеличился текстологический объем раздела VIII «Преступления в сфере экономики»; более чем в 2,5 (точнее – в 2,622) раза (с 58 742 до 154 043 знаков без учета пробелов) вырос текстологический объем раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Более чем в два раза увеличился текстологический объем раздела X «Преступления против государственной власти» (с 43 027 до 96 184 знаков без учета пробелов, т.е. в 2,235 раза); почти ровно в два (точнее – в 2,027) раза (с 39 597 до 80 272 знаков) вырос текстологический объем раздела VII «Преступления против личности», более чем в полтора (точнее – в 1,693) раза (с 3 854 до

6 523 знаков) – раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Практически не изменился, увеличившись с 13 785 до 13 931 знаков без учета пробелов, за обозначенный период текстологический объем раздела XI «Преступления против военной службы». Всего за указанный период текстологический объем УК РФ вырос более чем в два (точнее – в 2,111) раза.

За 21 год действия УК РФ его предписания подверглись существенной новеллизации: изменения и дополнения в него были внесены 213 федеральными законами (по годам: 1998 г. – двумя федеральными законами; 1999 г. – семью; 2001 г. – восемью; 2002 г. – восемью; 2003 г. – семью; 2004 г. – пятью; 2005 г. – двумя; 2006 г. – четырьмя; 2007 г. – 10; 2008 г. – восемью; 2009 г. – 13; 2010 г. – 22; 2011 г. – 12; 2012 г. – 14; 2013 г. – 22; 2014 г. – 25; 2015 г. – 15, 2016 г. – 13, 2017 г. – 16 федеральными законами¹). Интересно, что за первые 15 лет действия изменения и дополнения в УК РФ были внесены 108 федеральными законами (или 50,7 % от всех законов, которыми изменялись нормы УК РФ), а за последние шесть лет – 105 законами, что составило 49,3 % от указанного числа законов. Разные ученые приводят различные цифры, характеризующие «изменчивость» российского уголовного закона. В частности, по оценкам В.Ф. Цепелева, количество изменений, внесенных в УК России, достигает двух тысяч².

За рассматриваемый период шесть из указанных выше 213 федеральных законов предусматривали введение новых статей Общей части УК РФ (ими было введено 12 новых статей: ст. 53.1, 63.1, 72.1, 76.1, 76.2, 80.1, 82.1, 104.1–104.5 УК РФ (последние пять статей объединены в УК РФ в рамках двух новых глав 15.1 «Конфискация

¹ Здесь и далее расчеты произведены с учетом изменений и дополнений, внесенных Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (Часть I). Ст. 54.

² Цепелев В.Ф. Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития // Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2016. С. 12.

имущества» и 15.2 «Судебный штраф»)). При этом исключено из Общей части УК РФ всего три статьи (ст. 16, 52 и 77 УК РФ). 77 (или более 36 %) из указанных выше 213 федеральных законов предусматривали введение новых статей Особенной части УК РФ, т.е. введение новых уголовно-правовых запретов. Таким образом, за 21 год действия УК РФ его Особенная часть дополнилась 113 (примерно на 44 %) новыми статьями (исходя из того, что изначально Особенная часть УК РФ содержала 256 статей), тогда как исключено из нее было всего 10 (примерно 3,9 %) статей. За обозначенный период общее количество статей УК РФ увеличилось на 112 и составило 472 статьи вместо 360 – в его первоначальной редакции, т.е. прирост составил 31,1 %.

Количество составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ, или формально-юридических запретов, определяемых по количеству санкционных предписаний, выросло за обозначенный период с 534 до 890, т.е. на 66,7 % (или на 2/3). Больше всего по количеству составов преступлений увеличился раздел VIII УК РФ: за 21 год он вырос в 2,05 раза (со 102 до 209 составов преступлений). В разделе IX УК РФ число составов преступлений увеличилось в 1,77 раза (со 160 до 283), в разделе X УК РФ – в 1,67 раза (со 106 до 177), в разделе XII УК РФ – в 1,54 раза (с 13 до 20), в разделе VII УК РФ – в 1,46 раза (со 105 до 153) составов преступлений. В разделе XI количество составов преступлений (48) осталось без изменений.

За 21 год действия УК РФ как в рамках его Общей, так и в рамках его Особенной части появились, если можно так выразиться, статьи-«мутанты», включающие в свою структуру дробные части (в настоящее время пока таких статей восемь: ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, ст. 171.1 УК РФ, ч. 1.1 ст. 193 УК РФ, ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1.1 ст. 212 УК РФ, ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ, ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ, ч. 1.1 ст. 293 УК РФ) или в структуру примечаний дробные пункты (п. 1.1 примечания 1 к ст. 205.1 УК РФ, п. 1.1 примечания 1 к ст. 205.2 УК РФ), а также статьи-«монстры», включающие в свою структуру восемь частей (ст. 204 УК РФ), на данный момент это максимальное число частей, содержащихся в одной статье Особенной части УК РФ. В случае принятия проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹ в Общей части УК РФ появятся еще и статьи, являющиеся «монстрами» по своей нумерации. Речь идет о ст. 104.3.1 «Виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности». Впрочем, в случае принятия вышеназванный федеральный закон введет в УК РФ не только очередную статью-«монстра» в части нумерации, но привнесет в уголовный закон ряд предписаний, существенно изменяющих некоторые фундаментальные уголовно-правовые положения. Таким образом, внесенные им изменения и дополнения станут не только новеллами для УК РФ в контексте его перманентной новеллизации, но ознаменуют собой очередную реформу российского уголовного закона.

Следует отметить, что в доктрине уголовного права также нет единого подхода к тому, какие преобразования следует называть реформой (реформированием) уголовного закона (законодательства). В частности, некоторые ученые указывают на то, что «с 1999 г. парламентарии интенсивно занялись реформой уголовного закона и сформировалась тенденция принятия законов об изменениях и дополнениях УК в рекордно короткие сроки»². В данном случае неочевидно, что автор понимает под «реформой уголовного закона», которая началась в 1999 г., ввиду того, что первые изменения и дополнения в УК РФ были внесены еще в 1998 г. За время действия УК РФ в СМИ неоднократно объявляли о завершении или о начале реформы уголовного закона (законодательства). В частности,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Документ официально опубликован не был.

² Костылева О.В. § 5. Период современного Российского государства главы III «Основные этапы развития российского уголовного законодательства и российской уголовно-правовой науки» // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 78.

В. Панов еще в середине 2011 г. писал о том, что реформа уголовного законодательства близка к завершению¹. А в конце 2016 г. экономист А. Любич заявил о том, что «настало время для взвешенной реформы Уголовного кодекса в сторону его смягчения в отношении ненасильственных преступлений, не направленных против государственной безопасности»².

Справедливости ради лишь отметим, что некоторые ученые, по сути, относят к реформированию уголовного закона любые изменения и дополнения, внесенные в УК РФ. В частности, В.А. Богдановская, оценивая масштабы такого реформирования в статье «Актуальные проблемы реформы уголовного законодательства России», пишет о том, что «за период с 2007 по 2011 г. уголовный закон в России подвергался реформированию более 60 раз, что почти в два раза превышает количество законов, принятых в связи с его изменением за предыдущие 10 лет (с 1997 по 2006 г.)... Реформирование уголовного законодательства происходит фрагментарно и непоследовательно»³. В данном контексте отметим лишь тот факт, что с 2007 по 2011 г. изменения и дополнения в УК РФ действительно были внесены 65 федеральными законами.

Из публикаций по обозначенной проблеме других ученых также неочевидно, что они понимают под реформированием (реформой) уголовного закона. В целом давая отрицательную оценку реформированию УК РФ, они предлагают различные варианты решения обозначенной проблемы. В частности, П.Н. Панченко указывает на то, что «обновляющейся России нужен качественно новый Уголовный

¹ Подробнее см.: Панов В. Тихая реформа: Уголовный кодекс меняют практически без обсуждения с общественностью и профессионалами. Итогом может стать разбалансировка всей правоохранительной системы // Эксперт. 2011. № 28. С. 54–57.

² Любич А. Настало время для реформы Уголовного кодекса // Взгляд. Деловая газета. 2016. 5 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.vz.ru/opinions/2016/10/5/836177.html> (дата обращения: 27.12.2017).

³ Богдановская В.А. Актуальные проблемы реформы уголовного законодательства России // Вопросы российского и международного права. 2012. № 5–6. С. 70, 78.

кодекс»¹. А.В. Серебренникова полагает, что целесообразным является постепенное реформирование действующего УК РФ². В.П. Ревин отмечает, что, «оценивая в целом текущее реформирование Уголовного кодекса РФ, невозможно однозначно оценить нововведения, это требует детального изучения, но полученные результаты уже сейчас свидетельствуют о том, что необходимо разработать концепцию реформирования уголовного законодательства как направления уголовной политики»³. Следует отметить, что в последнее время такие концепции в общем-то появляются⁴, но реформирование российского уголовного закона продолжается, невзирая ни на какие концепции и научные обоснования.

Что же все-таки следует понимать под реформированием (реформой) уголовного закона? Реформа (франц. *reformе*, от лат. *reformo* — преобразовываю) — преобразование, изменение, переустройство каких-либо сторон общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. С формальной точки зрения под реформой подразумевается нововведение любого содержания⁵. Вместе с тем следует отметить,

¹ Панченко П.Н. Направления реформирования уголовного законодательства с учетом стратегии модернизации страны // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 62.

² Серебренникова А.В. К вопросам реформирования уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 125.

³ Ревин В.П. Современное реформирование уголовного законодательства как отражение уголовной политики России // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 123.

⁴ Например, см.: Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста». Программа разработана в рамках поручения Президента РФ от 14 июля 2016 г. № Пр-1347. Приложение № 14 из 19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf> (дата обращения: 25.12.2017).

⁵ Философский энциклопедический словарь / Глав. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Совет. энц-дия, 1983. С. 580.

что для обозначения изменений в праве с формальной (юридико-технической) точки зрения существует термин «новеллизация»¹. На наш взгляд, в отличие от новеллизации, которая предполагает внесение элемента новизны в состояние как формы, так и содержания норм права с позиции юридической техники, его реформа предполагает значительное содержательное изменение. Таким образом, любая реформа уголовного закона — это одновременно и его новеллизация, но не любая его новеллизация есть реформа. Если каждую новеллизацию считать реформой, то возникает, например, вопрос о том, какая из новеллизаций была контрреформой в контексте изменения уголовно-правовой оценки общественной опасности клеветы? Напомним, что в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ² были, в частности, декриминализованы такие преступные деяния, как клевета (ст. 129 УК РФ), оскорбление (ст. 130 УК РФ). Немного более чем через полгода в соответствии с Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ³ уголовно-правовой запрет клеветы был возвращен в УК РФ в рамках ст. 128.1 «Клевета».

Наиболее значимые, общепризнанные реформы УК РФ связаны, в частности, с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г.

¹ В узком смысле новеллизация права — это принятие абсолютно новых норм права — т.н. новелл. В широком смысле новеллизация права (законодательства) — это установление (принятие), изменение, отмена норм права... Новеллизация права (в широком смысле) предполагает какое-либо изменение состояния действующих норм права, т.е. внесение элемента новизны в состояние как формы, так и содержания права. См.: Шульга А.В. Теория государства и права. Пособие для подготовки к государственному (выпускному) экзамену. Харьков, 2000. С. 71.

² Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.

№ 162-ФЗ¹, в соответствии с которым были внесены изменения в 257 статей УК РФ, и Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ², в соответствии с которым были внесены изменения в 239 статей УК РФ. Впрочем, о реформировании УК РФ можно говорить также применительно к федеральным законам, которые вносят, возможно, не столь масштабные изменения и дополнения, но существенно изменяют основные уголовно-правовые институты и базовые положения УК РФ. В частности, к законам, безусловно реформирующим УК РФ, следует отнести Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ³, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ⁴ и др.

К законам, существенно реформирующим УК РФ, следует отнести в случае принятия и вышеназванный проект федерального закона

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848. Оценивая уголовно-правовую реформу 2003 г., С.В. Максимов, в частности, отмечает, что реформа российского уголовного законодательства, которая была осуществлена 8 декабря 2003 г., возможно, была самой масштабной депенализацией преступлений в нашей стране за последние 100 лет. Подробнее об этом см.: Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 58–68.

² Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (Часть I). Ст. 6453.

⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть II). Ст. 4256.

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (далее – Законопроект 2017 г.), по вопросу внесения которого в Государственную Думу Федерального Собрания РФ принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42. В чем же реформаторский характер положений данного законопроекта? Прежде всего, он введет, как видно из его названия, понятие уголовного проступка. Само использование такого словосочетания вполне уместно, если иметь в виду, к чему были сведены в рамках этого законопроекта споры по поводу института уголовного проступка, длившиеся не одно десятилетие в уголовно-правовой доктрине. В соответствии с п. 1 ст. 1 Законопроекта 2017 г., ч. 2 ст. 15 УК РФ планируется дополнить предложением следующего содержания: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком». Таким образом, под уголовными проступками предлагается понимать разновидность (подкатегорию) преступлений небольшой тяжести. Изменения, вносимые в этой части Законопроектом 2017 г. (в случае его принятия), действительно можно будет назвать реформой «понятий».

Однако в соответствии с Законопроектом 2017 г. также планируется введение ряда «новых» иных мер уголовно-правового характера. Точнее, речь идет о том, что при освобождении от уголовной ответственности в качестве иной меры уголовно-правового характера, кроме судебного штрафа, смогут применяться обязательные или исправительные работы. Сама по себе эта идея не совсем и новая. Верховный Суд РФ уже выступал со схожей законодательной инициативой еще в 2015 г. (далее – Законопроект 2015 г.)¹, которая

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

подверглась критике со стороны научного сообщества и в итоге не была реализована. Справедливости ради отметим, что в соответствии с более ранней законодательной инициативой предполагалось, что при освобождении от уголовной ответственности в качестве мер уголовно-правового характера могут быть применены четыре вида наказания: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы или исправительные работы. Для сравнения представим выдержки из анализируемых законопроектов в виде таблицы:

Пункт 2 ст. 1 Законопроекта 2015 г.	Пункт 8 ст. 1 Законопроекта 2017 г.
<p>2) раздел VI дополнить главой 15.2 следующего содержания: «Глава 15.2. Меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности Статья 104.4. Виды мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности 1. При освобождении от уголовной ответственности в случаях, указанных в статье 76.2 настоящего Кодекса, в качестве мер уголовно-правового характера могут быть применены виды наказаний, указанные в пунктах «а», «б», «г», «д» статьи 44 настоящего Кодекса».</p>	<p>8) в главе 15.2: а) наименование главы изложить в следующей редакции: «Глава 15.2. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности»; б) дополнить статьями 104.3.1, 104.6, 104.7 и 104.8 следующего содержания: «Статья 104.3.1. Виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности При освобождении от уголовной ответственности в качестве иной меры уголовно-правового характера в случаях, указанных в статье 76.2 настоящего Кодекса, применяются судебный штраф, обязательные работы или исправительные работы».</p>

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Документ официально опубликован не был.

Отметим, что в последнем законопроекте несколько улучшилось качество с юридико-технической точки зрения законодательных формулировок. Также напомним, что в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ был введен судебный штраф, с реализацией которого возникли определенные проблемы¹. Отчасти из-за этого в настоящее время речь идет о применении при освобождении от уголовной ответственности в качестве иной меры уголовно-правового характера только двух видов уголовных наказаний: обязательных или исправительных работ. Казалось бы, все к лучшему. Однако, скорректировав отдельные законодательные формулировки, авторы Законопроекта 2017 г. так и не ответили на основные замечания, которые ранее вызвали соответствующие законодательные инициативы². В частности, о том, что они размывают во многом устоявшиеся доктринальные подходы к пониманию базовых уголовно-правовых институтов: наказания и иных мер уголовно-правового характера, под которыми в настоящее время понимаются иные принудительные меры, предусмотренные уголовным законодательством в качестве реакции государства на совершенное преступление, но *не относящиеся*

¹ Об этом, например, см.: Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128; Соктоев З. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90–94; Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106–114 и др.

² Подробнее об этом см.: Маркунцов С.А. Анализ законодательных инициатив Верховного Суда РФ или к вопросу об изменении предмета уголовно-исполнительного права // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних): сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 ноября 2015 г.): в 8 т. Т. 3: Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации». Рязань: Академия ФСИН России, 2015. С. 125–130.

к уголовному наказанию (курсив наш – С.М.)¹. В случае реализации соответствующей инициативы наказания в виде обязательных и исправительных работ будут, с одной стороны, наказаниями, с другой (при определенных условиях) – иными мерами уголовно-правового характера. Однако даже при этом указанные меры уголовно-правового характера не просто сохранят названия соответствующих наказаний, но и (согласно ст. 104.8 «Порядок исполнения иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности» Законопроекта 2017 г.: *«Исполнение иных мер уголовно-правового характера, указанных в статье 104.3.1 настоящего Кодекса, осуществляется по правилам, установленным федеральным законодательством для исполнения уголовных наказаний (курсив наш – С.М.) в виде штрафа, обязательных работ и исправительных работ, с особенностями², предусмотренными настоящей главой»*) тот же порядок исполнения, как и порядок исполнения соответствующих наказаний. Более того, в них, исходя из существующих лишений и ограничений, в основном будет сохранено карательное содержание соответствующих видов наказаний.

¹ Уголовно-исполнительное право: учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М.: Проспект, 2009. С. 11.

² К обозначенным особенностям следует отнести то, что согласно ч. 2 ст. 104.6 «Обязательные работы как иная мера уголовно-правового характера» Законопроекта 2017 г. верхняя и нижняя границы обязательных работ как иной меры уголовно-правового характера сокращены в два раза (до 30 и 240 часов соответственно) по сравнению верхним и нижним пределами обязательных работ как уголовного наказания. А в соответствии с ч. 2, 3 ст. 104.7 «Исправительные работы как иная мера уголовно-правового характера» Законопроекта 2017 г. верхняя и нижняя границы исправительных работ как иной меры уголовно-правового характера сокращены в два раза (до одного месяца и одного года соответственно) по сравнению с верхним и нижним пределами исправительных работ как уголовного наказания, также вдвое сокращен верхний предел удержания по приговору суда в доход государства из заработной платы лица, в отношении которого будут применяться исправительные работы в качестве иной меры уголовно-правового характера (до 10%), по сравнению с тем, если бы к нему применялись исправительные работы в качестве уголовного наказания.

Представляется, что рассматриваемая законодательная инициатива Верховного Суда РФ, направленная на реформирование УК РФ, в случае ее реализации размоет во многом устоявшиеся доктринальные подходы к пониманию базовых уголовно-правовых институтов и конструкций, потребовав концептуального пересмотра базовых доктринальных положений, а также вызовет много вопросов у правоприменителей¹, на которые еще предстоит ответить в будущем. Вместе с тем указанные законодательные инициативы в случае их принятия станут очередной новеллой в череде перманентной новеллизации Уголовного кодекса РФ, масштабы которой действительно впечатляют.

¹ В пакете Законопроекта 2015 г., наряду с изменениями УК РФ, УПК РФ, планировалось также внесение изменений в УИК РФ. В рамках Законопроекта 2017 г. внесение изменений в иные нормативно-правовые акты, кроме УК РФ и УПК РФ, не предусмотрено.

ВЛИЯНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ДЕЯНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

*Репецкая А.Л., д.ю.н., профессор,
Заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного права
Юридического института
Иркутского государственного
университета*

Достаточно длительное время в российской правовой системе даже речи не шло о наличии в ее структуре такой отрасли права, как криминологическое право. Криминология трактовалась и продолжает трактоваться как социолого-правовая наука о преступности, ее детерминантах, личности преступника и предупреждении всего вышеуказанного и при этом от других наук криминального цикла отличалась отсутствием собственной нормативно-правовой базы. Долгое время фактически не поднимался вопрос о возможности в рамках единой отрасли права осуществлять правовое регулирование важнейших процессов, связанных с развитием преступности; определением, выявлением и блокированием, нейтрализацией криминогенных детерминант; осуществлением коррекции неблагоприятного формирования личности преступника и его ресоциализацией; профилактикой криминализации и виктимизации населения в целом и его отдельных групп.

Между тем в последние годы все чаще известные криминологи говорят о том, что криминологическое законодательство тем не менее существует¹. Более того, оно представляет собой не отдельно взятый федеральный закон, который (с недавнего времени) регулирует процессы предупреждения преступности, а складывается из

¹ См.: Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 183; Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1. С. 49.

достаточно большого количества разноуровневых законодательных актов, принятых на протяжении последних 25–30 лет. Структура этих законов столь разнообразна, что, например, М.П. Клейменов делит их на пять больших групп: международные конвенции; нормативно-правовые акты, принятые в рамках СНГ; федеральное криминологическое законодательство; законы и иные нормативно-правовые акты, имеющие криминологическое содержание, принятые органами власти субъектов РФ; и наконец, муниципальные правовые акты криминологической направленности¹.

Рассматривая эти группы нормативно-правовых актов, невольно приходишь к выводу о том, что криминологическое законодательство не только существует, но и достаточно обширно как по содержанию, так и по видам нормативных актов, его составляющих. Исходя из анализа уже существующей правовой системы и характера законодательства, имеющего криминологический характер, Д.А. Шестаков, например, предлагает создание единой отрасли права, которую он называет «право противодействия преступности», структурированное по уровням, где «верхний слой – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним слой кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности); 2) Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодежи; 3) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный»².

Таким образом, в связке уровней законодательства то, что относится к криминологическому законодательству, занимает более высокий уровень, чем уголовный закон. Это значит, что именно криминологическое законодательство должно являться отправной точкой таким процессам, как криминализация общественно опасных социальных явлений и их регламентация в качестве преступлений в уголовном законе. Именно результаты криминологических исследований

¹ См.: Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 180–183.

² Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1. С. 49.

должны являться базой анализа общественной опасности криминализируемых деяний, а не умозаключения ученых или практиков, использующих в законотворческой деятельности, особенно в сфере уголовного права, метод «умной головы»¹. Иными словами, процесс криминализации, так же как и декриминализации, должен быть криминологически обоснован.

Нельзя не согласиться с В.В. Лунеевым в том, что при изучении различных отраслей права на основе «саих себя» нельзя получить новых знаний по определению. Их можно приобрести лишь при изучении и прогнозировании реальной криминологической обстановки, которая складывается на основе действующего законодательства, т.е. при изучении социологии уголовного права, социологии уголовно-процессуального права, социологии исполнительного права, при изучении криминологических проблем в стране².

В доказательство можно привести несколько примеров из мировой практики, когда результаты криминологических исследований, полученных международными научными институтами (например, UNICRI) и организациями (например, FATF, GRECO, GRETA, OLAF и др.), легли в основу международных Конвенций, принятых Организацией Объединенных Наций или Советом Европы. Это, например, такие законы, как Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., о борьбе с незаконной перевозкой наркотиков и психотропных средств 1988 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция против коррупции 2003 г.; Конвенции Совета Европы «Об отмывании, расследовании и конфискации преступных доходов» 1990 г.; против торговли человеческими органами 2015 г.; о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г. и многие другие.

Под влиянием этих, по сути, криминологических законов государства, их ратифицировавшие, приняли свои национальные законы, а также внесли изменения в национальные уголовные кодексы. Пример России в этом процессе является показательным.

¹ См.: Лунеев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1–2 (1). С. 10.

² См.: там же.

Так, например, в конце XX в. в течение многих лет на Россию оказывалось серьезное давление с тем, чтобы она приняла решительные меры по борьбе с отмыванием денег. В июне 2001 г. FATF была готова классифицировать Россию как «несотрудничающее государство» в деле борьбы с легализацией преступных доходов¹. В результате 7 августа 2001 г. был подписан Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем», который вступил в силу 1 февраля 2002 г. В соответствии с этим законом в уголовный закон была включена ст. 174, а затем и ст. 174.1 УК РФ, регламентирующие уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств.

Другой, столь же показательный пример касается регламентации уголовной ответственности за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ), введенной в Уголовный кодекс Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. Криминализация данных деяний является следствием подписания Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополнившего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Если бы не было этого криминологического по своей сути закона, вероятно, до сих пор не было бы в УК РФ указанных составов преступлений.

Аналогичная ситуация с принятием в 2008 г. пакета федеральных законов, регламентирующих меры, способствующие противодействию коррупции в Российской Федерации. В этот пакет вошли Федеральные законы: «О противодействии коррупции»; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием ФЗ «О противодействии коррупции» (№ 274-ФЗ); «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию

¹ См.: Шейли Л., Бергер И. Наконец Россия приняла закон о борьбе с отмыванием денег // Экономическая преступность / Под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова. М.: Юрист, 2002. С. 36–37.

от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (№ 280-ФЗ).

В результате принятия этих законов как следствия ратификации международных Конвенций, Российская Федерация не только получила законодательное определение коррупции, но и ввела ответственность юридических лиц за совершаемые в их интересах коррупционные правонарушения (ст. 14 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Поскольку коррупция в указанном законе определяется через перечень конкретных преступлений, возможность привлечения к ответственности юридических лиц является реальной перспективой ее криминализации в уголовном законе.

Можно привести массу других примеров, в частности связанных с преступлениями террористической и экстремистской направленности, компьютерными, коррупционными преступлениями, преступлениями в экономической сфере и в сфере нравственности. Значительная их часть была криминализована под влиянием криминологического законодательства как международного, так и федерального уровня. При этом невозможно не вспомнить такие Федеральные законы, как «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» 1999 г., «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 г., «О противодействии терроризму» 2006 г., «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам» 2012 г. и др.

Все они составляют ядро национального криминологического законодательства, которое определило направление развития уголовного закона по криминализации отдельных видов общественно опасных деяний, возникших либо существовавших в нашем обществе. Это свидетельствует об определяющей роли криминологического законодательства, базирующегося на результатах криминологических исследований, мировой практике борьбы с преступностью и позволяющего максимально точно скорректировать уголовную ответственность за наиболее распространенные и опасные деяния, продолжающие существовать и развиваться в современном мире.

МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ В ЭКОНОМИКЕ И В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

*Бибик О.Н., д.ю.н., профессор кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского*

Результативность актов поведения человека при определенных обстоятельствах может многократно увеличиваться ввиду системности общественных отношений. Изменение их содержания закономерно отражается на смежных отношениях, приумножая эффект от совершенного поступка.

В экономической теории используется понятие мультипликативного эффекта, который определяется как отношение изменения доходов к вызвавшему его исходному изменению расходов. Например, рост инвестиций увеличивает доходы, которые частично расходуются на другие товары и услуги. Производители данных товаров и услуг также получают выгоды от увеличения доходов и также истратят их часть и т.д.¹ Указанная системность общественных отношений, вызывающая к жизни мультипликативный эффект, проявляется в любой сфере человеческой деятельности, включая преступность, а также борьбу с ней.

В уголовно-правовой сфере мультипликативный эффект обнаруживается, в частности, при анализе преступных последствий, общественной опасности деяний, при определении т.н. «цены преступности», под которой можно понимать общий объем социальных издержек, вызванный совершением преступления². Например, в

¹ См.: Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 341.

² См., например, об этом: Квашис В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94–102; Цена преступности (методология ее определения) / Под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014.

результате умышленного причинения смерти потерпевшему фактически неблагоприятные последствия угрожают благополучию, нормальной жизнедеятельности всей его семьи (включая детей, супруга, родителей), функционированию трудового коллектива, а в итоге обществу в целом. Образуется длинная цепочка социальных издержек, последствий для десятков, сотен, тысяч человек, которые повлекло одно убийство.

То же касается получения крупной взятки, когда в обмен на вознаграждение за нарушение условий размещения государственного заказа коррупционер жертвует интересами сотен тысяч, миллионов сограждан. И по цепочке данный поступок вызывает огромный негативный мультипликативный эффект сначала в экономической сфере (ограничение конкуренции, монополизм, убытки для хозяйствующих субъектов и т.д.), а затем и в остальных сферах жизни общества. И в итоге одна взятка способна породить последствия, сравнимые с террористическим актом! Что уж говорить, если такие взятки преступник получает систематически.

Мультипликативный эффект наблюдается и в том случае, когда одно преступление закономерно обуславливает совершение других преступлений, повышение их общей общественной опасности, количественных и качественных показателей причиненного вреда (ущерба). Например, преступники вкладывают часть средств, полученных в результате совершения преступлений, в осуществление новых преступных деяний: на деньги, вырученные от продажи наркотиков, приобретает оружие, подкупаются чиновники и т.д.

Аналогичным образом функционирует система мер по борьбе с преступностью, для которой также свойственен эффект мультипликатора. Предупреждение одного преступления препятствует совершению связанных с ним уголовно наказуемых деяний.

В науке уже используются термины «сопутствующее преступление», «сопряженное преступление», которые наглядно иллюстрируют мультипликативный эффект в сфере криминальной деятельности, а также борьбы с преступностью¹. Мультипликативный

¹ См., например: Гармаев Ю.П. Преступное «бегство» капиталов за границу: практика правоохранительных органов // Право и экономика.

эффект заключается в том, что *базовое преступление закономерно влечет совершение сопутствующих преступлений, чем пропорционально увеличивает собственную общественную опасность*¹. Например, ученые отмечают мультипликативный эффект в сфере незаконного оборота наркотиков. Было установлено, что закрытость воинских коллективов солдат и сержантов, проходящих военную службу по призыву, усиливает мультипликативный эффект наркопреступлений. Поэтому если внутри воинских частей соотношение наркопреступлений к сопутствующим им преступлениям равно $1/4$, то за пределами части аналогичное соотношение составляет $1/2^2$.

Методом определения мультипликатора может быть отношение базового преступления к количеству преступлений, которые были исполнены для того, чтобы: 1) воспользоваться благами, добытыми при совершении базового преступления (например, отмывание денег); 2) реализовать возможности, созданные базовым преступлением (например, разбой, совершенный бандой); 3) облегчить совершение базового преступления; 4) отомстить за базовое преступление; 5) скрыть базовое преступление³.

2005. № 8. С. 63; Гармаев Ю.П. Внешнеэкономические преступления, связанные с вывозом капиталов за рубеж: комментарий законодательства и методика расследования // СПС «Консультант Плюс»; Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 15–16.

¹ В.В. Макаров предлагает такое определение данной закономерности: «...совершение одного преступления (сопряженного) в одном случае обусловлено совершением другого (основного), а в другом зависит от стечения обстоятельств, связанных с основным преступлением». См.: Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 16.

² См., например: Песчанских Г.В., Плешаков А.А., Черкудинов Д.А. Влияние распространения наркомании и наркопреступности в армейской среде на рост количества преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в армии и на флоте // Наркоконтроль. 2011. № 2.

³ См. об этом также: Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 16.

Приведем несколько примеров, которые иллюстрируют не только мультипликативный эффект при совершении преступлений, но и, соответственно, аналогичный эффект при их предотвращении:

1. В отношении *кровной мести* есть поговорка, принадлежащая Конфуцию, иллюстрирующая коэффициент мультипликатора: «Перед тем как мстить, вырой две могилы». В этом случае коэффициент мультипликатора равен 1, поскольку ввиду убийства по мотивам кровной мести впоследствии в результате совершения преступления погибнет и человек, исполнивший данный обычай. При определенных обстоятельствах мультипликативный эффект соответствующего деяния может в десятки и даже сотни раз превысить данный коэффициент, поскольку в отсутствие примирения в совершение преступлений по мотивам кровной мести будут втянуты многочисленные родственники. Есть исторические примеры, когда исполнение указанного обычая приводило к полному уничтожению целых поселений!¹

Вообще следует заметить, что насильственные преступления, в особенности связанные с причинением смерти, нередко имеют мультипликативный эффект, вызывают совершение других уголовно наказуемых деяний. Например, преступник совершил умышленное убийство потерпевшего на почве ссоры, внезапно возникших личных неприязненных отношений, а затем умышленное убийство двух свидетелей с целью сокрытия совершенного убийства². Первоначальное убийство (базовое преступление) повлекло еще два убийства. Соответственно, коэффициент мультипликатора составил 2 (без учета особенностей квалификации убийства двух или более потерпевших как единого преступления по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

2. *Коррупционные преступления* характеризуются значительным мультипликативным эффектом. Как отмечается в науке, коррупция

¹ См.: Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 2. М.: Типография В. Гатцук, 1886. С. 25–26.

² Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2003 г. № 48-о02-183 // СПС «Консультант Плюс».

коррелирует практически со всеми видами преступности¹. Дача/получение взятки одними лицами нередко сопровождаются дачей/получением взятки другими преступниками, различными хищениями, легализацией преступно нажитого имущества, злоупотреблением должностными полномочиями и т.п.

Например, коэффициент мультипликатора может составить 2, если вследствие дачи взятки (базовое преступление) субъект совершает получение взятки и злоупотребление должностными полномочиями², либо данный коэффициент составит 3, если вследствие дачи взятки совершаются получение взятки, служебный подлог, причиняется имущественный ущерб путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения³.

3. *Организованная преступная деятельность*, как правило, предполагает наибольший эффект мультипликатора. Так, создание преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ) может привести к совершению десятков, сотен, тысяч уголовно наказуемых деяний. Имущественные преступления, совершаемые рядовыми членами сообщества, представляют возможность давать взятки, совершать коммерческий подкуп, нанимать для совершения преступлений других людей и т.п. В том числе для этой цели создается т.н. общак. В этом случае первоначально похищенное имущество «инвестируется» в криминальную деятельность, что влечет мультипликативный эффект.

Базовое деяние – создание преступного сообщества – имеет коэффициент мультипликатора, сопоставимый с общим количеством преступлений, совершенных членами преступного сообщества. Например, в одном из уголовных дел обвинению удалось доказать

¹ См.: Soares R.R., Naritomi J. Understanding High Crime Rates in Latin America. The Role of Social and Policy Factors // The economics of crime: lessons for and from Latin America / Edited by Di Tella R., Edwards S., Schargrodsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. P. 28–33.

² См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 78-АПУ13-39 // СПС «Консультант Плюс».

³ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2013 г. № 58-АПУ13-7 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2013 г. № 84-АПУ13-5 // СПС «Консультант Плюс».

16 эпизодов криминальной деятельности¹. Соответственно, коэффициент мультипликатора составил 16.

Уголовный закон учитывает эффект мультипликатора при криминализации деяний прежде всего в т.н. усеченных составах преступлений. Так, ст. 208–210 УК РФ предусматривают ответственность за само создание незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества (преступной организации), которые нацелены на совершение, как правило, серии преступлений, долговременную преступную деятельность. И все последующие деяния соучастников также вменяются в вину организатору, руководителю, если они охватывались его умыслом.

Другой пример учета мультипликативного эффекта – назначение наказания, при котором принимается во внимание в качестве отягчающего обстоятельства тот факт, что преступление совершено с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е 1» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Вместе с тем существуют нормы уголовного права, в которых мультипликативный эффект учитывается не в полной мере. В частности, уголовный закон относит призывы к совершению особо тяжких преступлений к категориям преступлений небольшой или средней тяжести. Например, в ч. 1 ст. 205.2 УК РФ за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма максимальным наказанием является лишение свободы на срок пять лет.

Предположим, что один «проповедник» в состоянии склонить к участию в терактах 10 человек, каждый из которых совершит самостоятельное преступление. В таком случае коэффициент мультипликатора будет равен 10. При этом все 10 преступлений будут особо тяжкими деяниями. Лица, имеющие в обществе авторитет, в состоянии склонить не десятки, а сотни, тысячи людей к совершению данных преступлений. В результате общественная опасность публичных призывов к участию в террористической деятельности возрастет многократно.

¹ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 49-О15-1 // СПС «Консультант Плюс».

Аналогичные выводы следует сделать и в отношении призывов к массовым беспорядкам, максимальное наказание за которые ограничено двумя годами лишения свободы (ч. 3 ст. 212 УК РФ). При этом участие в указанных беспорядках наказывается на срок до восьми лет лишения свободы (ч. 1 ст. 212 УК РФ). Вызывает сомнения и санкция, предусмотренная в ст. 354 УК РФ за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (по ч. 1 – максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет).

Принимая во внимание мультипликативный эффект в результате совершения соответствующих деяний, представляется необходимым относить призывы к совершению тяжких и особо тяжких преступлений к категории особо тяжких преступлений и применять максимально суровое наказание за их совершение.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Сутурин М.А., к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Юридического института
Иркутского государственного
университета*

Основанием уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК РФ, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного этим кодексом.

Возможность применения наказания к лицу, совершившему преступление, появляется, с правовой точки зрения, уже с момента совершения преступления. Именно тогда возникает уголовно-правовое отношение. Однако для практического применения наказания необходимо официально констатировать и зафиксировать в уголовно-процессуальной форме наличие уголовно-правового отношения: установить юридический факт, породивший его возникновение; установить субъекта правоотношения; выяснить его содержание, т.е. определить, какой уголовно-правовой нормой оно предусмотрено. Эти задачи выполняются органами дознания, следствия и судом, которые в процессуальных документах фиксируют выявленное уголовно-правовое отношение в определенной квалификации преступления.

Квалификация преступления является важнейшей, но не единственной составляющей применения нормы права. Понятие «применение нормы права» охватывает: 1) анализ фактических обстоятельств дела; 2) выбор (отыскание) соответствующей нормы; 3) удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму, и установление его силы; 4) уяснение смысла и содержания нормы; 5) толкование нормы; 6) принятие решения и издание акта, закрепляющего это решение¹.

¹ Ткаченко Ю.Г. Нормы социалистического права и их применение. М.: Госюриздат, 1955. С. 27.

Квалификация составляет только ту часть процесса применения нормы права, которая заключается в выборе единственной уголовно-правовой нормы, точно соответствующей признакам реально совершенного опасного деяния, и закреплении этого выбора в юридическом акте (приговоре, определении, постановлении).

Определение квалификации преступления как «установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой», является общепризнанным в уголовном праве¹. Исходя из этого квалификацию преступлений можно определить как логический процесс установления признаков состава преступления и общественно опасного поведения лица и результат этого процесса, т.е. закрепление в процессуальных документах следствия и суда указания на уголовный закон, подлежащий применению.

Говоря о квалификации преступлений, некоторые ученые утверждают, что между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления необходимо установление соответствия. Другие авторы, говоря о квалификации преступлений, полагают, что это вывод о подобии (тождестве) конкретного жизненного случая тому понятию о преступлении данного вида, которое сформулировано в норме закона². В этом определении понятия «тождество» и «подобие» употреблены как синонимы. Представляется, прав А.И. Рарог, что «ни соответствие, ни подобие не отражают той степени совпадения (как по перечню, так и по содержанию) юридических признаков реального общественно опасного деяния и его нормативной характеристики, которая необходима для квалификации преступления. Более точно характер совпадения двух групп признаков передается терминами «идентичность либо тождество»³.

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 7–8.

² Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 11.

³ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 16–17.

В науке уголовного права в зависимости от разных критериев выделяют различные виды квалификации преступлений. Так, в зависимости от субъекта, производящего квалификацию, различают два вида квалификации преступлений: официальную (легальную) и неофициальную (доктринальную).

«Официальная (легальная) квалификация – это уголовно-правовая квалификация преступления, осуществляемая по конкретному уголовному делу лицами, специально уполномоченными на это государством: работниками органов дознания, следователями, прокурорами и судьями. Неофициальная (доктринальная) квалификация – это соответствующая правовая оценка преступного деяния, даваемая отдельными гражданами: научными работниками, авторами журнальных статей, монографий, учебников, учебных пособий, студентами, изучающими те или иные уголовные дела, и т.д.»¹

Только официальная квалификация имеет юридическую силу и влечет конкретные юридические последствия. Доктринальная квалификация лишь выражает мнение ученых и других лиц по вопросам квалификации преступлений, она не имеет процессуального оформления и не влечет юридических последствий.

В литературе выделяется также полуофициальная квалификация, которая дается Пленумом Верховного Суда РФ в постановлениях по практике применения уголовного законодательства по определенным категориям дел². Однако в разъяснениях, даваемых Пленумом Верховного Суда РФ, приводятся научно-практические рекомендации по применению закона ко всем случаям совершения преступлений подобного вида, но не по квалификации конкретного преступления³.

Кроме этого, в зависимости от результата, полученного при квалификации, ее можно подразделить на позитивную и негативную.

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 19–20.

² Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР. С. 22–24.

³ Рагоз А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 20.

Под позитивной понимается квалификация, в результате которой установлено, что деяние лица содержит состав преступления. Квалификация считается негативной, если не установлено тождество фактических признаков совершенного деяния и признаков состава преступления¹.

Квалификация, понимаемая как оценка качества деяния, может завершиться выводом как о том, что содеянное подпадает под одну из статей уголовного закона, так и о том, что содеянное не является преступлением в силу различных обстоятельств: малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ); в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–42 УК РФ). Вывод может состоять в том, что в содеянном содержатся признаки приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести, которые в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ не влекут уголовной ответственности, или же в том, что содеянное представляет собой покушение на преступление, от которого лицо добровольно отказалось и в связи с этим не подлежит уголовной ответственности (ст. 31 УК РФ).

В связи с изложенным в литературе высказано мнение о том, что правомерно говорить о квалификации в широком смысле, т.е. об уголовно-правовой оценке деяния до установления его преступного характера, и о квалификации в узком смысле, т.е. о квалификации деяния именно как преступления².

В зависимости от точности соотнесения признаков преступления и признаков состава преступления возможны два вида квалификации – правильная и неправильная.

Правильная квалификация – такая, при которой признаки преступления, имеющие значение для квалификации, полностью совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Определение понятия квалификации, ранее приведенное и принадлежащее В.Н. Кудрявцеву, таким образом, является определением правильной квалификации. Неправильной же является такая, при которой признаки преступления, имеющие значение для

¹ Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 7.

² Рагог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 15.

квалификации, не полностью совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой¹.

В специальной литературе отмечается, что неправильная квалификация также имеет свои разновидности (недостаточная и избыточная). При недостаточной квалификации признаки преступлений не находят полного отображения в применяемой для уголовно-правовой оценки норме. Например, квалификация оконченного деяния как покушения на преступление; квалификация содеянного по одной статье, в то время как необходима квалификация по совокупности статей; квалификация деяния как менее тяжкого, в то время как в действительности совершенное деяние необходимо квалифицировать путем вменения квалифицирующего или особо квалифицирующего признака.

Избыточной является квалификация, при которой признаки преступления находят излишнее отображение в применяемой для уголовно-правовой оценки норме². Примерами избыточной квалификации являются ситуации, обратные приведенным выше примерам.

По происхождению квалификация преступлений бывает ошибочной и объективно-неправильной. Ошибочной квалификация преступления будет тогда, когда она зависит от самого квалификатора, т.е. допущенное им установление и закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном акте предусмотренности выявленного деяния составу преступления, которым на самом деле данное деяние не охватывается. Объективно неправильной называется квалификация, которая является неправильной из-за изменений уголовного законодательства, которые происходят уже после осуществления уголовно-правовой оценки деяния³.

¹ Лаптева Е.Н. К вопросу о понятии и видах избыточной квалификации преступлений // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. статей. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1995. С. 44.

² Там же; Лаптева Е.Н. О видах квалификации преступлений // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 1998. Вып. 2. С. 232.

³ Благов Е.В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2003. С. 18.

Значение правильной квалификации преступлений исключительно велико. Она обеспечивает соблюдение принципов законности, вины, справедливости и гуманизма, гарантирует действительное достижение равенства перед законом. Правильная квалификация преступлений является основанием для отрицательной оценки государством совершенного деяния как преступления с учетом его тяжести и степени общественной опасности и, таким образом, является важной предпосылкой назначения законного и справедливого наказания. Правильная квалификация преступления предопределяет верное отнесение его к одной из четырех категорий: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкому и особо тяжкому (ст. 15 УК РФ).

С вопросом об отнесении преступления к той или иной категории связано решение очень многих вопросов уголовного права, таких как освобождение от уголовной ответственности и наказания, дифференциация условий отбывания лишения свободы, сроки погашения судимости и др. Правильная квалификация преступлений обуславливает процессуальный порядок расследования преступлений, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, определения подследственности, подсудности, процессуальных сроков, видов мер пресечения.

Правильная квалификация преступлений имеет также важное криминологическое значение. Она позволяет правильно отразить в статистической отчетности состояние, структуру и динамику преступности, что, в свою очередь, позволяет сделать обоснованные прогнозы, планировать и осуществлять меры по пересечению и предупреждению преступлений.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Иванова Л.А., к.ю.н., доцент
кафедры уголовного права
и криминологии Иркутского
института (филиала)
«Всероссийского государственного
университета юстиции»*

Субъектом преступления признается физическое лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность.

Субъект преступления — это уголовно-правовое понятие, элемент состава преступления, которое включает в себя перечень признаков, имеющих значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности¹. Лицо считается совершившим преступление, если оно лично, собственными силами (в том числе с использованием сил природы, домашних и диких животных, технических механизмов и т.п.) осуществило общественно опасные действия (бездействие), образующие состав определенного вида преступления, или если оно для достижения преступного результата использовало в качестве орудия преступления поведение невменяемых лиц, малолетних, а также граждан, не осознававших действительное значение совершаемых ими действий². Обязательные признаки субъекта преступления (физическое лицо, достижение возраста, установленного уголовным законом, вменяемость) нормативно установлены в ст. 19 УК РФ. Факультативный признак субъекта преступления — специальный субъект — выделяется доктриной уголовного права на основе анализа Общей и Особенной частей УК.

¹ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 37; Павлов В.Д. Субъект преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 68.

² Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 94.

На квалификацию преступления могут оказать влияние только два из названных признаков – возраст и признак специального субъекта. Проблема уголовной ответственности юридических лиц достаточно широко обсуждается в специальной литературе¹. Однако уголовный закон в качестве субъекта преступления рассматривает только физическое лицо. Невменяемость лица исключает уголовную правосубъектность лица² и, таким образом, исключает квалификацию совершенного общественно опасного деяния в качестве преступления.

Наступление уголовной ответственности за ряд преступлений возможно в более позднем, чем 16 лет, возрасте (например, ст. 134, 135, 150, 151, 305 УК РФ и др.), что объясняется особенностями совершенных лицом преступлений и относится к признакам специального субъекта преступления. Этот вопрос будет рассмотрен ниже при анализе влияния признаков специального субъекта на квалификацию.

Недостижение лицом, совершившим общественно опасное деяние, абсолютно минимального возраста, с которого по российскому уголовному законодательству возможна уголовная ответственность, – 14 лет – полностью исключает уголовную правосубъектность лица. Подобное деяние не может быть квалифицировано в качестве преступления, поскольку один из элементов состава преступления – субъект преступления – не обладает всеми необходимыми для наступления уголовной ответственности признаками.

Вопрос о влиянии возраста на квалификацию преступления может возникнуть в случае совершения лицом в возрасте от 14 до 16 лет общественно опасного деяния, уголовная ответственность за которое наступает с 16 лет. При этом возможны два варианта квалификации. Так, совершенное лицом общественно опасное деяние, уголовная ответственность за совершение которого установлена с 16 лет, может

¹ См., например: Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002; Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: Изд-во СПбЮИ Ген. прокуратуры РФ, 1998.

² Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 260.

фактически содержать состав другого преступления, уголовная ответственность за которое в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ установлена с 14 лет. Например, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), уголовная ответственность за совершение которого наступает с 16 лет, фактически содержит состав убийства (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), уголовная ответственность за совершение которого наступает с 14-летнего возраста. При посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, например из мести за такую деятельность, лицом в возрасте от 14 до 16 лет его действия могут быть квалифицированы как убийство лица в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Лицо, совершившее хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), в возрасте от 14 до 16 лет, может понести уголовную ответственность, если совершило деяние путем кражи (ст. 158 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ) или разбоя (ст. 162 УК РФ).

В том же случае, если совершенное лицом в возрасте от 14 до 16 лет общественно опасное деяние не содержит состава иного преступления, ответственность за которое возможна с более раннего возраста, такое деяние как не содержащее всех признаков состава преступления не подлежит уголовно-правовой квалификации.

Как отмечалось ранее, субъектом преступления считается не только лицо, собственными силами осуществившее общественно опасные действия (бездействие), но и использовавшее для достижения преступного результата в качестве орудия преступления поведение невменяемых или лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Правила квалификации в подобных случаях зависят от того, осознавало ли лицо, обладающее признаками субъекта преступления, что использует для совершения общественно опасного деяния лицо невменяемое или не достигшее возраста уголовной ответственности за это преступление, или нет.

Так, если под воздействием лица, обладающего признаками субъекта преступления, деяние, предусмотренное уголовным законом в качестве преступления, совершил невменяемый или лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности за это преступление,

лицо, обладающее признаками субъекта преступления, хотя фактически и не совершавшее общественно опасных действий, как «лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста и невменяемости», признается посредственным исполнителем преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ), поскольку лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности или невменяемое, было использовано им в качестве орудия совершения преступления. Если при этом посредственный исполнитель достиг совершеннолетия, то за вовлечение им в совершение преступления лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, его действия дополнительно подлежат квалификации по ст. 150 УК РФ.

Под специальным субъектом преступления понимается «лицо, которое кроме необходимых признаков субъекта (вменяемость, достижение определенного возраста) должно обладать еще особыми дополнительными признаками, ограничивающими возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления»¹. Классификация признаков специального субъекта в литературе производится по различным основаниям, однако для целей квалификации преступлений характер специального признака не имеет значения. Признаки специального субъекта или прямо указаны в диспозиции статьи Особенной части УК (ст. 150 УК РФ – лицо, достигшее возраста 18 лет; ст. 285 УК РФ – должностное лицо), или с необходимостью вытекают из ее содержания (ст. 131 УК РФ – лицо мужского пола). Исполнителем преступления со специальным субъектом может быть только лицо, обладающее специальным признаком. Для правильной квалификации в таких случаях необходимо точное уяснение признаков специального субъекта. Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в статье Особенной части УК РФ, в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ несет уголовную ответственность за преступление в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

¹ Арембаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1977. С. 46.

Универсальность положения о том, что лица, не обладающие признаками специального субъекта, не могут выступать в качестве соисполнителей преступления, а также о том, что во всех преступлениях со специальным субъектом возможно соучастие, неоднократно подвергалась сомнению в литературе¹. Так, соучастие невозможно в преступлении со специальным субъектом, когда характеризующий субъекта специальный признак носит сугубо личностный характер и не отражается на характере и степени общественной опасности самого деяния. Примером такого преступления является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). В диспозиции ст. 106 УК РФ факторы, значительно смягчающие наказание (к ним относятся особое психофизиологическое состояние матери во время или сразу после родов; психическое расстройство, не исключающее вменяемости; психотравмирующая ситуация), относятся исключительно к личности виновной и не могут оказывать смягчающего влияния на квалификацию действий других соучастников этого преступления. Поэтому для квалификации действий соучастников убийства матерью новорожденного ребенка не может применяться правило, закрепленное в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Действия соисполнителя и других соучастников этого преступления должны квалифицироваться с учетом выполнявшейся ими роли по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо находящегося в состоянии беспомощности.

Невозможно соучастие ни в виде соисполнительства, ни в виде действий организатора, подстрекателя или пособника в преступлениях, сходных по всем признакам состава, за исключением субъекта преступления, когда он образует «пары» преступлений, исчерпывающие всех возможных субъектов. Так, шпионаж как форма государственной измены (ст. 275 УК РФ) может быть совершен только гражданином РФ, а субъектом шпионажа как самостоятельного преступления (ст. 276 УК РФ) может быть только иностранный гражданин или

¹ См., например: Волженкин Б. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 15; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 319–323; Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 267–276.

лицо без гражданства. Соучастие при совершении этих преступлений иных субъектов, помимо указанных в названных статьях, невозможно. Если, например, гражданин РФ оказывает помощь в шпионаже иностранному гражданину, его действия должны квалифицироваться как государственная измена либо в форме шпионажа, если он был соисполнителем, либо в форме оказания иной помощи в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности РФ.

Как отмечал В.Н. Кудрявцев, «как правило, специальный субъект преступления — только следствие создания норм со специфическими признаками объекта преступления»¹. В этих случаях «существование и выделение в уголовном праве понятия специального субъекта обусловлено спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в сфере специальных отношений лицами, надлежащим образом включенными в систему этих отношений»². Таким образом, в ряде составов преступлений специальный субъект характеризуется не только наличием дополнительных признаков, но и специфическими условиями признания лица специальным субъектом преступления. Один лишь факт формального нахождения лица в сфере специальных общественных отношений еще не означает, что допущенное им нарушение специальных обязанностей должно повлечь за собой уголовную ответственность. Если будет установлено, что лицо включено в сферу специальных отношений некомпетентным органом или с нарушением соответствующих законодательных требований и условий, то такое лицо, посягающее на специальные объекты, не может быть привлечено к уголовной ответственности за данное преступление. Так, лицо, незаконно призванное на военную службу, поскольку к моменту призыва имело неснятую или непогашенную судимость за совершенное ранее тяжкое преступление, не может нести ответственность за самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ), поскольку не может быть субъектом преступления против военной службы.

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 1999. С. 163.

² Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография. М.: Юнити, 2004. С. 222.

Так, Президиум Верховного Суда РФ оставил состоявшиеся судебные решения без изменения, а протест – без удовлетворения по делу М., обвинявшегося в самовольном оставлении места службы (ст. 337 УК РФ). Суд первой инстанции признал М. невиновным и вынес оправдательный приговор за отсутствием в его действиях состава преступления, указав, что М. был призван на военную службу незаконно, поскольку к моменту призыва имел неснятую и непогашенную судимость за совершенное ранее тяжкое преступление, а поэтому не мог быть субъектом преступления против военной службы¹.

Несовершеннолетний не может быть, в соответствии с трудовым законодательством, в законном порядке зачислен на должность, непосредственно связанную с движением транспортных средств. Если все же это произойдет, например, в результате представления несовершеннолетним ложных сведений о своем возрасте или в результате ошибки работника кадровой службы или его злоупотребления, несовершеннолетний старше 16 лет, вопреки закону принятый на должность, связанную с движением и эксплуатацией транспортных средств, не может нести уголовную ответственность за преступления, объектом которых может быть лишь работник транспорта (ст. 263, 266, 269, 270, 271 УК РФ), но может отвечать за другие транспортные преступления (ст. 264, 265, 267 и 268 УК РФ), а также по нормам о причинении по неосторожности смерти (ст. 109 УК РФ), тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 118 УК РФ), об уничтожении или повреждении имущества по неосторожности (ст. 167 УК РФ)².

Если лицо, не наделенное правовой обязанностью выполнять конкретные функции, самовольно берет на себя их выполнение или же делает это по просьбе лица, на которого исполнение этих обязанностей было возложено, такое лицо не может быть признано специальным субъектом преступления, поскольку при этом отсутствует специальный нормативный способ включения лица в область спе-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 11.

² Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 252–254; Чучаев А.И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1998. С. 95.

циальных общественных отношений. Так, если часовой, отлучаясь с поста, оставляет вместо себя другого военнослужащего, а тот допускает хищение имущества из охраняемого им объекта, последний не может отвечать за утрату военного имущества по ст. 348 УК РФ, поскольку оно не было ему вверено и он не нарушал правила его сбережения¹.

Таким образом, лицо незаконно, ошибочно или обманным способом приобретшее статус специального субъекта, должно признаваться ненадлежащим субъектом этого преступления и не может нести за него ответственность. При этом в ряде случаев не исключается его ответственность по другим статьям УК РФ. Так, если результатом совершенного несовершеннолетним, работавшим машинистом, нарушения Правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта явилось причинение тяжкого вреда здоровью пассажира, несовершеннолетний подлежит ответственности не по ч. 1 ст. 263, а лишь по ч. 1 ст. 118 УК РФ.

На основании изложенного можно сформулировать следующие правила квалификации по признакам субъекта преступления.

1. Если лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, и в его действиях не содержится иного состава преступления, такое лицо не подлежит уголовной ответственности и его действия не могут быть квалифицированы как преступление.

2. Если лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, однако в его деянии наличествует другой состав преступления, ответственность за которое наступает с 14 лет, деяние этого лица должно быть квалифицировано по статье о том преступлении, ответственность за которое предусмотрена с 14 лет.

3. Если лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершило преступление с использованием лица, не достигшего возраста уголовной ответственности за это преступление или невменяемого, и осознавало эти обстоятельства, оно является посредственным

¹ Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография. М.: Юнити, 2004. С. 244.

исполнителем этого преступления и его действия подлежат квалификации по статье УК РФ, соответствующей совершенному им преступлению, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Если при этом субъект преступления достиг возраста 18 лет, то использование им при совершении преступлений несовершеннолетнего подлежит дополнительной квалификации по ст. 150 УК РФ.

4. Если лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершило его с использованием несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности за это преступление или невменяемого, однако не осознавало этого обстоятельства, его действия следует квалифицировать как покушение на подстрекательство (организацию, пособничество) этого преступления, т.е. со ссылкой на ч. 3 ст. 30, ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ.

5. Исполнителем преступления со специальным субъектом может быть лицо, обладающее специальными указанными в законе признаками.

6. Деяние лица, не обладающего признаками специального субъекта преступления, участвовавшего в совершении преступления со специальным субъектом, как правило, квалифицируется как действия организатора, подстрекателя или пособника со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

7. Совершение общественно опасного деяния ненадлежащим специальным субъектом не может быть квалифицировано по статье, предусматривающей ответственность за совершение деяния специальным субъектом. При наличии оснований, совершенное может быть квалифицировано по другим статьям УК РФ.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Аргунова Е.С., аспирант кафедры
уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиала)
«Всероссийского государственного
университета юстиции»*

Определение квалификации преступления как установления и юридического закрепления тождества юридически значимых признаков реально совершенного деяния с признаками состава преступления этого вида, закрепленными в норме Уголовного кодекса России, предопределяет значение уголовного закона как правовой основы квалификации преступлений.

В процессе квалификации преступлений производится сопоставление и установление тождества не с каким-либо научным определением преступления или определением, сложившимся в судебной практике, а только с законодательной моделью этого вида преступления¹. Именно уголовный закон содержит информационную модель преступлений каждого вида или состав преступления². Состав преступления – научная абстракция – представляет собой совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Создавая законодательную модель преступления конкретного вида, законодатель абстрагируется от нетипичных, частных

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 27.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 60; Рагоз А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 44; Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 53.

признаков, особенностей отдельных преступных деяний и закрепляет в уголовном законе лишь минимально необходимый набор признаков, которые неизбежно повторяются при совершении любого преступления данного вида и являются необходимыми и достаточными для признания лица виновным в совершении преступления определенного вида.

Признак состава преступления в литературе определяют как обобщенное юридически значимое свойство (качество), присущее всем преступлениям данного вида¹. Все признаки состава преступления в той или иной форме содержатся и в уголовно-правовой норме, однако ни одна статья Особенной части УК РФ не содержит всех признаков состава преступления. Существенные и отличительные признаки, специфичные для того или иного состава, содержатся в статье Особенной части УК РФ, а признаки, общие для всех преступлений, вынесены законодателем в Общую часть УК РФ. Так, возраст уголовной ответственности, признаки вменяемости, характеристики форм и видов вины и др. не имеет смысла указывать в каждой статье, чтобы избежать ненужных повторений, поэтому они закреплены в Общей части УК РФ, так же как и специфические признаки неоконченного преступления (ст. 30 УК РФ) или соучастия в преступлении (ст. 33 УК РФ). В этой связи нельзя согласиться с проводимым некоторыми авторами отождествлением понятия уголовно-правовой нормы и диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Конструирование уголовного закона с использованием бланкетных диспозиций вызывает споры среди специалистов по поводу того, содержит ли бланкетная диспозиция все признаки состава преступления или только их часть, являются ли нормативные акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, источником уголовного права. Так, по мнению Л.Д. Гаухмана, признаки состава преступления предусматриваются не только в уголовном законе – статье Особенной части и статьях Общей части УК, но еще и в других (неуголовных) законах или иных нормативных правовых актах, ссылки на которые сделаны в бланкетных диспозициях статей Особенной

¹ Рагоз А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 45.

части УК РФ¹. В связи с этим он утверждает, что при квалификации преступлений необходимо устанавливать точное соответствие между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, закрепленными не только в уголовном законе, но и в иных законах (или иных нормативно-правовых актах).

Большинство признаков состава преступления сформулированы в виде позитивных понятий, в позитивной форме, в виде указания на те или иные качества или свойства преступления. Негативные признаки содержатся как в Общей, так и в Особенной частях Уголовного кодекса. Так, в ч. 2 ст. 14 УК РФ зафиксировано положение, что не является преступным деяние, не представляющее такой степени общественной опасности, которая характерна для преступлений. Понятие невменяемости сформулировано в ч. 1 ст. 21 УК РФ также с использованием отрицательных понятий. Негативные признаки, исключающие состав преступления, соответствуют обстоятельствам, исключающим преступность деяния, предусмотренным ст. 37–42 УК РФ.

Важным для квалификации преступлений является деление признаков состава преступления по степени их неизменности, устойчивости на постоянные и переменные². Постоянными являются такие признаки, содержание которых остается неизменным в течение всего времени действия данного уголовного закона и не зависит от конкретных обстоятельств совершенного преступления. Постоянными

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. С. 16.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 108–123; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 36; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. С. 236–248; Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 55; Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982; Пикуров Н.И. Действительные и мнимые проблемы бланкетной диспозиции уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Второй Международной научно-практической конференции 27–28 января 2005 г. М.: Проспект, 2005. С. 71–75.

являются не только признаки, указанные в диспозиции статьи Особенной части УК, но и сформулированные в статьях Общей части. Постоянный признак является неизменным на всей территории действия той или иной уголовно-правовой нормы и стабилен в пределах действия конкретного уголовного закона. Изменение закона может привести к замене одного признака другим или к тому, что признак приобретает иное содержание. Так, УК РФ 1996 г. в ч. 1 ст. 222 в качестве предмета преступления предусматривал огнестрельное оружие, не указывая его признаков. В этой связи представляется, что под огнестрельным оружием следовало понимать и гражданское гладкоствольное оружие. В соответствии с изменениями, внесенными в редакцию данной статьи Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, предметом этого преступления является огнестрельное оружие, за исключением гражданского гладкоствольного, его основных частей и боеприпасов к нему. Таким образом, на протяжении того периода времени, когда закон действует без изменений, постоянные признаки также являются неизменными.

Переменными называются признаки, содержание которых может измениться без изменения текста диспозиции статьи Особенной части УК на протяжении действия одного уголовного закона. Содержание этих признаков определяется не только текстом статьи, но и другими моментами. Переменные признаки бывают оценочными и бланкетными.

Содержание оценочных признаков в значительной мере определяется правосознанием лица, применяющего уголовный закон. В.Н. Кудрявцев, образно характеризуя содержание оценочных признаков, предложил сравнить словосочетание «деревянный дом» и «хороший дом». Если мы используем термин «деревянный», то его смысл является общепринятым и одинаковым для всех, признак же «хороший» не является столь однозначным. Дом может быть хорошим для одной цели, но не подходящим для другой. Он может подходить для одного лица, но не подходить для другого, и даже для одного и того же лица в различные периоды его жизни этот дом может быть хорошим или плохим¹. Оценочные признаки относятся к переменным,

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 116.

поскольку они, во-первых, по-разному воспринимаются различными людьми и, во-вторых, могут по-разному восприниматься одним лицом с течением времени. УК РФ содержит достаточно большое количество оценочных признаков. Так, в ст. 37–39 УК РФ речь идет о явном несоответствии характеру и степени общественной опасности, в п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ – о стечении тяжелых жизненных обстоятельств, в п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ – о наступлении тяжких последствий, в п. «г» – об особо активной роли в совершении преступления, в п. «и» – о совершении преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего, в ч. 1 ст. 107 УК РФ – о тяжком оскорблении, в ст. 110 УК РФ – о жестоком обращении, в ч. 2 ст. 167 УК РФ – о наступлении иных тяжких последствий. Подобные признаки содержатся во многих других статьях Особенной части УК РФ.

Необходимо указать на следующие проблемы квалификации с использованием бланкетных диспозиций. Во-первых, в ряде норм с бланкетными диспозициями делаются ссылки не на конкретные законы и другие нормативные акты, а на целые правовые институты. Например, в ст. 141 УК РФ говорится о воспрепятствовании работе избирательных комиссий, о вмешательстве в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума ее полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, что предполагает знание избирательного законодательства. В ст. 170 УК РФ речь идет о регистрации незаконных сделок с землей. Для применения этой нормы необходимо знание земельного законодательства. При применении подобных диспозиций правоприменитель должен знать всю совокупность нормативных актов, составляющих в комплексе правовой институт, регламентирующий соответствующую сферу общественных отношений, и уметь анализировать эти нормы как в отдельности, так и в их совокупности. Во-вторых, сами законы и иные нормативные акты, на которые дается ссылка в бланкетных диспозициях, также являются нестабильными, и при квалификации преступлений правоприменитель обязан знать все изменения и дополнения, внесенные в эти акты, и уметь их оценить с точки зрения обратной силы закона.

Иные законы и подзаконные нормативные акты, как уже указывалось, не содержат признаков состава преступления, а лишь детализируют признаки, которые указаны в уголовном законе.

Наличие норм с бланкетными диспозициями, с одной стороны, обеспечивает экономию текста уголовного закона и избавляет законодателя от необходимости детализировать в уголовном законе признаки, раскрытые в иных законах и подзаконных актах. С другой стороны, существенно затрудняет правоприменителю квалификацию преступления, а также создает опасность подмены уголовного закона подзаконными актами, нарушения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

*Сидоренко Ю.В., к.ю.н., доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиала)
«Всероссийского государственного
университета юстиции»*

Согласно ч. 1 ст. 9 УК РФ общественно опасное деяние квалифицируется по статье уголовного закона, который действовал во время совершения деяния. В связи с этим требует уточнения вопрос, что понимают под временем совершения преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ таковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

В связи с указанной позицией законодателя время совершения преступлений как с материальным, так и с формальным составами совпадает, однако следует различать время совершения преступления и момент окончания преступления. Применительно к преступлениям с материальным составом временем совершения преступления является время совершения деяния, момент же окончания преступления связывается с наступлением последствий. В преступлениях с формальным составом время совершения и момент окончания преступления совпадают и связываются с окончанием осуществления деяния (действия или бездействия). Время совершения преступления с двумя обязательными действиями связывается с моментом совершения последнего из таких действий. Так, время совершения вымогательства связывается с моментом объективизации угрозы, а не только с предъявлением требования о получении имущества. Время совершения продолжаемого преступления определяется по моменту совершения последнего из ряда тождественных преступных актов, направленных к единой цели. Вместе с тем вопрос об определении времени совершения длящихся преступлений является дискуссионным. Так, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, таковым признается

момент начального действия (бездействия), которое выразилось в нарушении лежащей на лице правовой обязанности¹.

Вопрос о времени преступления, совершаемого в соучастии, также является дискуссионным. Рядом авторов отстаивается позиция, что время совершения преступления каждым из соучастников определяется по моменту совершения преступления исполнителем². Однако представляется, что хотя соучастники в соответствии со ст. 32 УК РФ принимают участие совместно в совершаемом преступлении, тем не менее их ответственность определяется в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ характером и степенью их личного фактического участия в совершении преступления, следовательно временем совершения преступления каждым соучастником является время осуществления фактического участия каждого из них в совершении преступления³.

Статья 10 УК РФ содержит исключение из общего правила о том, что общественно опасное деяние квалифицируется по статье уголовного закона, который действовал во время совершения этого деяния: уголовный закон, устранивший преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших общественно опасное деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. В таком случае возможна переквалификация содеянного лицом в соответствии с новым законом.

Если до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом, в соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления.

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм, изданных в разное время // Уголовное право. 2000. № 3. С. 22–25.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / Под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 40.

³ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2012. С. 24; Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. С. 73.

Если новый закон не декриминализировал какое-либо деяние, но изменил правила его квалификации, то при смягчении наказания этим законом деяние подлежит переквалификации по соответствующей статье нового закона. При усилении же наказания оно квалифицируется по статье старого закона¹.

Если новый уголовный закон смягчает наказуемость деяния или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление, он является более мягким и, таким образом, имеет обратную силу. Действия лица в этом случае также подлежат переквалификации по статье нового закона.

Кроме того, подлежит применению уголовный закон, в санкции которого снижен верхний или нижний предел наказания или снижены оба предела наказания.

Так, Северо-Кавказским окружным военным судом Л. и К. были осуждены, наряду с другими преступлениями, по ч. 1 ст. 218 УК РСФСР за незаконное приобретение, ношение, хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенные ими в 1996 г. Санкция ч. 1 ст. 222 УК РФ за аналогичные деяния предусматривает менее строгое наказание. В частности, в ней снижены верхний и нижний пределы наказания. С учетом положений ст. 9 и 10 УК РФ Военная коллегия указанные действия Л. и К. переквалифицировала на ч. 1 ст. 222 УК РФ и каждому из них определила лишение свободы в пределах санкции этой статьи.

В случаях, если закон усиливает наказание в одном из пределов санкции и смягчает в другом (например, снижен верхний предел и повышен нижний предел наказания), более мягкой следует считать статью, санкция которой предусматривает более низкий верхний предел наказания.

Как отмечает В.Н. Кудрявцев, «случаи «чистой» переквалификации со старого на новый закон только в связи с изменением санкций довольно редки. Как правило, при издании нового закона меняется, хотя бы и незначительно, диспозиция соответствующей нормы, а это существенно усложняет решение проблемы переквалификации»².

¹ Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 123.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 282.

Если новый уголовный закон затрагивает диспозицию уголовного закона, делая ее уже по кругу охватываемых деяний путем исключения отдельных признаков, характеризующих объект, предмет, объективную, субъективную стороны или субъект преступления, некоторые разновидности преступного деяния декриминализуются, объем нормы сужается, она предусматривает меньший круг действий, которые признаются законом преступными, и, таким образом, подобная норма имеет обратную силу. Так, УК РФ устанавливает ответственность за развратные действия (ст. 135) в отношении лица, заведомо не достигшего 16-летнего возраста. Статья 120 УК РСФСР предусматривала ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетних. Таким образом, законодатель устранил ответственность за развратные действия в отношении лиц в возрасте от 16 до 18 лет. Если диспозиция статьи нового закона уже, чем ранее действовавшего, в действиях лица отсутствует состав преступления или содеянное подлежит переквалификации по статье закона, содержащей более мягкую санкцию.

Если диспозиция нормы нового закона шире по кругу охватываемых деяний, чем диспозиция нормы старого закона, а санкция является более мягкой, значит норма нового закона имеет обратную силу лишь в отношении деяний, ответственность за которые предусмотрена как новым, так и старым законами. В отношении же тех деяний, которые ранее не признавались преступными, новая норма означает их криминализацию и обратной силы не имеет.

Если диспозиция и санкция нормы нового уголовного закона не изменились по сравнению с диспозицией и санкцией старого уголовного закона, в соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ квалификация производится в соответствии с законом, действовавшим во время совершения преступления.

Если диспозиция нормы нового закона шире, чем старого, поскольку включает в нее признаки, ранее не содержащиеся в этой норме, такая норма не имеет обратной силы в отношении деяний, характеризующихся этими признаками.

Если новый закон усиливает наказуемость деяния, а диспозиция нормы не изменилась, новый закон обратной силы не имеет.

Итак, правила квалификации преступлений при изменении уголовного закона состоят в следующем. Öffentlich опасные деяния квалифицируются по статье уголовного закона, который действовал во время совершения этого деяния (ч. 1 ст. 9 УК РФ).

1. Если новый уголовный закон устраняет преступность деяния, совершенного виновным, оно не может быть квалифицировано в качестве преступления.

2. Если новый уголовный закон не устраняет преступности деяния полностью, однако изменяет правила его квалификации, то в случае смягчения им наказания деяние подлежит переквалификации по соответствующей статье нового закона. При усилении же наказания оно квалифицируется по статье старого уголовного закона.

3. Если новый уголовный закон смягчает наказуемость или иным образом улучшает положение лица, он имеет обратную силу, а совершенные лицом деяния подлежат переквалификации по новому закону.

4. Если диспозиция нормы нового уголовного закона уже по кругу описываемых деяний, в действиях лица может отсутствовать состав преступления или содеянное подлежит переквалификации по статье закона, содержащей более мягкую санкцию.

5. Если диспозиция нормы нового закона шире, а санкция мягче, норма имеет обратную силу в отношении деяний, являющихся преступными в соответствии как со старым, так и с новым законами.

6. Если диспозиция и санкция нормы нового закона совпадают с диспозицией и санкцией нормы старого закона, квалификация производится по закону, действовавшему во время совершения преступления (ч. 1 ст. 9 УК РФ).

7. Если диспозиция нормы нового закона шире, эта норма не имеет обратной силы в отношении деяний, характеризующихся новыми признаками.

8. Если новый уголовный закон усиливает наказуемость деяния, не меняя при этом диспозиции нормы старого закона, он не имеет обратной силы (ч. 1 ст. 10 УК РФ).

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Рогова Е.В., д.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин Иркутского юридического
института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры РФ*

Материалистическая диалектика предполагает, что каждая вещь, каждое явление имеют в реальной действительности свое основание. Рассматривая содержание правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение общественно опасных деяний и дифференцирующих ее, отметим, что их основанием является опасность причинения вреда общественным отношениям в результате поведения определенной категории людей. Эта опасность выражена в самом содержании уголовно-правовой нормы, устанавливающей запрет на совершение общественно опасного деяния под угрозой уголовного наказания. Она обуславливает предусмотренный этой нормой состав преступления и размер наказания, установленного за его совершение. Опасность причинения вреда общественным отношениям является непосредственным основанием норм уголовного права.

В свою очередь, создание права есть открытие объективной потребности общества в закреплении общественных отношений, в том числе и посредством установления правового запрета и принятия законодателем соответствующей юридической нормы. В гносеологическом аспекте это познание названной социальной потребности, поскольку она существует и дана познающему законодателю в виде наличной, естественно (исторически) сложившейся нужды в поддержании порядка общественных отношений, соответствующего законам развития социального организма. Уровень развития общественных отношений определяет пределы правового регулирования, содержание правовых норм и круг социальных явлений, охватываемых юридическим воздействием¹.

¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986. С. 76, 103.

При этом социальные, экономические и политические преобразования, интенсивно происходящие в России, требуют от органов государства, в первую очередь от законодательных и правоохранительных органов, проведения действенных мер, направленных на борьбу с преступностью как сложным социальным явлением. Неизбежно возникают новые общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании, что особенно характерно в переломные для общества и государства периоды.

Социальные правообразующие факторы – факторы экономические, идеологические, политические, социально-психологические, нравственные и организационно-управленческие. Они существуют до правовых норм и вне их, составляя объективную основу правотворчества¹.

Постоянно меняющиеся и сложные по своей природе общественные отношения обуславливают необходимость совершенствования уголовного законодательства. XX век принес с собой много перемен, начавшийся XXI век готовит еще более серьезные и интенсивные изменения в действующий уголовный закон. И как бы ни было совершенно законодательство, оно не в состоянии «учесть все многообразие общественных отношений, которые требуют правового регулирования»². Исторический динамизм, масштабность, глубина и многообразие этих преобразований не только обуславливают, но и требуют действительно новых подходов в борьбе с преступностью. В связи с этим, отмечают исследователи, законодательство «обречено»³ на внесение изменений и дополнений, в том числе по причине появления новых воззрений и оценок в обществе, в теории и на практике.

¹ Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования. Сборник науч. статей, посвящ. 70-летию Т.Н. Цетели. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 36.

² Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976. С. 6.

³ Кругликов Л.Л., Климцева О.Ю. О пробелах и аналогии в уголовном праве // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. статей. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2000. С. 4.

Примером могут служить значительные изменения уголовного закона за счет криминализации деяний в сфере экономики. Именно в этом ряду находятся, например, небесспорные изменения, внесенные Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, связанные с разделением ст. 159 УК РФ «Мошенничество» на несколько специальных составов преступлений (ст. 159.1–159.6 УК РФ)¹. Следует назвать и Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ, которым криминализованы незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции². Можно предположить, что будут внесены и другие законопроекты, направленные на совершенствование уголовной политики и дифференциацию уголовной ответственности в экономической сфере.

Между социальной необходимостью и ее выражением в уголовном законе стоит исторически сформировавшееся общественное сознание данного периода времени, определяющее характер, формы и степень точности правовых отражений. Поэтому, как указывали Н.Ф. Кузнецова и Г.А. Злобин, «в отличие от объективных законов природы, нормы права могут адекватно отражать общественную потребность или недостаточно соответствовать этой потребности, достигать или не достигать поставленных законодателем целей»³.

По этому поводу заметим, что развитие уголовного права, создание правовой нормы не всегда основаны на адекватном и глубоком осознании общественной необходимости. Бывает, что вывод о необходимости и целесообразности внести изменения в уголовный закон

¹ Федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

² Федеральный закон РФ от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4752.

³ Кузнецова Н.Ф., Злобин Г.А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Советское государство и право. 1976. № 8. С. 76–77.

основывается на восприятии и оценке отдельных событий, носящих случайный характер. Получившие широкую огласку и возбудившие общественный резонанс факты единичных преступных деяний приводят к воздействию на законодателя, к требованиям установить или усилить уголовную ответственность за соответствующие действия¹. Поэтому в уголовном законе могут возникать такие новеллы, которые отражают переоценку социально-регулятивных возможностей уголовного права, о чем Г.А. Злобин писал более 30 лет назад и что сегодня достаточно актуально².

Прослеживается также сложная опосредованность связи уголовного закона с экономическим базисом, существует определенная зависимость уголовного права от экономики. Так, экономические закономерности обязывают изучать и учитывать в процессе создания норм ожидаемый от них материальный эффект, особенно если вопрос касается криминализации распространенных преступлений небольшой тяжести, установления и дифференциации уголовной ответственности за их совершение.

Требование экономической обусловленности уголовного закона предполагает учет материальных затрат и на исполнение наказания. Часть наказаний, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, не применяется ввиду отсутствия условий для их исполнения, для создания которых требуются определенные материальные затраты со стороны государства. В первую очередь это касается такого наказания, как арест. В уголовном законе закреплены три вида наказания, связанные с принудительным привлечением к труду (исправительные, обязательные и принудительные работы). В период сокращения количества государственных предприятий, безработицы при исполнении данных наказаний возникают серьезные трудности с устройством осужденных на работу. Таким образом, реально применимыми остаются в основном штраф и лишение свободы (срочное), а также условное осуждение к лишению свободы.

¹ См.: Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 30.

² Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 76.

Процесс дифференциации уголовной ответственности прежде всего должен соответствовать объективным потребностям общества. Это требование предполагает учет критериев, разработка которых составляет значимую часть учения о дифференциации уголовной ответственности.

Анализ научных публикаций по данной проблеме (Н.Ф. Кузнецова и Г.А. Кригер¹ и др.) позволяет сформулировать ряд утверждений о том, что социально обусловленной уголовно-правовую норму можно считать в том случае, когда она закрепляет деяние, отвечающее определенным критериям. К этим критериям следует отнести то, что это деяние причиняет существенный вред общественным отношениям, выявляет антиобщественную установку или антиобщественную ориентацию личности. Также оно получило такое распространение, которое в целом как социальное явление представляет значительную общественную опасность, а иные, кроме уголовно-правовых, меры не могут оказать сдерживающего влияния. Кроме того, правосознание граждан должно быть готово для восприятия такого деяния, как преступление. Установление уголовной ответственности за это деяние должно соответствовать уровню развития общественных отношений и их закономерностям. Введение уголовно-правовой нормы должно соответствовать также принципам и тенденциям эволюции уголовного права. При этом перечисленные критерии могут свидетельствовать о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы только при наличии их совокупности.

В этом же ключе академик В.Н. Кудрявцев отмечал, что «важнейшая предпосылка любой правотворческой деятельности — это анализ объективных общественных процессов (негативных и позитивных), определяющих как саму необходимость в принятии законодательства или практики его применения, так и конкретное содержание этих изменений»². Бесспорно, социальные процессы обуславливают содержание уголовного права, его динамику, перспективы развития как

¹ Кригер Г.А., Кузнецова Н.Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 114 и др.

² Кудрявцев В.Н. Закон, проступок, ответственность. М.: Наука, 1986. С. 100.

в целом, так и отдельных его институтов. С учетом этого и содержание уголовного закона должно определяться и изменяться в соответствии с процессами, происходящими в обществе¹. Содержание общественных отношений на различных этапах развития российского общества и порождает специфику в законодательной оценке социального значения запрещенных деяний и установление уголовной ответственности за их совершение.

Известно, что юридические нормы социально обоснованы и действительны тогда, когда они соответствуют объективным условиям и закономерностям развития общества, в котором функционируют, когда их содержание соответствует общественному сознанию населения, в первую очередь принципам нравственности и уровню правосознания. Эффективность этих норм определяется всем комплексом социальных условий, в которых они функционируют. В этой связи сложно признать социально обоснованным, например, решение законодателя о снижении санкции за совершение такого опасного преступления, как групповой и вооруженный разбой (ч. 2 ст. 162 УК РФ). Если ранее за совершение такого преступления предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от семи до 12 лет, то в настоящее время, после внесенных в уголовный закон изменений и дополнений, оно наказывается лишением свободы на срок до 10 лет². Важно иметь в виду, что произошло понижение категории преступления с особо тяжкого до тяжкого, что повлекло за собой в целом понижение уровня уголовной ответственности лица, совершившего данное преступление, что сказалось и на размерах назначаемого наказания, и на уголовно-правовых последствиях совершения преступления (сроки давности, сроки погашения судимости и т.п.).

¹ Мальцев В.В. Историко-социальные основания уголовного права // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2001. С. 17.

² Изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ были внесены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848; Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

Ситуация, сложившаяся в России, имеет своей особенностью то, что в отечественной экономике, политике улавливаются принципиально различные тенденции. Все это создает существенные трудности в концептуализации основных направлений развития уголовно-правового регулирования, выявлении его устойчивых закономерностей развития.

В некоторой степени те противоречивые тенденции развития общественных отношений, о которых идет речь, обуславливают противоположные подходы в развитии и оценке уголовно-правовой политики. С одной стороны, имеет место ориентация на ее гуманизацию, которая стала основой при разработке и принятии нового УК РФ 1996 г., а также при внесении многочисленных изменений и дополнений в него. С другой стороны, некоторые ученые критически оценивают такой подход, ставя его под сомнение и усматривая в нем негативные последствия¹.

Радикальные изменения социальных, экономических, политических основ жизни общества, происходящие с начала 90-х гг. прошлого века, привели и к изменению характеристик преступности, подтверждая тем самым ее социальную сущность, зависимость от социальных факторов. Сложными для исследования в новых условиях стали проблемы эффективности борьбы с преступностью в объективно складывающихся социальных условиях. «Объективный научный подход к проблеме преступности, — пишет С.Е. Вицин, — основан на том, что преступность — это не сумма фактически совершенных преступлений, деяний, оказавшихся включенными в действующий уголовный закон, а естественная и неизбежная болезнь любого общества, социальная патология»².

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 112–117; Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, ТК Велби, 2008. С. 7–11.

² Вицин С.Е. О научно-правовых предпосылках ограничения преступности как негативно отклоняющегося поведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: [http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/vicin\(23-05-05\).htm](http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/vicin(23-05-05).htm) (дата обращения: 20.01.2014).

При этом уголовный закон является не более чем индикатором, позволяющим фиксировать с некоторой степенью точности масштабы и характеристики преступности. Вместе с тем на основе уголовного закона невозможно достаточно объективно охарактеризовать преступность, потому что круг деяний, признаваемых преступными, меняется со временем. В периоды радикальных сдвигов в процессе социального развития такие изменения, отмечает С.Е. Вицин, бывают настолько существенными, что не только общественное мнение и обыденное правосознание, но и оценки ученых и специалистов не могут охватить их своим предвидением¹.

Если законодательная новелла не вызвана объективными потребностями жизни общества, то сложно рассчитывать на успешность ее применения. Современная социальная ситуация, сложившаяся в России, требует обновления уголовного закона, в том числе и в части, касающейся дифференциации уголовной ответственности, перехода на новый уровень регулирования общественных отношений, а также механизмов его реализации, что вполне обоснованно и признается и властью², и обществом.

Очевидно, что уровень качества законодательства напрямую зависит от полноты информации и адекватности понимания законодателем складывающегося в обществе положения дел³. Специалисты в области теории права стремятся найти, указать на главные, интегральные критерии качества закона. «Чем глубже и более всесторонне познана внешняя среда, — отмечает Д.А. Керимов, — чем рациональнее использованы добытые знания, чем в большей мере они отражают назревшие потребности этой среды, тем выше теоретический уровень правотворчества, тем эффективнее действие правовых норм, тем

¹ Там же.

² См.: Стенограмма парламентских слушаний в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему: «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» 18.11.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4a3d29393c52a1bd0.pdf> (дата обращения: 09.03.2014).

³ Власенко Н.А. Законодательная технология (теория, опыт, правила). Иркутск: Вост.-Сиб. издат. комп., 2001. С. 25.

оптимальнее достижение целей и задач правового регулирования»¹. На это указывает и Б.В. Дрейшев, говоря, что «главную качественную черту закона составляет соответствие его содержания объективным потребностям и интересам общества»².

Ускоренные темпы развития общественных отношений в данный период обуславливают необходимость выяснения степени адекватности норм УК РФ, в том числе касающихся дифференциации уголовной ответственности как одной из наиболее важных научно-прикладных проблем теории уголовного права, потребностям современного общества. Проблема социальной обоснованности совершенствования уголовного закона в части дифференциации уголовной ответственности является актуальной в свете современной борьбы с преступностью.

Вопросы социальной обусловленности действий законодателя, направленных на совершенствование положений, отражающих дифференциацию уголовной ответственности, приобретают свою остроту в связи с наличием в действующем уголовном законодательстве значительного числа пробелов, противоречий, дискреционных, декларативных норм, норм, не соответствующих реальной действительности и социальному развитию.

Вместе с развитием общества, техническим прогрессом, появлением и стойким внедрением практически во все сферы жизнедеятельности различных компьютерных технологий, информатизации развивается и преступность, опережая естественным образом уголовное законодательство.

В регулировании уголовно-правовых отношений в настоящее время можно отметить некую хаотичность, скоротечность. Неоднократные изменения стратегии и тактики российского уголовного права обусловлены сменой социально-экономических условий жизни граждан России. К этому приводит социально и научно не обоснованный, зачастую политизированный и объективно

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+. С. 9–10.

² Дрейшев Б.В. Проблемы обеспечения качества закона // Правоведение. 1988. № 4. С. 31.

(экономически, организационно, юридически) не обеспеченный процесс псевдогуманизации уголовной ответственности. Это влечет за собой падение авторитета уголовного закона в глазах общества, рост правового нигилизма. В этой связи обоснованно мнение А.Э. Жалинского о том, что это порождает ситуацию, когда «значительная часть населения предположительно считает, что уголовный закон есть орудие мафии, которая сделала его для своей защиты»¹.

Профессор Э.Ф. Побегайло в этой связи отмечает, что следует проявлять максимум осторожности в осуществлении мер по дальнейшей гуманизации уголовного законодательства². Кроме того, что количество осужденных к лишению свободы снижается, возможны и негативные последствия подобных изменений УК РФ. Среди таких поправок можно назвать исключение Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ нижних пределов из санкций статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (например, из санкций ч. 4 ст. 111 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ)³. Это способствует снижению обеспечения безопасности личности от преступных посягательств.

«Гуманистический» характер изменений уголовного законодательства, как представляется, преждевременен, общество не готово к столь «радикально-либеральным» поправкам, которые не в полной мере соответствуют реальной жизни. Любая реформа уголовного законодательства не должна входить в противоречие с социальным предназначением уголовного права как одной из отраслей российской правовой системы. Одновременно полагаем правильной позицию,

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право между символическим и рациональным // Государство и право. 2004. № 3. С. 51–57.

² Из выступления профессора Э.Ф. Побегайло «Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях» на VI Российском конгрессе уголовного права. См.: Ситникова А. Обзор материалов VI Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2011 г.) // Уголовное право. 2011. № 6. С. 116–117.

³ Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495 и др.

высказанную А.Э. Жалинским, отмечавшим, что «социально безответственными являются и ссылки на необходимость усиления борьбы с преступностью»¹.

С учетом изложенных фактов учение о дифференциации уголовной ответственности должно лечь в основу разработки новой, более совершенной и социально адаптированной к современным условиям модели УК РФ.

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 30.

ПРИНЦИП ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

*Эрхитуева Т.И., к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического
факультета Бурятского
государственного университета
Мяханова А.Н., доцент кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета
Бурятского государственного
университета*

В различные исторические периоды развития общества деятельность государства основывалась на началах целесообразности. Одним из первых о целесообразности в начале XX в. заявил С.К. Гогель, который писал, что «в основу уголовной политики как науки прикладной должен быть, очевидно, положен один из руководящих принципов — принцип целесообразности, лишь с некоторыми ограничениями (касающимися требований правового государственного строя)»¹.

Начиная с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., в нормативно-правовых актах советского периода говорилось о принципе целесообразности, однако понятие принципа целесообразности не давалось.

В 60-е гг. XX в. в поддержку целесообразности как одного из принципов уголовной политики выступил П.С. Дагель, позднее данную позицию поддержал А.И. Коробеев².

В юридической литературе целесообразность рассматривается некоторыми авторами в качестве принципа уголовно-правового воздействия и отождествляется с назначением наказания. Так, по мне-

¹ Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб.: Юрид. книжн. скл. «Право», 1910. С. 163.

² Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. С. 38–40.

нию В.К. Дуюнова, целесообразность есть требование соразмерности воплощения мер уголовно-правового воздействия на практике¹. Такая соразмерность заключается, по его мнению, в достижении целей назначения наказания с использованием минимально допустимых уголовно-правовых средств.

Позицию В.К. Дуюнова поддерживает Д.И. Анисимов, предлагая рассматривать целесообразность в качестве условия эффективности уголовно-правового воздействия. Он полагает, что целесообразность представляет собой идею по оптимизации применения имеющихся уголовно-правовых средств².

Таким образом, оба автора рассматривают целесообразность в части применения средств уголовно-правового воздействия.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова термин «целесообразность» означает «соответствующий поставленной цели, вполне разумный, практический, полезный»³. Говоря о существовании принципа целесообразности в уголовном праве, следует сказать о том, что уголовное законодательство должно соответствовать прежде всего государственной политике в области борьбы с преступностью, а результаты уголовно-правового регулирования должны отвечать потребностям общества.

В ч. 1 ст. 3 УК РФ устанавливаются задачи Уголовного кодекса, которыми являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Таким образом, принцип целесообразности можно определить как соответствие уголовного закона его задачам. С этой позиции

¹ Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000.

² Анисимов Д.И. Целесообразность как условие эффективности уголовно-правового воздействия // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 132–134.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2011.

закон должен быть разумный, полезный, практически ориентированный.

Принцип целесообразности носит практическую направленность¹. На необходимость признания целесообразности в качестве одного из принципов назначения наказания ранее указывалось в отечественной науке уголовного права². Данный принцип выражается в соответствии избираемого в отношении лица, совершившего преступление, наказания или иной меры уголовно-правового воздействия целям наказания или иных мер воздействия. Принцип целесообразности заключается также в индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового воздействия в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного.

Принцип целесообразности находит свое выражение в ряде институтов уголовного права. В частности, к ним можно отнести нормы, предусматривающие возможность назначения условного осуждения (ст. 73 УК РФ); условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 79 УК РФ); назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ); а также возможность освобождения лица от уголовной ответственности при наличии условий, определенных законом (ст. 75–77 УК РФ).

С позиции целесообразности возможно рассмотрение института условного осуждения.

Согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ условное осуждение назначается в тех случаях, когда, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Законодатель устанавливает запрет на назначение условного осуждения:

¹ Бавсун М.В., Марцев А.И. Целесообразность в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 100.

² Дагель П.С. О принципе целесообразности наказания // Правоведение. 1962. № 1. С. 145–151.

– осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста;

– осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ч. 1–2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1–3 ст. 206, ст. 360 УК РФ;

– при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

– при опасном или особо опасном рецидиве.

В ст. 73 УК РФ четко не прописываются критерии для применения условного осуждения. В ч. 3 ст. 73 УК РФ указывается, что суд при назначении условного осуждения учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Таким образом, применение условного осуждения – это право суда. При этом судебное решение должно быть целесообразным, законным, обоснованным.

В качестве первого критерия, который учитывается судом при назначении условного осуждения, закон определяет характер и степень общественной опасности совершенного преступления.

Характер общественной опасности определяется в первую очередь важностью того объекта, которому причинен вред. Чем ценнее объект, тем более тяжким признается посягающее на него преступление.

Представляется, что назначение условного осуждения в отношении лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья человека, возможно при исключительных обстоятельствах, например в состоянии аффекта, при противоправном или аморальном поведении потерпевшего, превышении пределов необходимой обороны, неосторожной форме вины.

О целесообразности применения условного осуждения может свидетельствовать продолжительность срока назначенного наказания. Чем продолжительнее этот срок, тем больше возникает вопросов о возможности назначения условного осуждения.

Мотивы и цели преступления имеют большое значение при назначении условного осуждения, поскольку они связаны с личностью виновного. Установленные судом мотив и цели совершения преступления помогают охарактеризовать личность виновного, что является важным при решении вопроса о назначении условного осуждения.

При назначении условного осуждения, в том числе и при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, суд должен учитывать, во-первых, характер и степень фактического участия лица в совершении преступления; во-вторых, значение этого участия для достижения цели преступления; в-третьих, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда (ч. 1 ст. 67 УК РФ).

Так, возможно применение условного осуждения к отдельным соучастникам, если их роль в совершении преступления является незначительной. Недопустимо применять условное осуждение к организаторам и тем соучастникам, которые выполняли активную роль в совершении преступления. Судебная практика показывает, что более строго наказываются организаторы и исполнители преступления. Роль же пособников и подстрекателей определяется как менее опасная, поскольку они не принимают непосредственного участия в самом преступлении.

В приговоре суд должен указывать критерии, определяющие характер и степень общественной опасности преступления. В этом случае можно будет говорить о том, что суд при назначении условного осуждения учел характер и степень общественной опасности преступления. В ходе проведенного автором выборочного исследования приговоров, вынесенных районными судами г. Улан-Удэ, в 75 % случаев суды ограничились формальной ссылкой на то, что «суд учитывал характер и степень общественной опасности», в 20 % случаев в приговорах указывается категория преступления (например, преступление небольшой тяжести и т.д.), в 5 % случаев в приговорах вообще не упоминалось, что при назначении условного осуждения суд учел характер и степень общественной опасности преступления¹.

¹ Эрхитуева Т.И. Условное осуждение: юридическая природа, основания применения и порядок исполнения: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 114–115.

Также при назначении условного осуждения учитывается личность виновного. Всесторонний учет личности виновного является залогом назначения справедливого наказания. Суды при назначении наказания должны тщательно исследовать свойства и особенности личности виновного.

В целом при назначении условного осуждения конкретному лицу необходимо, чтобы учет таких обстоятельств был всесторонним и обеспечил объективную оценку судом поведения виновного до и после совершения преступления. Назначая условное осуждение, суд должен свое решение основывать не только на положительной характеристике осужденного, но и на других обстоятельствах. Полагаем, что указанные обстоятельства должны снижать общественную опасность личности виновного, в этом случае суд может назначить условное осуждение.

Так, совершение лицом преступления впервые вследствие случайного стечения обстоятельств, тяжелой жизненной ситуации либо в результате физического или психического принуждения свидетельствует о меньшей антисоциальной направленности личности виновного, поэтому суд может назначить такому лицу условное осуждение. В случае совершения лицом преступления по мотиву мести, ненависти, вражды можно считать, что личность виновного имеет более глубокую антисоциальную направленность, и такому лицу целесообразно назначать условное осуждение.

Лицу, имеющему судимость за ранее совершенное преступление, возможно назначить условное осуждение, если им совершено преступление небольшой или средней тяжести, лицо имело второстепенную роль в совершении преступления, имеется наличие одного или нескольких смягчающих обстоятельств, существенно снижающих степень общественной опасности преступления и личности виновного.

Представляется, что нельзя назначать условное осуждение лицу, имеющему погашенную или снятую судимость за ранее совершенное преступление, если за это преступление оно уже отбывало условное осуждение.

В случае совершения осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного

преступления небольшой тяжести суду не следует повторно назначать условное осуждение в отношении данных лиц. Полагаем, что оно уже не способно оказать на них исправительное воздействие.

Согласно ч. 2 ст. 73 УК РФ суд при назначении условного осуждения должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства. Перечень таких обстоятельств закреплен в ст. 61, 63 УК РФ.

Смягчающими и отягчающими обстоятельствами считались различные факторы объективного и субъективного характера, влияющие на степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, и тем самым отягчающие или смягчающие ответственность преступника¹.

Наличие смягчающих обстоятельств не обязывает суд смягчать наказание, поскольку суд при выборе наказания учитывает не только смягчающие и отягчающие обстоятельства, но и характер, степень общественной опасности преступления и личность преступника. Значение смягчающих обстоятельств заключается в том, что суд при прочих равных условиях должен назначить более мягкую меру наказания за преступление при наличии смягчающих обстоятельств по сравнению с преступлением при отсутствии таких обстоятельств.

Целесообразно назначать условное осуждение судом, если установлена совокупность смягчающих вину обстоятельств, когда степень общественной опасности совершенного преступления незначительна, личность виновного характеризуется положительно, имеются иные обстоятельства, предусмотренные ст. 62, 64, 65 УК РФ. При этом решение суда должно быть мотивировано.

В целом, назначая условное осуждение, суд должен учитывать в равной мере обстоятельства, относящиеся к характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающие и отягчающие. Отдача приоритета одному из указанных обстоятельств и игнорирование других может привести к необоснованному назначению условного осуждения.

Таким образом, целесообразность имеет важное значение в институте условного осуждения. В ст. 73 УК РФ четко не прописываются

¹ Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. Законодательство и судебная практика. М.: Госюриздат, 1958. С. 105.

критерии применения условного осуждения. Назначение условного осуждения – это право суда, следовательно принимаемое им решение должно носить объективный характер, быть целесообразным, разумным. Для этого необходимо более четкое определение критериев назначения условного осуждения.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА

*Самданова Б.Б., к.ю.н.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Бурятского
государственного университета*

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России введены новеллы об освобождении лиц от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Данный Федеральный закон вступил в действие с 15 июля 2016 г.

В соответствии с указанными изменениями в УК РФ появилась ст. 76.2, а в УПК РФ – ст. 25.1, а также новая глава 51.1 «Производство и назначение меры уголовно-правового характера и освобождение от уголовной ответственности».

Новеллы предусматривают следующее.

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном УПК РФ, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть II). Ст. 4256.

в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

В главе 51.1 УПК РФ указано, что при наличии вышеуказанных обстоятельств следователь направляет согласованное с руководителем следственного органа ходатайство в суд вместе с материалами уголовного дела. Копия постановления направляется следователем, дознавателем подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и гражданскому истцу.

Ходатайство подлежит рассмотрению единолично судьей в срок не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, защитника, потерпевшего и (или) его законного представителя, прокурора. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление, в котором указывает одно из следующих решений:

- 1) об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры

уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

В случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, суд по представлению судебного пристава-исполнителя отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

За прошедшее время Верховный Суд РФ дважды дополнил свои разъяснения по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения лиц от уголовной ответственности. В частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹ дополнено новыми положениями, касающимися порядка вынесения судом решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Верховный Суд РФ обратил внимание судов на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ в суд направляется постановление следователя, согласованное с руководителем следственного органа, или постановление дознавателя, согласованное с прокурором,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа вместе со всеми материалами уголовного дела. Следователь или дознаватель может возбудить такое ходатайство только при наличии согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства должны быть, в частности, изложены: описание преступного деяния, в совершении которого лицо подозревается или обвиняется, с указанием пункта, части, статьи УК РФ; доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение; основание для прекращения судом уголовного дела или уголовного преследования и назначения подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; указание о согласии подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию.

В случаях, когда уголовное преследование осуществляется в отношении нескольких подозреваемых или обвиняемых и имеются основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении всех или некоторых из этих лиц, ходатайство заявляется применительно к каждому такому лицу.

Если постановление о возбуждении перед судом ходатайства составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность рассмотрения ходатайства и вынесения решения в соответствии с ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, судья отказывает в принятии его к рассмотрению и возвращает вместе с материалами уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору. В частности, ходатайство не может быть принято судом к рассмотрению в случаях, когда оно возбуждено без согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, или без соблюдения указанных в этой статье условий освобождения от

уголовной ответственности (к примеру, лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого преступления, у него имеется неснятая или непогашенная судимость), либо если к ходатайству не приложены все материалы уголовного дела.

Судья принимает решение об удовлетворении ходатайства при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности и назначению ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. К таким могут быть отнесены, в частности, следующие обстоятельства:

– подозреваемый, обвиняемый не подтвердил в судебном заседании свое согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию;

– сведения об участии подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела;

– уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям, например за отсутствием события или состава преступления, в связи с истечением срока давности уголовного преследования (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ).

Конечно, оценка эффективности данных изменений законодательства может быть дана лишь по истечении достаточного срока их применения. На сегодняшний день можно отметить, что до конца 2016 г. правоприменители России отнеслись к данному нововведению весьма осторожно. По данным Следственного комитета РФ, в 2016 г. следственными органами СКР в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ направлено в суд 566 уголовных дел в отношении 604 лиц. Несмотря на незначительное количество таких дел, Следственный комитет России отметил эффективность новых правил освобождения от уголовной ответственности: общая сумма ущерба, причиненного преступлениями и возмещенного до направления уголовных дел в суд, составила 2,4 млрд руб.

С начала 2017 г. интенсивность применения норм о назначении судебного штрафа несколько увеличилась.

Как показывает следственная практика, наиболее часто в суды направляются ходатайства о назначении судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях против публичных интересов (например, деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 238, ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 318 УК РФ). Как правило, это уголовные дела, в которых нет потерпевших, а если они есть, то это должностные лица – представители власти. Следует отметить, что в половине случаев освобождения от уголовной ответственности по анализируемому основанию о назначении судебного штрафа ходатайствовала сторона защиты.

Исследуемые изменения законодательства, как и всякие нововведения, требуют своего детального разъяснения и дальнейшего усовершенствования. В данной публикации не затрагиваются спорные вопросы, связанные с определением правовой природы освобождения лиц от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. У правоприменителей возникли некоторые вопросы, которые не раскрыты ни законодателями, ни высшим судебным органом. Так, в частности, возникает вопрос об исчислении сроков следствия при направлении материалов уголовного дела с данным ходатайством в суд. В названии ст. 446.2 УПК РФ прямо указано о порядке прекращения уголовного дела и назначения судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу.

В ст. 162 УПК РФ указано, что в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

Таким образом, можно предположить, что направление материалов дела в суд для рассмотрения указанного ходатайства о прекращении уголовного дела не означает окончания следствия. Об этом может также свидетельствовать установленный законом 10-суточный срок рассмотрения судом данного ходатайства.

Соответственно, после вынесения судом решения об удовлетворении данного ходатайства и прекращении уголовного дела, предварительное следствие по делу считается оконченным и в случае обжалования участниками данного решения исчисляются сроки судебного производства.

Кроме этого, возникает вопрос, каким образом исчисляются сроки при отказе суда в удовлетворении данного ходатайства и дальнейшем обжаловании этого отказа в апелляционной инстанции, при отложении судебного разбирательства вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств.

Также возникает вопрос, каким образом должен действовать следователь при конкуренции ст. 25, 25.1, 28 и 25.1 УПК РФ. Если в случае примирения сторон и деятельного раскаяния прекращение уголовного дела – это право следователя, то при аналогичных условиях законодателем установлена обязанность следователя применить ст. 25.1 УПК РФ. При этом обстоятельства, необходимые для ее применения, фактически аналогичны обстоятельствам, предусмотренным ст. 28 УПК РФ. Возможно ли прекращение следователем уголовного дела с применением ст. 28 УПК РФ после отказа суда в прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа? Обязателен ли для суда отказ прокурора в поддержании ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа?

Правоприменителями в целом приветствуется новое основание освобождения лиц от уголовной ответственности, поскольку оно отвечает интересам обеих участвующих в уголовном судопроизводстве сторон – обвинения и защиты. Но для единообразного подхода к прекращению уголовного дела по данному основанию необходимо его более детальное регулирование с соответствующими официальными разъяснениями.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
С ЦЕЛЬЮ ЭФФЕКТИВНОГО ЕГО ТОЛКОВАНИЯ
И ПРИМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

*Бады-Саган Н.А., магистрант
кафедры уголовного права
и криминологии юридического
факультета Бурятского
государственного университета*

Совершенствование государства и развитие политических, экономических и социальных отношений требуют обновления уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Между тем такое обновление должно происходить после использования действующего законодательства в данной отрасли.

По этому вопросу публикуется множество статей, научных работ, каждая из которых говорит о необходимости совершенствования законодательства в соответствии с изменяющимися общественными отношениями.

Независимо от того, какие подходы к совершенствованию законодательства применяются, они должны быть направлены на устранение двойного толкования норм, предельно четкую конкретизацию действий правоприменителя. При изменении уголовного законодательства нужно учитывать реальные основания декриминализации и, напротив, введения новых уголовно-правовых запретов.

Необходимо законодательно урегулировать порядок принятия новых федеральных законов, сделать обязательным проведение криминологической экспертизы. В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов предлагают создание постоянно действующего независимого экспертного совета по криминологической экспертизе¹.

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 29.

Судебная практика показывает, что трудности в применении закона часто возникают в случаях отсутствия четкого правового регулирования правоотношений и единства практики. Мы считаем, что отсутствие в уголовном законе понятия «злоупотребления правом» часто приводит к трудностям в применении отдельных правил, а также к необоснованному увеличению затрат, как материальных, так и трудовых.

В частности, проблемы применения УК РФ возникают при рассмотрении материалов в порядке ст. 10 УК РФ и п. 13 ст. 397 УПК РФ. Ни одной нормой закона не предусмотрены сроки пересмотра приговора и применения нового закона, что служит причиной для обращения осужденных в суды, несмотря на отбытие ими наказаний и погашенные судимости.

Указание в ст. 10 УК РФ на то, что уголовный закон как имеющий обратную силу распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость, проблему не разрешает¹.

Так, если судимость повлияла на рецидив преступлений по другим приговорам, по которым осужденный отбывает наказание, то даже если эта судимость погашена на момент издания нового уголовного закона, суд не может отказать в приеме такого ходатайства. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в том числе в определениях от 23 апреля 2013 г. № 564-О, от 29 сентября 2015 г. № 1973-О и других, предписание о смягчении назначенного по приговору суда наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, предполагает необходимость применения всей совокупности норм Уголовного кодекса РФ – как Особенной, так и Общей его частей, независимо от стадии, на которой находится производство по данному делу, а также от того, в чем выражается такое

¹ Бады-Саган Н.А. Проблемы новелл уголовного и уголовно-процессуального закона, затрудняющие его применение российскими судами // Криминологические чтения. Сборник материалов XI научно-практической конференции с международным участием / Науч. ред. Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. С. 7–8.

улучшение¹. Тем самым, в соответствии со ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ, в уголовно-правовых отношениях обеспечивается реализация принципов справедливости и равенства всех перед законом и судом².

В судебной практике также возникают проблемы при разрешении вопроса о применении условно-досрочного освобождения. Уголовное законодательство не имеет перечня оснований для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Нормы законодательства носят общий характер, сводятся к необходимости учитывать личность и поведение осужденного в период отбывания наказания, без конкретизации, какие именно фактические данные должны приниматься во внимание. В ряде случаев решения судов по подобным ходатайствам осужденных в значительной степени обусловлены судебским усмотрением, что не способствует единообразному и правильному применению законодательства³.

Кроме того, требуется решить проблему определения указанного в ч. 6 ст. 79 УК РФ уполномоченного специализированного государственного органа, на который возлагается обязанность по осуществлению контроля за поведением условно-досрочно освобожденных. В настоящее время в соответствии с п. 26 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴ и соответствующи-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 564-О. Документ официально опубликован не был; Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1973-О. Документ официально опубликован не был.

² Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.; с посл. изм. и доп. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Бады-Саган Н.А. Проблемы новелл уголовного и уголовно-процессуального закона, затрудняющие его применение российскими судами // Криминологические чтения. Сборник материалов XI научно-практической конференции с международным участием / Науч. ред. Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. С. 9–10.

⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

ми ведомственными приказами МВД эти обязанности выполняются органами внутренних дел. Вместе с тем ч. 2 ст. 79 УК РФ устанавливает, что, применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания, из чего следует, что наиболее целесообразным было бы возложение контроля за поведением условно-досрочно освобожденных лиц на тот же орган, который осуществляет контроль за поведением условно осужденных в соответствии со ст. 73 УК РФ, т.е. на уголовно-исполнительную инспекцию. Изложенное в большей мере способствовало бы достижению целей уголовного наказания в рамках частной превенции, исправлению осужденных указанной категории и предупреждению совершения ими новых преступлений.

Полагаем, что в случае принятия нового УК РФ нуждаются в совершенствовании нормы ст. 15 и 66 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за неоконченные преступления (приготовление и покушение), а именно было бы целесообразным и правильным в законодательном порядке изменить категорию неоконченных преступлений на менее тяжкую. Так, согласно ч. 2, 3 ст. 66 УК РФ срок наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины, а за покушение — трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление¹.

Таким образом, подсудимому в любом случае не может быть назначено наказание в соответствии с санкцией статьи Особенной части УК РФ, в зависимости от которой ст. 15 УК РФ устанавливает категорию тяжести преступления. Кроме того, общественная опасность неоконченного преступления, как правило, ниже, в связи с чем определение категории тяжести неоконченных преступлений исходя из максимального размера наказания, которое может быть назначено виновному с учетом положений ст. 66 УК РФ, отвечало бы принципу справедливости.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Также на единство судебной практики влияет большой разрыв («ножницы») между верхним и нижним пределами в санкциях статей УК РФ. В большей степени это характерно для тяжких и особо тяжких составов преступлений. Например: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ – от 6 до 15 лет лишения свободы, ч. 2 ст. 105 УК РФ – вовсе от 8 до 20 лет лишения свободы; ч. 3 ст. 131 УК РФ – от 8 до 15 лет лишения свободы; ч. 4 ст. 158 УК РФ – до 10 лет лишения свободы и т.д.

На наш взгляд, законодателю необходимо сократить пределы санкций за конкретные преступления. Это не повлияет на принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку положения, закрепленные в ст. 62, 64, 66, 68 УК РФ, могут компенсировать срок при назначении наказания.

Таким образом, для эффективной деятельности судов по осуществлению правосудия необходимо не только совершенствование действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и неукоснительное соблюдение единообразия правоприменительной практики.

Поэтому при внесении изменений в УК РФ с целью совершенствования законодательной и правоприменительной практики, а также для обеспечения справедливого правосудия необходимо учитывать основные направления уголовно-правовой политики, а также политическую и социально-экономическую нестабильность общества, повышающую значимость уголовно-правовых решений от имени государства.

Полагаем, в случае принятия новых кодифицированных уголовного и уголовно-процессуального законов необходим системный подход, обеспечивающий согласованность материального и процессуального права. Все изменения в законодательство, а тем более новые кодифицированные акты в случае их принятия должны отвечать критерию научной обоснованности, строиться на основе положений теории права, не иметь внутренних противоречий и соотноситься с другими нормативно-правовыми актами, а также быть адекватными и соответствовать реалиям российской действительности.

Уголовно-правовая политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии

обеспечения криминологической безопасности и базируется на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социальной политикой государства, а также политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание.

Концепция современной уголовно-правовой политики должна основываться на Конституции Российской Федерации и общепризнанных нормах международного права. Целью ее является обеспечение эффективного правопорядка и снижение уровня преступности.

По своей структуре уголовная политика должна соответствовать международным правовым стандартам и одновременно быть жизнеспособной в условиях национальной среды, политической и экономической нестабильности, роста отдельных видов преступности.

На наш взгляд, в целом законодательные инициативы по криминализации тех или иных деяний не должны носить характер «политического» реагирования на ту или иную внезапно возникшую проблему, а должны сопровождаться криминологическим анализом и адекватной оценкой их общественной опасности.

Как показывает практика, смещение законодательных инициатив в сторону усиления карательной составляющей наказания не только приводит к росту рецидива, но и в целом снижает эффективность борьбы с преступностью. За последние 20 лет количество зарегистрированных преступлений в стране выросло в 3,2 раза, а выявленных лиц за их совершение — в 1,4 раза¹. Поэтому считаем необходимым проводить дифференцированную карательную политику, направленную на ужесточение мер наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, особенно против личности и здоровья населения, в сочетании с гуманизацией мер уголовно-правового воздействия и более широкого применения альтернативных видов наказания в отношении лиц, совершающих впервые преступления небольшой и средней тяжести.

¹ Кашепов В.П. Концепция развития уголовного законодательства // Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 281.

Социология уголовного права

Таким образом, считаем, что для эффективного толкования закона и принятия справедливого судебного решения законодателю нужно не только обновлять действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, но и строго придерживаться единой правоприменительной практики.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

*Татарников В.Г., к.ю.н, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Восточно-Сибирского филиала
«Российского государственного
университета правосудия»*

Конституция Российской Федерации, провозгласив человека, его права и свободы высшей ценностью, оказала непосредственное влияние на уголовное законодательство в части, касающейся ответственности за преступления против личности¹. Так, впервые в истории российского уголовного законодательства Особенная часть УК РФ, принятого в 1996 г., открывается разделом о преступлениях против личности². УК РФ усилил ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, ввел квалифицирующие признаки для целого ряда преступлений против жизни и здоровья.

За двадцатилетний период действия УК РФ 1996 г. он подвергся многочисленным изменениям. Эти изменения коснулись подавляющего большинства норм как Общей, так и Особенной частей УК РФ. В истории российского уголовного права не было примеров такого нестабильного уголовного законодательства. Эти изменения самым непосредственным образом касаются и преступлений против личности. При этом изменениям подверглись как нормы об ответственности за преступления, составы которых описаны в разделе VII УК РФ, так и нормы, описывающие составы, в которых личность является

¹ Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г., с посл. изм. и доп. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

дополнительным объектом и описание которых содержится в других разделах УК РФ.

Происшедшие изменения сводятся к нескольким направлениям. Это криминализация и декриминализация преступлений, изменение конструкции как основных, так и квалифицированных составов преступлений, исключение одних и добавление других квалифицирующих признаков и т.д.

Криминализация и декриминализация деяний – это процесс, связанный с объективно складывающимися на данном историческом этапе общественными отношениями, являющимися объектом уголовно-правовой охраны. Так, уголовное законодательство об охране компьютерной информации появилось в период развития компьютерных технологий, когда вместе с ними появились и способы применения злоумышленниками компьютерных технологий в ущерб законным правам владельцев информации. Отражением этих процессов и явилось появление в УК РФ 1996 г. главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Что касается изменений, внесенных в уголовное законодательство в части преступлений против личности, то они далеко не всегда продиктованы объективными потребностями развития общества и государства, а в ряде случаев хаотичны и непоследовательны.

Например, традиционно российское уголовное законодательство предусматривало ответственность за побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, являющихся признаками легкого вреда для здоровья (кратковременное расстройство здоровья или незначительная стойкая утрата общей трудоспособности). В УК РФ 1996 г. ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 116. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. предусмотрел за это преступление максимальное наказание в виде ареста на срок до трех месяцев.

В дальнейшем ответственность за данное преступление неоднократно изменялась. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ответственность за данное преступление была усилена за счет введения ч. 2 ст. 116 УК РФ, согласно которой совершение преступления из хулиганских побуждений являлось квалифицирующим

признаком¹. Максимальное наказание за данное преступление было установлено в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Дальнейшее усиление ответственности за данное преступление имело место в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. Диспозиция ч. 2 ст. 116 УК РФ была дополнена новым квалифицирующим признаком: совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы².

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ вновь внес существенные изменения в ст. 116 УК РФ. На этот раз изменения шли в прямо противоположном направлении. В результате уголовно наказуемым деянием поноби становились лишь при совершении преступления в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы³. Поноби, причиненные при других обстоятельствах, были декриминализованы. Параллельно законодатель ввел административную ответственность за поноби, не охватываемые составом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, и ввел уголовную ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ).

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

³ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть II). Ст. 4256.

Менее чем через год законодатель еще более сузил сферу уголовной ответственности за побои. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ предусмотрел уголовную ответственность за побои лишь в случаях совершения преступления из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы¹. Таким образом, добавленный в описание состава уголовно наказуемых побоев такой признак, как совершение преступления в отношении близких лиц, был исключен.

В итоге ответственность за побои за истекший период действия УК РФ четырежды кардинально менялась. Причем в реальной жизни каких-либо существенных изменений в социальной, политической или иных сферах, обуславливающих декриминализацию преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ, не произошло. Более того, изменения, вносившиеся в ст. 116 УК РФ, не соответствуют объективным тенденциям, имеющим место в развитии законодательства об ответственности за преступления против личности в целом и за преступления против жизни и здоровья в частности.

Уголовный кодекс РФ как при его принятии, так и в процессе его применения подвергся изменениям, направленным на дифференциацию ответственности за преступления против личности и усиление ответственности за деяния, имеющие повышенную общественную опасность путем включения в описание составов преступлений против жизни и здоровья квалифицирующих признаков, ранее не известных уголовному законодательству. Например, совершение преступления в отношении малолетнего включено в качестве квалифицирующего признака в составы убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ). В УК РФ усилена уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные группой лиц

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1027.

(п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Кроме того, среди квалифицирующих признаков преступлений против здоровья УК РФ выделил совершение преступления в отношении двух и более лиц – признак, не известный УК РСФСР 1960 г. (п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Таким образом, российское уголовное законодательство на протяжении длительного времени после принятия УК РФ 1996 г. развивалось по пути усиления ответственности за преступления против жизни и здоровья, совершенные при отягчающих обстоятельствах, относящихся к объекту, объективной и субъективной стороне состава преступления. Однако это развитие идет непоследовательно и противоречиво. Особенно ясно это видно из анализа изменений, внесенных в нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья. Покажем это на примере конкретных квалифицирующих признаков.

Очевидно, что особенности такого объекта преступления, как жизнь или здоровье малолетнего, иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, делают преступное посягательство при прочих равных условиях опаснее уже хотя бы потому, что потерпевший не имеет возможности избежать посягательства или оказать сопротивление. Данный квалифицирующий признак повышает и общественную опасность самого преступника. То же самое можно сказать и о повышенной общественной опасности преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Однако подход законодателя к построению составов преступлений с названными квалифицирующими признаками отличается непоследовательностью и противоречивостью. Такие признаки, как совершение преступления в отношении малолетнего или другого лица, находящегося в беспомощном состоянии, вполне обоснованно отнесены к числу обстоятельств, квалифицирующих убийство, а также умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. Однако если они обоснованно отягчают названные составы преступлений, то почему они не влияют на ответственность за другие преступления против здоровья – умышленное причинение легкого

вреда здоровью и побои? Какого-либо разумного объяснения такому подходу нет.

Нелогичной выглядит и позиция законодателя в отношении такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Установив данное обстоятельство квалифицирующим по отношению к убийству (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и истязанию (п. «в» ч. 2 ст. 117 УК РФ), законодатель не сделал этого в отношении умышленного причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда для здоровья, а также побоев. Представляется, что нет никаких оснований считать, что беременность потерпевшей влияет лишь на тяжесть убийств и истязаний и не влияет на общественную опасность преступлений, связанных с причинением вреда здоровью той или иной тяжести.

В результате сложилась ситуация, когда применительно к одним преступлениям против личности (убийство и истязание) беременность потерпевшей является квалифицирующим признаком, а применительно к другим (умышленному причинению вреда здоровью различной тяжести) данный признак может быть учтен лишь в рамках п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. На наш взгляд, применительно к насильственным посягательствам на жизнь и здоровье такие обстоятельства, как совершение преступления в отношении малолетнего, иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, должны однозначно учитываться в качестве квалифицирующих признаков при конструировании составов всех умышленных преступлений, направленных на причинение вреда здоровью.

В современном законодательстве при конструировании составов преступлений против личности с квалифицирующими признаками отсутствует единый подход к включению в их число признаков объективной стороны. Очевидно, что умышленное причинение смерти или вреда здоровью двум и более лицам существенно повышает общественную опасность содеянного. Этот квалифицирующий признак нашел отражение в составах убийства, умышленного причинения

тяжкого и средней тяжести вреда здоровью и без должных оснований не включен в составы побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью.

В 2014 г. была усилена ответственность за умышленное причинение вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Данный признак был включен в число квалифицирующих в составах умышленного причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью¹. Однако в перечень обстоятельств, квалифицирующих самое тяжкое преступление против личности – убийство, данный признак включен не был.

Представляется, что на законодательном уровне работа по включению в описание составов преступлений против жизни и здоровья новых квалифицирующих признаков ведется довольно бессистемно. При решении вопроса о том, включать или нет тот или иной признак в описание составов преступлений против жизни и здоровья, необходимо исходить из следующих общих моментов. Характер общественной опасности преступления является качественной характеристикой преступления и определяется совокупностью всех признаков, учтенных при его описании в нормах Особенной части УК РФ, характеризующих объект, объективную и субъективную стороны состава, субъекта преступления².

Указанные преступления объединяет то, что все они направлены против личности и посягают, как правило, на один объект (жизнь или здоровье), являются умышленными, осуществляются в подавляющем большинстве случаев путем активных действий, их составы являются материальными и предусматривают наступление последствий определенной тяжести. Главное, что отличает преступления, предусмотренные ст. 111, 112, 115, 116 УК РФ, – это тяжесть наступивших последствий. Указанные различия дают основания для отне-

¹ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4228.

² Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности: монография. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. технич. ун-та, 2007. С. 76.

сения указанных преступлений к различным категориям тяжести в соответствии со ст. 15 УК РФ и для установления за их совершение различных санкций, но не дают повода для имеющихся существенных различий в отнесении рассматриваемых обстоятельств к квалифицирующим.

Обстоятельства, относящиеся к особым свойствам потерпевшего, такие как беременность, малолетний возраст, беспомощное состояние, качественно влияют на тяжесть умышленных посягательств на личность, повышают характер общественной опасности преступления при любых обстоятельствах и поэтому должны учитываться при описании как убийства, так и всех без исключения преступлений, направленных на причинение вреда здоровью.

Аналогичным образом обстоит ситуация и с признаками объективной стороны состава. Причинение вреда двум, трем и более лицам существенно повышает общественную опасность содеянного. Это обстоятельство значительно увеличивает, так сказать, объем вреда, что качественно влияет на тяжесть содеянного и повышает характер общественной опасности преступления.

То же самое можно сказать и о совершении рассматриваемых преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Уже сам факт совершения группового преступления в целях причинения вреда здоровью должен влечь повышенную ответственность при совершении любого из указанных преступлений.

Еще большее недоумение вызывает позиция законодателя относительно роли такого признака объективной стороны состава, как применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Указанный признак учтен в качестве квалифицирующего при описании всех преступлений, направленных на причинение вреда здоровью (тяжкого, средней тяжести, легкого), но отсутствует в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Между тем использование оружия при посягательстве на жизнь не менее, а даже более опасно, чем при совершении преступлений против здоровья, поскольку существенно повышает шансы преступника на достижение своих целей и создает возможности для причинения смерти нескольким лицам. Поэтому данный признак

должен отягчать ответственность за убийство никак не в меньшей степени, чем за умышленное причинение вреда здоровью.

При анализе составов преступлений против здоровья усматривается также различный подход к включению в описание их составов квалифицирующих признаков, относящихся к субъективной стороне состава. При этом указанные различия никак не связаны с характером этих преступлений. Действительно, почему такой признак, как совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, в случае причинения виновным тяжкого или средней тяжести вреда здоровью влияет на квалификацию содеянного, а в случае причинения при тех же обстоятельствах легкого вреда не влияет?

Какого-либо разумного объяснения такому различию нет. Более того, применительно к другим преступлениям причинение вреда здоровью любой тяжести в связи с исполнением служебных обязанностей влечет повышенную ответственность. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 317 УК РФ уголовно наказуемым являются применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. При этом применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении указанных лиц является квалифицирующим признаком состава данного преступления.

В анализируемых же нами составах преступлений против личности нанесение побоев лицу в связи с исполнением им служебных обязанностей вообще не влечет уголовной ответственности. При нанесении легкого вреда здоровью данный признак не учтен в качестве квалифицирующего. Такой подход противоречит логике уголовного закона, поскольку квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне состава, также должны быть общими для аналогичных составов преступлений, отличающихся тяжестью причиненного вреда.

В связи с изложенным необходимо внести следующие изменения в УК РФ, направленные на дифференциацию ответственности

за преступления против личности, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Такие признаки, как совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в отношении малолетнего, иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в отношении двух и более лиц, в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, должны быть учтены в качестве квалифицирующих при описании всех преступлений против здоровья, предусмотренных ст. 111, 112, 115, 116 УК РФ. Кроме того, такой квалифицирующий признак, как применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, должен быть учтен при описании не только преступлений против здоровья, но и убийства – самого тяжкого преступления против личности.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА¹

*Бычкова А.М., к.ю.н., доцент
кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Института национальной
безопасности Байкальского
государственного университета*
*Раднаева Э.Л., к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии Бурятского
государственного университета*

По статистике Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире число смертей от самоубийств достигает 800 000, или «один случай смерти каждые 40 секунд». Ежегодный глобальный стандартизированный по возрасту показатель частоты самоубийств составляет 11,4 на 100 000 населения (15,0 для мужчин и 8,0 для женщин)².

В Российской Федерации показатель частоты самоубийств на 100 000 населения за последние несколько лет остается высоким, однако демонстрирует тенденцию к снижению: 18,2 – в 2014 г., 17,1 – в 2015 г., 15,6 – в 2016 г., 14,4 – по данным с января по сентябрь 2017 г. Лидерами по числу суицидов на 100 000 населения являются Сибирский, Дальневосточный, Уральский и Приволжский федеральные округа (табл. 1).

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18–013–00620 А) в рамках проекта «Междисциплинарное исследование причин и региональных факторов суицидального поведения несовершеннолетних».

² Предотвращение самоубийств. Глобальный императив. Доклад Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide-report_russian.pdf?ua=1 (дата обращения: 20.12.2017).

Таблица 1

Смертность на 100 тысяч населения соответствующего возраста,
от преднамеренных самоповреждений (самоубийств)*

	2014 год			2015 год			2016 год		
	в возрасте 0–17 лет	трудоспособного возраста	старше трудос- пособного возраста	в возрасте 0–17 лет	трудоспо- способного возраста	старше трудоспо- способного возраста	в возрасте 0–17 лет	трудоспо- способного возраста	старше трудоспо- способного возраста
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	1,9	23,5	18,8	1,6	22,4	17,4	1,4	20,4	15,9
Центральный федеральный округ	0,8	14,8	14,8	0,8	14,2	13,9	0,9	13,6	12,5
Северо-Западный федеральный округ	1,9	20,1	19,1	1,3	21,2	16,8	0,9	19,5	16,1
Южный федеральный округ	1,5	15,0	15,2	0,9	12,8	12,5	1,0	13,0	11,3
Северо-Кавказский федеральный округ	1,1	6,1	7,5	0,6	6,2	7,6	0,5	6,5	6,9
Приволжский федеральный округ	2,0	30,2	21,8	2,0	28,1	19,8	1,5	25,5	18,9
Уральский федеральный округ	1,9	30,8	25,2	1,4	29,4	24,3	1,8	26,5	20,2
Сибирский федеральный округ	3,6	38,5	25,5	3,1	37,8	24,2	2,7	34,6	24,1
Дальневосточный федеральный округ	3,5	38,0	21,2	3,8	34,3	17,7	2,7	26,9	15,9
Крымский федеральный округ**				0,9	24,8	24,2			

* По данным Минздрава России.

** Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 2016 г. № 375 Южный федеральный округ и Крымский федеральный округ преобразованы в Южный федеральный округ.

Особую тревогу вызывают самоубийства детей и подростков. Специалисты ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» указывают, что показатели частоты суицидов в возрастных группах 10–14 лет и 15–19 лет превышают среднемировые уровни в 1,5 раза¹. Распределение по возрастным коэффициентам смертности демонстрирует значительный удельный вес суицидов среди подростков и юношества 15–19 лет (табл. 2)².

Таблица 2

Коэффициенты смертности населения от преднамеренных самоповреждений (самоубийств) в возрастных группах «дети», «подростки», «молодежь» (Российская Федерация, 2014–2016 годы)*

Возраст	2014 год	2015 год	2016 год
5–9	0,1	0,1	0,1
10–14	2,0	1,8	1,5
15–19	11,5	10,1	9,1
20–24	20,8	18,2	15,9
25–29	23,5	21,1	20,0
30–34	26,1	25,4	21,9

* По данным Минздрава России.

Наибольший удельный вес самоубийств несовершеннолетних также приходится на четверку федеральных округов, лидирующих по числу суицидов среди всех возрастных групп (табл. 1)³.

¹ Положий Б.С., Агеев С.Е., Фритлинский В.С. Региональные особенности частоты суицидов среди несовершеннолетних // Психическое здоровье детей страны – будущее здоровье нации: сборник материалов Всероссийской конференции по детской психиатрии и наркологии (Ярославль, 4–6 октября 2016 г.) / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. С. 316.

² Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2015 г.: стат. справочник / Минздрав России. М., 2016. С. 250; Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2016 г.: стат. справочник / Минздрав России. М., 2017. С. 250.

³ Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2015 г.: стат. справочник / Минздрав России. М., 2016. С. 253–254; Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2016 г.: стат. справочник / Минздрав России. М., 2017. С. 253–254.

В разрезе самых проблемных субъектов по возрастным коэффициентам самоубийств несовершеннолетних за трехлетний период заметное снижение демонстрируют Республика Алтай, Амурская область и Республика Саха-Якутия. Сложная ситуация с суицидами несовершеннолетних на протяжении ряда лет складывается в Бурятии. По данным Уполномоченного по правам ребенка в Республике Бурятия, в 2015 г. несовершеннолетними было совершено 18 оконченных суицидов и 70 покушений на самоубийства, в 2016 г. зафиксировано уже 30 оконченных суицидов несовершеннолетних и 81 покушение на самоубийство (прирост составил 67 % и 15 % соответственно)¹. В относительно благополучной в Сибирском федеральном округе Иркутской области ситуация по реализованным суицидам в 2016 г., напротив, улучшилась по сравнению с 2015 г. – 15 и 30 самоубийств соответственно. Вместе с тем увеличилось число покушений на самоубийства: 78 – в 2015 г., 96 – в 2016 г. Данные девяти месяцев 2017 г. также демонстрируют неблагоприятную тенденцию в Иркутской области – 25 завершенных суицидов, 82 попытки².

Для криминологической науки, несомненно, представляют интерес те случаи самоубийств, в которых желание уйти из жизни было сформировано извне, путем умышленного создания другими лицами ситуаций, провоцирующих на совершение суицида. С развитием интернет-технологий появились и новые способы психического воздействия на потерпевших, такие, например, как кибербуллинг³ и его крайняя форма – кибербуллицид, определяемый как «суицид, произо-

¹ Более подробно об особенностях суицидальной ситуации в Республике Бурятия см.: Раднаева Э.Л. Детские и подростковые суициды как чрезвычайная проблема общества // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 9 декабря 2016 г.) / науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. С. 139–145.

² ООДПДН ГУ МВД России по Иркутской области.

³ Кибербуллинг (от англ. cyberbullying) – агрессивное, умышленное действие, совершаемое группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта, повторяющееся неоднократно и продолжительное во времени, в отношении жертвы, которая не может легко защитить себя. См.: Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В. Интернет: возмож-

шедший вследствие столкновения с прямой или косвенной агрессией онлайн»¹. Еще одно специфическое явление в интернет-пространстве — пользователи или их сообщества, деятельность которых направлена на доведение до самоубийства других пользователей посредством оказания психического воздействия на них в социальных сетях.

О группах, пропагандирующих суицид в социальной сети «ВКонтакте», заговорили еще в 2012 г., а спустя четыре года внимание общества и власти к этой проблеме было привлечено статьей Г. Мурсалиевой «Группы смерти»². Автор статьи, по сути дела, описала механизм действия секты³, действующей в принципиально новой среде — в социальных сетях⁴. Профессиональное журналистское сообщество отреагировало на появление материала резкими критическими статьями, суть которых сводилась в основном к тому, что «нельзя побудить ребенка совершить суицид, воздействуя на него через интернет».

«По сути, «группы смерти» — это надстройка над всеми базовыми уязвимостями подросткового возраста, зона риска, которая из

ности, компетенции, безопасность. Методическое пособие для работников системы общего образования. М.: Google, 2013. С. 158.

¹ См.: Hinduja S. Bullying, cyberbullying and suicide / S. Hinduja, J. Patchin // Archives of Suicide Research. 2010. № 14 (3). P. 206–221; Bauman S. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students / S. Bauman, R. B. Toomey, J. L. Walker // J. Adolesc. 2013. Vol. 36. P. 341–350, Краснова К.А. Противодействие кибербуллизму как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних / К.А. Краснова, Д.И. Ережипалиев // Юрист-ПравоведЪ. 2017. № 3. С. 78–84.

² Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 2016. 16 мая.

³ Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М.: Республика, 1997. 304 с.

⁴ Подробнее о содержании и механизме действия «суицидального квеста» см.: Бычкова А.М., Галстян М.Н. Вовлечен ли ваш ребенок в «группы смерти»? // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 9 декабря 2016 г.) / науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. С. 184–197; Бычкова А.М. Вовлечение пользователей интернета в «группы смерти» в социальных сетях: новые суицидальные риски // Актуальные вопросы суицидологии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Иркутск, 26 мая 2017 г.) / Под ред. О.П. Ворсиной. Иркутск: ИНЦХТ, 2017. С. 25–16.

виртуальной реальности давит именно на зону риска в реальности социальной. Зона риска над зоной риска. Явление, матрица которого в социокультурной реальности существует, а противоядия не выработано», – убедительно, на наш взгляд, отвечала на критику Г. Мурсалиева¹. Врачи-психиатры используют категорию «триггер»: «При анализе истинного значения столь бурно обсуждаемых в СМИ «групп смерти» важно подчеркнуть их роль не столько как причинного, сколько как триггерного фактора, способствующего развитию установок и тенденций, которые формировались у подростка на протяжении продолжительного временного периода и часто оставались без должного внимания со стороны как окружения пациентов, так и специалистов»².

В Российской Федерации вряд ли найдется регион, жителей которого миновало трагическое воздействие «суицидального квеста». Не является исключением Сибирский федеральный округ, субъекты которого, как уже указывалось, являются лидерами по числу подростковых суицидов. 27 ноября 2016 г. повесилась вовлеченная в суицидальную «игру» 12-летняя жительница г. Северобайкальска Республики Бурятия³, наличие суицидального контента обнаружено на страницах двух школьников в возрасте 14 и 15 лет, 26 февраля 2017 г. спрыгнувших с крыши 15-этажного дома в г. Усть-Илимске Иркутской области⁴.

Врач-психиатр Е.П. Чернигова пишет, что за период с января по март 2017 г. в подростковое отделение Иркутской областной

¹ Мурсалиева Г. Дети в сети. Шлем безопасности ребенку в интернете. М.: АСТ, 2016. С. 35.

² Смирнов И.И., Бебчук М.А., Панкова О.Ф., Буромская Н.И., Витютина В.Г. Проблемы аутоагрессивного (суицидального) поведения в детской и подростковой среде и подходы в оказании помощи // Актуальные вопросы суицидологии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Иркутск, 26 мая 2017 г.) / Под ред. О.П. Ворсиной. Иркутск: ИНЦХТ, 2017. С. 161.

³ В Бурятии покончила с собой 12-летняя девочка, ее родители винят в суициде «группы смерти» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://arigus.tv/news/item/89643/> (дата обращения: 20.12.2017).

⁴ Страницы сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://vk.com/id313443433><https://vk.com/thesnowqueen28> (дата обращения: 20.12.2017).

клинической психиатрической больницы № 1 поступили 22 пациента с суицидальной настроенностью в возрасте 13–17 лет, наибольшее число пациентов – в возрасте 14–15 лет. 64 % пациентов (14 человек, 21 % – мальчики, 79 % – девочки) являлись участниками «групп смерти». Е.П. Чернигова отмечает, что 11 пациентов воспринимали это только как «игру», задания выполняли не всегда, часто искали похожие картинки в интернете, просили друзей изобразить предлагаемые в игре картинки на себе, однако три человека тщательно выполняли все задания, предлагаемые кураторами «игры»¹. Корреспондируют этим данным и наблюдения врачей ОГБУЗ «Иркутский областной психоневрологический диспансер», которые отмечают, что если в 2015 и 2016 гг. основными мотивами суицидального поведения подростков являлись проблемы в семье и школе, несчастная любовь, аддиктивное поведение, депрессия, стремление повлиять на другого человека, чтобы добиться от него желаемого, то обращения 2017 г. связаны с вовлечением подростков в «группы смерти» в соцсетях².

Общественный резонанс, вызванный публикациями в СМИ, повлек соответствующую реакцию органов государственной власти. 17 июня 2016 г. председателем Следственного комитета Российской Федерации было издано Указание № 2/206 «О дополнительных мерах в сфере защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, побуждающей к самоубийству», начались активные задержания «кураторов» смертоносных групп. Так, 6 июня 2017 г. в Москве был задержан 26-летний Илья С., «куратор» группы, в которой состояли 32 девочки, одна из которых в назначен-

¹ Чернигова Е.П. Особенности суицидального поведения подростков, поступивших в психиатрический стационар // Актуальные вопросы суицидологии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Иркутск, 26 мая 2017 г.) / Под ред. О.П. Ворсиной. Иркутск: ИНЦХТ, 2017. С. 224.

² Гладкова И.Г., Зеленкова О.А., Салмин В.Н., Садурская О.С. Некоторые аспекты суицидального поведения в подростковом возрасте // Актуальные вопросы суицидологии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Иркутск, 26 мая 2017 г.) / Под ред. О.П. Ворсиной. Иркутск: ИНЦХТ, 2017. С. 60.

ный им день смерти предприняла попытку самоубийства¹. Задержания происходят и в других регионах страны², а также за рубежом³, поскольку суицидальный квест приобрел мировую известность, в том числе после посвященной ему публикации в TheSun, построенной на описании самоубийства двух несовершеннолетних девушек в Усть-Илимске в феврале 2017 г.⁴ 18 июля 2017 г. Тобольский районный суд Тюменской области приговорил администратора «групп смерти» Филиппа Будейкина к трем годам и четырем месяцам в колонии-поселении по обвинению по ч. 3 ст. 30, ст. 110 УК РФ⁵.

Несмотря на значительный объем накопленного эмпирического материала, имеются существенные различия в экспертных оценках как относительно самой возможности, так и степени влияния «групп смерти» на динамику подростковых суицидов. На V Всероссийском форуме «Наши дети» в г. Санкт-Петербурге 30–31 марта 2017 г.

¹ Плотникова Е. «Порежу всю семью». Как куратор «группы смерти» склонял детей к суициду // Аргументы и факты. 2017. 26 июня.

² См., например: Грибанова О. На Камчатке за создание «группы смерти» арестовали несовершеннолетнюю // Российская газета. 2017. 29 июня; Ларина А. В Волгоградской области задержан куратор «группы смерти» // Российская газета. 2017. 29 сентября.

³ В Приднестровье задержан куратор «группы смерти» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/05/v-pridnestrove-zaderzhan-kurator-gruppy-smerti> (дата обращения: 20.12.2017); Сысоев И. В Турине задержали россиянина, втянувшего в смертельную игру «Синий кит» итальянских подростков // Комсомольская правда. 2017. 30 мая.

⁴ Stewart W., Jeffery Y., Hodge M. BLUENATION «BlueWhale» suicide game linked to 130 teen deaths is just tip of the iceberg in the world's suicide capital Russia [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3002981/blue-whale-game-suicide-russia-rules-challenge-social-media/>. Подробнее о распространении феномена «групп смерти» за рубежом см.: Суходолов А.П., Бычкова А.М. К вопросу о роли средств массовой информации в противодействии пропаганде суицида в социальных сетях // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–15 сент. 2017 г., Иркутск. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 81–92.

⁵ Мационг Е. Для Лиса игра закончилась. Одному из первых создателей «групп смерти» вынесли приговор // Российская газета. 2017. 19 июня.

заместитель начальника ГУОООП МВД РФ генерал-майор полиции В.Б. Гайдов привел данные о числе подростковых суицидов за последние два года: в 2015 г. самоубийства в России совершили 685 подростков, пытались это сделать 505 человек, но уже в 2016 г. покончили с собой 720 детей. В.Б. Гайдов отметил при этом следующее: «Основные причины – неразделенная любовь и конфликты – по 30 %. 1 % самоубийств связан с влиянием закрытых групп на сайтах»¹. Отметим, что 1 % от 720 детей – это как минимум семь подростков, в то время как уже в июне 2016 г. Следственным комитетом по Санкт-Петербургу установлено 15 потерпевших – несовершеннолетних, состоявших в «группах смерти» и совершивших суициды в различных регионах страны². 20 марта 2017 г. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка А.Ю. Кузнецова в ходе селекторного совещания отметила, что с 2011 по 2015 г. количество самоубийств в стране стабильно снижалось на 10 % в год. Но в 2016 г. наблюдается рост на 57 %. Детский омбудсмен, напротив, считает «лавинообразное распространение «групп смерти» в соцсетях» одной из основных причин такого положения.

Причин таких кардинально разных оценок может быть несколько, и одна из них связана с высокой латентностью самих самоубийств, влекущей и латентность связанных с ними преступлений, в частности доведения до самоубийства. Так, в зарубежных³ и отечественных⁴ научных исследованиях неоднократно поднималась проблема сокрытия убийств и самоубийств в блоке внешних причин смерти от «повреждений с неопределенными намерениями». В статистической

¹ Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://tass.ru/proisshestviya/4138676> (дата обращения 20.12.2017).

² Число суицидов в России в 2016 г. выросло почти на 60 % [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/03/20/681840-chislo> (дата обращения: 20.12.2017).

³ Sorenson S.B., Shen H., Kraus J.F. Undetermined Manner of Death: A Comparison With Unintentional Injury, Suicide, and Homicide Death // Evaluation Review. 1997. № 21 (1). P. 43–57.

⁴ Васин С. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. Том 2. № 1. С. 89–124.

отчетности Росстата самоубийства в числе смертности от внешних причин считаются в совокупности строк «Преднамеренное отравление и воздействие алкоголем» (стр. 280) и «Другие преднамеренные самоповреждения (включая самоубийство)» (стр. 281).

Отдельными строками учитываются такие обстоятельства, как, например, «падение неуточненное» (стр. 271), «другие случайные утопления (уточненные и неуточненные)» (стр. 276), «повешение, удушение и удушение с неопределенными намерениями» (стр. 290), «падение, прыжок и столкновение с высоты с неопределенными намерениями» (стр. 295) и т.д. Руководитель АНО «Интернациональный центр спасения детей от киберпреступлений» С.В. Пестов считает, что «само понятие «неопределенные намерения» подразумевает, что эти случаи не будут тщательно исследованы, и обстоятельства смерти описываются условно»¹. Отметим также, что проверка следов в интернет-пространстве может привести к нулевому результату вследствие того, что вся переписка пользователя может быть уничтожена, либо основная активность велась с необнаруженной следствием фейковой страницы, либо допущено небрежное отношение к поиску и фиксации необходимой информации.

Как указывалось выше, в марте 2017 г. от руководства МВД исходила информация об 1 % подростковых суицидов, совершенных в результате воздействия «групп смерти». Однако уже в октябре 2017 г. генерал-майор полиции А.Н. Мошков, занимавший в то время должность начальника Бюро специальных технических мероприятий МВД РФ, сообщил о том, что с начала 2017 г. зафиксирована работа около 1,4 тыс. «групп смерти» в соцсетях, общая аудитория которых составила более 12 тыс. пользователей. Выявлено более 200 тыс. их публикаций в социальных сетях, получены сведения о 1,279 тыс. учетных записей администраторов. По словам А.Н. Мошкова, по состоянию на октябрь 2017 г. возбуждено 234 уголовных дела по факту склонения детей к суициду в «группах смерти», с начала июня «кураторов и администраторов этих групп задерживают еженедельно».

¹ Пестов С.В. Смерть детей – это «погрешность» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://62gu.ru/смерть-детей-это-погрешность.html> (дата обращения: 20.12.2017).

А.Н. Мошков также указал, что администраторами и кураторами «групп смерти» в социальных сетях становятся подростки в возрасте от 13 лет: «Проведенный анализ показывает, что возраст администраторов и кураторов, как правило, находится в диапазоне от 13 до 25 лет, причем почти в половине выявленных случаев кураторами суицидальных сообществ являются девушки в возрасте до 18 лет». Кураторами, как правило, становятся дети из благополучных семей, «к своим жертвам они относятся с нескрываемым пренебрежением, позиционируя себя как здравомыслящих людей, стремящихся избавить мир от детей, попавших в сложные жизненные ситуации, называя их «биомусором»¹.

Внимание, привлеченное к «группам смерти» в социальных сетях, с одной стороны, безусловно, сыграло положительную роль, поскольку многие взрослые, своевременно получив соответствующую информацию, смогли уберечь своих детей от трагических последствий суицидального квеста. Однако одновременно это внимание многократно популяризировало и сами «группы смерти», причем не только в России, но уже и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья². Виртуальные страницы уходящих из жизни детей были наполнены суицидальным контентом: статусы, записи, фотографии, аудио- и видеозаписи. Самоубийства, отмеченные следами «групп смерти» и «синего кита», приобрели вирусный характер, а так называемые кураторы, скрытые лишь фейковыми аккаунтами, открыто предлагали свои «услуги»³. На этом фоне принятие Федерального закона от 7 июля 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального ко-

¹ МВД выявило в соцсетях около 1,4 тыс. «групп смерти» в 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://tass.ru/proisshestiya/4612248> (дата обращения: 20.12.2017).

² Чаблин А. «Синих китов» из России кинули на Европу [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://svpressa.ru/society/article/171531/?rss=1> (дата обращения: 20.12.2017); Ferguson A., Swenson K. Texas family says teen killed himself in macabre «BlueWhale» online challenge that's alarming schools // The Washington Post. 2017. July 11.

³ Мурсалиева В. Куратор «группы смерти»: «Спорим на лям, что за мной никто не придет никогда?» Почему подстрекатели детей к суициду продолжают чувствовать себя безнаказанными? // Новая газета. 2017. 17 февраля.

декса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»¹ представляется актуальным и обоснованным.

Законом изменена ст. 110 УК РФ, введены новые составы преступлений. Диспозиция основного состава ст. 110 УК РФ оставлена без изменений, однако расширен перечень наказаний и ужесточены санкции. Статья 110 УК РФ дополнена частью второй, в нее включены квалифицирующие признаки, которыми считаются в том числе доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство «в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного» (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ), а также то же деяние, совершенное «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Уголовный кодекс РФ также дополнен ст. 110.1 и 110.2, содержащими описание новых способов противоправной активности:

1) склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ);

2) содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению, а также обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ);

3) организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о

¹ Федеральный закон от 7 июля 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Часть 1 ст. 110.2 УК РФ содержит основной состав преступления, а ч. 2 ст. 110.2 УК РФ устанавливает ответственность за то же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Полагаем, что в случае со ст. 110.2 УК РФ законодателем неверно определен объект посягательства: статья расположена в разделе VII «Преступления против личности», в то время как в данном случае, на наш взгляд, объектом являются принципиально иные общественные отношения. После появления информации о феномене «групп смерти» нами был сделан вывод о том, что речь, по сути, идет о создании своего рода «виртуального культа» (секты), действия организаторов «суицидальных квестов» направлены не только на конкретных пользователей, но и на индивидуально не определенный круг лиц. Следовательно, данные деяния посягали на здоровье населения и общественную нравственность и могли быть квалифицированы по ст. 239 УК РФ¹. К аналогичному выводу пришли Н.Е. Крылова², А.Н. Бастрыкин³, а несколькими годами ранее на возможность применения ст. 239 УК РФ к случаям пропаганды суицида указывала Н.Г. Чукаева⁴.

Поддерживая указанные точки зрения, считаем, что содержание ст. 110.2 УК РФ должно быть перенесено в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного

¹ Старшинина Е. Смертельные контакты // Пятница. 2016. 17 июня.

² Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36–48.

³ Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в Интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 9–12.

⁴ Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: проблемы законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 86–87.

порядка», в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» после ст. 239 УК РФ под номером 239.1.

В заключение отметим, что тот негативный опыт, который приобрела наша страна в столкновении с «группами смерти», нуждается не в безосновательном отрицании, а в комплексном осмыслении с позиций социологии, суицидологии, педагогики, психологии, а также правовых дисциплин. Принятие норм материального права диктует необходимость разработки как криминологической характеристики доведения до самоубийства посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), так и криминалистической методики расследования данного вида преступлений.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОБОРОТА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

*Хилута В.В., к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного
университета им. Янки Купалы (Беларусь)*

Анализируя существующие тенденции криминальных посягательств на отношения собственности и установленный порядок осуществления экономической деятельности, становится очевидным, что сегодня противоправные деяния в имущественной сфере могут совершаться различным образом и с различными предметами, как материальными, так и нематериальными, причинять прямой имущественный ущерб собственнику или косвенный. Такие деяния также могут быть связаны с завладением чужим имуществом или незаконным пользованием объектами гражданских прав, лицо может извлекать имущественную выгоду посредством уклонения от исполнения обязательств или приобретения имущественных прав и т.д. Все это требует адекватной и разумной уголовно-правовой политики в сфере экономики и защиты интересов государства, общества и конкретных лиц. Сказанное ставит на повестку дня вопрос о всемерной охране не только собственности как таковой, но и иных объектов гражданских прав в имущественном обороте от преступных посягательств в комплексе.

Если говорить о концептуальных основах формирования уголовно-правовых запретов в имущественной сфере, как и в сфере экономической деятельности, то, как мы полагаем, законодатель должен идти не по пути дробления составов преступлений, не казуистическим путем (например, как это было в дореволюционной России), а путем формулирования общих признаков-принципов, с тем чтобы больше охватить круг регулируемых отношений и всевозможные ситуации (случаи), связанные с противоправным посягательством на имущественные ценности, формулируя концептуальные начала действия

уголовного закона (а не «нормы-однодневки», приспособленные к конкретным случаям и определенному времени)¹. В этой части важно разработать общие составы преступлений (путем перехода от частных признаков к формулированию общих элементов), которые бы отличались от хищений, но предусматривали ответственность за новые социально опасные деяния в имущественной сфере.

Итак, в основе построения единой моделируемой нами главы УК о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав лежит несколько критериев. Один из них – это деление правоотношений на абсолютные и относительные, т.е. в каком-то смысле противопоставление вещных и обязательственных правоотношений. Однако уголовное право в чистом виде сегодня не защищает вещные отношения, а говорит только о посягательствах на собственность. В этом контексте возникает вопрос: может ли уголовное право продолжать линию своей автономности относительно понимания современных имущественных отношений и их защиты? Если это так, то получается довольно странная конструкция, т.к. обязательственные отношения не защищены в комплексе, нет целостной системы их уголовно-правовой охраны, как и нет такой системы в отношении вещных отношений, а речь идет только о собственности.

Другой критерий исходит из противопоставления телесных и нетелесных благ. Проблема заключается в том, что в настоящее время в обороте участвуют как телесные, так и нетелесные блага, однако на нетелесные блага не может быть права собственности, поэтому и существующее учение о преступлениях против собственности здесь не срабатывает. Отсюда и следует посылка о том, что предметом преступлений против оборота объектов гражданских прав являются лишь имущественные объекты гражданских прав. Поэтому преступное посягательство может происходить как на статику имущественных

¹ Например, практика постоянных изменений, вносимых в главу 22 УК РФ, заставляет говорить о том, что, как правило, эти изменения и дополнения не имеют под собой общей идеологии и методологии, целостной концепции, вызваны и обоснованы разными, а иногда и конъюнктурными интересами, что неизбежно сказывается на качестве уголовного закона и практике его правоприменения.

отношений – собственность, так и на их динамику – оборот, причем не только материальных, но и нематериальных благ.

Тем не менее сегодня мы не можем брать за основу сложившуюся тенденцию расширительной трактовки понятия «хищение» (уголовные нормы о хищениях направлены не только на защиту права собственности, но и любого имущества вообще) и распространять его на все большее число криминальных случаев в сфере экономики (главным образом на динамику отношений собственности). Это обстоятельство непременно влечет к чрезмерно широкому пониманию сути хищения и необоснованно увеличивает уголовную репрессию. Необходимо исключить необоснованное возложение на уголовно-правовые нормы о хищениях несвойственных им функций охраны гражданского (экономического) оборота различных объектов гражданских прав (имущественных благ), управления чужим имуществом и т.д.¹ Равно как и не может норма о причинении имущественного ущерба без признаков хищения охватывать все противоправные деяния, которые по каким-либо причинам не подпадают под сферу действия «экономических» статей уголовного закона. Это в свою очередь инициирует разработку и применение в последующем на практике таких уголовно-правовых средств и инструментов, которые были бы непосредственно предназначены для обеспечения охраны отношений собственности, оборота объектов гражданских прав и порядка осуществления экономической деятельности.

Полагаем, что уголовный закон должен комплексно взять под уголовно-правовую защиту собственность и оборот объектов гражданских прав (имущественных благ), соответственно и глава УК будет иметь название «Преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав». Существующая же глава об «экономических» преступлениях должна ставить перед собой охрану порядка осуществления экономической деятельности («Преступления против порядка осуществления экономической

¹ См.: Безверхов А.Г. Преступления в сфере экономики и уголовный закон // Преступность и проблемы борьбы с ней / Под ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2007. С. 120–126.

деятельности»)¹. Таким образом, основной посыл нашего исследования лежит в той плоскости, что имущественные преступления в широком смысле слова находятся в тесной взаимосвязи с отношениями собственности и порядком перемещения объектов гражданских прав² (имущественных благ).

Перспективы развития гражданского оборота дают основания предположить, что открытый перечень объектов гражданских прав будет постоянно пополняться. Это связано с объективными глобальными процессами: так называемой проблемой ограниченности ресурсов, общим динамичным развитием научно-технического прогресса, увеличением производства, усилением конкуренции. Данные факторы не только позволяют, но и требуют вовлекать в гражданский оборот все новые объекты. Подобные тенденции выводят на первый

¹ В настоящее время, как это не раз уже нами отмечалось, всякая грань между новой экономической преступностью и традиционной имущественной стирается, и невозможно охарактеризовать существенные признаки данных явлений. Более того, мы не склонны выделять общий раздел УК, который бы объединял, как это сделано сегодня, названные главы УК. Отсутствие подобных разделов в УК позволит более свободно определять порядок расположения уголовно-правовых институтов в уголовном законе. Также считаем нецелесообразным нахождение главы 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» в разделе VIII УК РФ и в целом в уголовном законе.

² Уголовное право в настоящее время не может адекватно решить задачу правовой оценки посягательств на нетелесные блага: стоит ли их автоматически признавать предметом хищения или же для них необходимо разрабатывать некие принципиально новые конструкции правовой квалификации. Здесь основная проблема состоит в том, что не вещи, а имущество является предметом хищения. Вещи же входят в состав более широкой категории — «имущество», а имущество является собирательным, обобщенным понятием, а не единым самостоятельным объектом права. Более того, в силу вещно-правового принципа специализации на «имущество» невозможно установить абсолютное вещное право. Например, для цивилистов очевидно, что определенные сходства правовой конструкции «имущественное право» с конструкцией «право собственности на вещь» недостаточно, чтобы между ними ставить знак равенства. Почему же тогда уголовный закон должен уравнивать телесные и нетелесные блага в рамках одинаковой уголовно-правовой охраны и избирать единый механизм реализации такого положения дел?

план оборот имущественных прав, что уже ясно прослеживается в законодательстве ряда зарубежных стран.

Таким образом, сказанное позволяет очертить предпосылки формирования учения о преступлениях против оборота объектов гражданских прав, которые состоят в следующем:

– по мере развития и усложнения имущественных отношений сегодня стали появляться общественно опасные деяния, которые заключаются в извлечении противоправной имущественной выгоды, но не связаны с посягательством на конкретную «телесную вещь»;

– в существующей парадигме преступлений против собственности в качестве предмета преступления может выступать только «телесная вещь», т.к. ни на какое иное имущество вещное право собственности возникнуть не может (индивидуально определенные вещи – единственный объект гражданских прав, на который может возникнуть право собственности и другие вещные права);

– по этой причине для уголовно-правовой охраны «нетелесных» объектов гражданских прав в системе имущественных преступных деяний должна создаваться отдельная подсистема, т.к. преступления против собственности рассчитаны лишь на охрану «телесных вещей», являющихся объектом вещного права собственности;

– в свою очередь, свойства предмета преступного деяния определяют содержание способа данного деяния и иные признаки его объективного состава, где конструкция «завладение вещью» не может быть применима к нетелесным объектам гражданских прав, а характеризуется причинением ущерба и извлечением имущественной выгоды;

– следовательно, науке уголовного права следует создавать самостоятельную группу преступлений, четко разграничив посягательства на «телесное» и «бестелесное имущество» в рамках системы преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав;

– данная модель позволит оптимально реагировать на те негативные процессы, которые могут происходить в будущем, ибо какие бы экономические блага, не относящиеся к телесным вещам, ни

появлялись бы вновь, они получают надлежащую уголовно-правовую охрану в рамках преступлений против оборота объектов гражданских прав.

Соответственно, преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав указывают на то, что имущественные преступления могут совершаться в отношении материальных и нематериальных субстанций, имманентные свойства которых определяют природу, содержание, статику и динамику соответствующего субъективного гражданского права. Поэтому задача криминалистов состоит в систематике «имущественных» преступлений и обосновании уголовно-правовой защиты вещных и обязательственных правоотношений¹.

Говоря же о соотношении нормативных положений в главах 21 и 22 УК РФ (главах 24 и 25 УК РБ), следует заметить, что ряд норм о преступлениях в сфере экономической деятельности имеет свое обоснование в нормах о преступлениях против собственности и представляет их прообраз, модифицированный вид (многие преступления в сфере экономической деятельности являются привилегированной разновидностью преступлений против

¹ Необходимо отметить, что впервые опубликовав в систематизированном виде свою идею о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав (Хилота В.В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы. М.: Юрлитинформ, 2012), а в последующем обсуждая ее основные положения, в глазах коллег угадывалось скорее нежелание связываться с чем-то новым и непонятным, чем полемизировать и открыто обсуждать насущные проблемы. Это и понятно, ибо какой бы несовершенной была система преступлений против собственности, она остается непоколебимой, ибо за долгие годы ее правореализации к ней успели приспособиться все: и ученые, и практики. Однако давайте скажем прямо и откровенно: при таком подходе ни о каком развитии уголовного права в деле надлежащей защиты имущественных отношений не может быть и речи. На наш взгляд, учение о преступлениях против оборота объектов гражданских прав будет развиваться на подобии учения об интеллектуальной собственности (исключительных правах), где вопрос был затронут на десятилетия о том, что же такое интеллектуальная собственность: вещное или обязательственное право.

собственности)¹. Фактически прототипом системы преступлений против оборота объектов гражданских прав является норма о причинении имущественного ущерба без признаков хищения. И если говорить о тех деяниях, которые совершаются в системе оборота объектов гражданских прав, то здесь главным связующим элементом является извлечение виновным имущественной выгоды и причинение ущерба собственнику или иному лицу. Практически эти два элемента послужили ключевым компонентом в формировании запретов в имущественной сфере, и именно из этой системы выделяются конкретные составы преступлений, в основе которых лежит специфический способ действия. Подобно тому, как хищению присущи свои, генеральные способы совершения противоправных деяний, то и имущественная выгода может быть извлечена различными способами, ограниченными законодательным образом.

Отличительными характеристиками системы преступлений против оборота объектов гражданских прав (именно той, которая отличает это понятие от хищения) являются способ преступного посягательства и механизм причинения ущерба собственнику или иному владельцу: имущество или объекты гражданских прав не изымаются

¹ Как отмечает в этой связи А.Г. Безверхов, наличие в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности ряда сходных признаков с теми или иными видами имущественных посягательств неслучайно. Это обстоятельство является следствием отражения в уголовном законе процессов приспособления традиционного криминалитета к усложняющейся экономической организации общества. Хозяйственные преступления были и останутся особой формой подлаживания, приравливания преступности к изменяющимся условиям в экономической сфере. Поэтому законодатель при сохранении «традиционных» норм о преступлениях в сфере экономики конструирует «новые», которые получают относительную самостоятельность, в силу чего их родственная связь с породившими их «пранормами» не всегда очевидна. При этом взаимодействие между «традиционными» нормами об имущественных и «новыми» нормами об экономических преступлениях принимает различный характер и последствия, которые во многом еще скрыты от нас, и соответственно, требуют исследования (См.: Безверхов А.Г. Преступления в сфере экономики и уголовный закон // Преступность и проблемы борьбы с ней / Под ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2007. С. 124–127).

из имущественной массы (фондов, владения), а виновный извлекает имущественную выгоду. Можно даже предположить, что преступления, совершаемые против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), сходны по признакам:

а) объекта: преступления совершаются в системе гражданского оборота и имеют имущественный характер, вследствие чего посягают на имущественные отношения по поводу перехода вещественных и невещественных благ;

б) предмета: предметом преступлений являются объекты гражданских прав (имущественные блага);

в) объективной стороны: лицо стремится противоправно и безвозмездно получить имущественную выгоду и причинить ущерб путем: незаконного пользования объектами гражданских прав; незаконного приобретения объектов гражданских прав; незаконного отчуждения объектов гражданских прав; незаконного уклонения от исполнения обязательств;

г) субъективной стороны: деяния совершаются умышленно и имеют своей целью получение имущественной выгоды;

д) субъекта: в большинстве случаев им является лицо, обладающее общими признаками субъекта преступления (лицо может обладать специальными признаками, если это связано с кругом выполняемых обязанностей (полномочий) и сферой деятельности).

Преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ) могут совершаться против вещных и обязательственных правоотношений, но в любом случае они имеют имущественный характер и направлены на получение имущественной выгоды за счет других лиц без правовых оснований. В этом контексте происходящие процессы, связанные с использованием, воспроизводством, оборотом вещных и обязательственных правоотношений, т.е. их динамическая составляющая, должны быть отнесены к иной сфере и охраняться специальными нормами права (наряду с тем, что статическая составляющая в УК охраняется главой о преступлениях против собственности). Можно сказать, что сегодня должна быть одна глава уголовного закона, в которой бы содержались нормы о преступлениях против собственности (хищении, уничтожении или

повреждении имущества, присвоения найденного имущества) и оборота объектов гражданских прав.

Таким образом, преступления против оборота объектов гражданских прав – это новое направление уголовно-правовой охраны общественных отношений. Правовые запреты, сориентированные на защиту динамики имущественных отношений, связанных с оборотом имущественных благ, имеют своей целью комплексную охрану имущественных отношений. Исходя из всего сказанного, констатируем, что *преступления против оборота объектов гражданских прав* – это умышленные деяния, совершаемые в сфере оборота объектов гражданских прав, связанные с противоправным приобретением, использованием, отчуждением объектов гражданских прав или уклонением от исполнения обязательств с целью извлечения имущественной выгоды и повлекшие причинение ущерба в значительном размере при отсутствии признаков хищения.

Преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ) могут совершаться различными способами, суть которых состоит не в завладении чужим имуществом, а в извлечении (получении) имущественной выгоды посредством противоправного пользования чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, их незаконного приобретения, отчуждения либо противоправного уклонения от исполнения обязательств. Вследствие этого предлагается дополнить главу УК о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав новыми уголовно-правовыми запретами:

1) незаконное пользование объектами гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное пользование чужим имуществом или иными объектами гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере);

2) незаконное приобретение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное приобретение объектов гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере при отсутствии признаков хищения);

3) незаконное отчуждение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное отчуждение чужого имущества или иных объектов гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере);

4) незаконное уклонение от исполнения обязательств (умышленное противоправное уклонение от исполнения обязательств, а равно возложение бремени своих расходов на другое лицо с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере).

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ
И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

*Воробьев В.В., к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии
Сыктывкарского государственного
университета им. Питирима Сорокина*

В уголовном законодательстве Российской Федерации предусмотрена ответственность за такие виды компьютерных преступлений, как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Кроме этого в УК РФ имеются такие составы преступления, как мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ). Эти составы в России принято относить к преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Данные судебной и правоохранительной статистики в Российской Федерации свидетельствуют о том, что количество зарегистрированных компьютерных преступлений и число лиц, осужденных за преступления в сфере компьютерной информации, начиная с 2010 г. стало стремительно уменьшаться.

Общее количество преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных ст. 272 и ст. 273, 274 УК РФ, составило: в 2009 г. – 9489 и 2097; в 2010 г. – 6132 и 1010; в 2011 г. – 2005 и 693;

в 2012 г. — 1930 и 889; в 2013 г. — 1799 и 764; в 2014 г. — 1151 и 585; в 2015 г. — 1396 и 974¹.

Так, в 2003 г. за преступления, предусмотренные ст. 272–274 УК РФ, число осужденных составило 152 человека, в 2004 г. — 137, в 2005 г. — 203, в 2006 г. — 191, в 2007 г. — 241, в 2008 г. — 257, в 2009 г. — 347, в 2010 г. — 321, в 2011 г. — 258, в 2012 г. — 280, в 2013 г. — 268, в 2014 г. — 218, в 2015 г. — 235 и в 2016 г. — 185 человек². То есть мы приблизились к показателям 2005 г.

Такое малое количество осужденных по ст. 272–274 УК РФ можно объяснить тем, что, согласно статистике правоохранительных органов России, в более чем 50 % возбужденных уголовных дел отсутствуют подозреваемые. А при расследовании мошенничеств в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) лишь в 1 % возбужденных уголовных дел есть подозреваемые.

Судебная статистика также свидетельствует о том, что российское правосудие относится к компьютерным преступникам достаточно лояльно. Так, только в 2015 г. к реальному лишению свободы были осуждены лишь пять человек, из них до одного года осуждены четыре человека, а до двух лет — один человек. В 2016 г. к реальному лишению свободы были осуждены шесть человек, из них до одного года осуждены три человека, до двух лет — один человек, свыше двух лет — два человека. Условно к лишению свободы в 2015 г. были осуждены 42 человека, тогда как в 2016 г. — 57 человек. К ограничению свободы были осуждены в 2015 г. 43 (2016 г. — 47), исправительным работам — пять (2016 г. — пять) и к штрафу осуждены в 2015 г. — 12 человек, а в 2016 г. — 34 человека. При этом по амнистии от наказания за совершение компьютерных преступлений в 2015 г. были освобождены 122, в 2016 г. — лишь 32 осужденных.

¹ Евдокимов К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 92.

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ: данные судебной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 20.09.2017).

Приведенные цифры позволяют подсчитать, что в среднем за 2013–2015 гг. на 10 выявленных преступлений в сфере компьютерной информации к уголовной ответственности привлекается только один человек.

Также следует отметить и то, что даже когда лица привлечены к уголовной ответственности и им назначается, как видно, достаточно мягкое наказание, вопрос возмещения причиненного преступлением материального вреда остается весьма актуальным. В среднем по данным преступлениям потерпевшим возмещается только 10–20 % материального вреда. И это отчасти вызвано как пробелами в законодательстве, так и недоработками правоохранительных органов, для которых первоочередной задачей является раскрытие преступления, а соблюдение материальных прав потерпевшего не относится к приоритетным задачам.

В законодательстве России вопросы уголовного преследования и материального возмещения причиненного ущерба, в целом, разделены. Уголовный суд в основном рассматривает вопросы причастности и виновности лица, вид и размер наказания. И несмотря на то что уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в целях защиты и восстановления материальных прав потерпевшего предусмотрена процедура рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе (ст. 44 УПК РФ), судьи по уголовным делам, не желая рассматривать гражданские иски, зачастую направляют пострадавшую сторону в суд по гражданским делам, который в свою очередь руководствуется другим процессуальным законодательством, со своими сроками, порядком обжалования, затратами на юридическую помощь и т.п.

Таким образом, для лиц, склонных и/или способных к совершению компьютерных преступлений, создается ситуация практически безнаказанности за совершаемые преступные деяния. А те, кто и были привлечены к такой сравнительно мягкой ответственности, вряд ли исправятся, а будут лишь более изощренными и осторожными при совершении преступлений в будущем.

Подвергая критическому анализу состав ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), можно отметить,

что понятие неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации в законодательстве, науке и правоприменительной практике трактуется по-разному, что, конечно же, является недостатком, отрицательно влияющим на эффективность применения уголовного закона. Это обуславливает необходимость формулирования унифицированного определения этого понятия с дальнейшим закреплением его в законе.

Так, согласно п. 6 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доступ к информации – это возможность получения информации и ее использования¹. Закон РФ «О государственной тайне» трактует доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, как санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну (ст. 2)². Федеральный закон «О коммерческой тайне» доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, определяет как ознакомление определенных лиц с информацией, составляющей коммерческую тайну, с согласия ее обладателя или на ином законном основании при условии сохранения конфиденциальности этой информации (п. 5 ст. 3)³. В Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации неправомерный доступ сформулирован как несанкционированное обращение к компьютерной информации⁴.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3448.

² Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485–1 «О государственной тайне» (в ред. от 08 марта 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.

³ Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

⁴ Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минске 01 июня 2001 г., вступило в силу для России 17 октября 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 13. Ст. 1460.

В российской науке также наблюдается разность подходов к определению этого понятия. Однако весь спектр точек зрения российских ученых-правоведов можно свести к двум принципиальным позициям: первая заключается в том, что под доступом следует понимать получение возможности манипулировать информацией (копировать, модифицировать, уничтожать и т.п.)¹; вторая — под доступом следует понимать не только получение возможности манипулировать информацией, но и простое ознакомление с ней без всякого воздействия².

С учетом представленных точек зрения и положений нормативных актов, под неправомерным доступом к компьютерной информации предлагается понимать несанкционированное получение или обращение к компьютерной информации, позволяющее использовать эту информацию (в том числе и после ознакомления с ней) или воздействовать на нее (уничтожать, блокировать, модифицировать). Однако принятие данного определения за основу требует внесения изменений в диспозицию ст. 272 УК РФ. Здесь следует согласиться с А.Л. Осипенко³ и к числу альтернативных последствий добавить «ознакомление с информацией».

Кроме этого, представляется, что диспозицию ст. 272 УК РФ следует дополнить таким последствием, как «распространение охраняемой законом информации». Конечно, можно предположить, что распространение информации охватывается понятием копирование.

¹ Панфилова Е.И., Попов А.С. Компьютерные преступления / Науч. ред. Б.В. Волженкина. СПб.: Изд-во СПбЮИ Ген. прокуратуры РФ, 1998. С. 28.

² Числин В.П. Уголовно-правовые меры защиты информации от неправомерного доступа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 13–14; Крылов В.В. Криминалистические проблемы оценки преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовное право. 1998. № 3. С. 84; Богомолов М.В. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Красноярск, 2002. С. 68; Сизов А.В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: практика правоприменения // Информационное право. 2009. № 1. С. 32–35.

³ Осипенко А. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к конфиденциальной компьютерной информации // Уголовное право. 2007. № 3. С. 43–47.

И действительно, эти понятия во многом связаны, однако их содержания не являются идентичными. Так, копирование предполагает процесс создания дубликата информации, но никак по своему смыслу не охватывает ее распространение. Распространение может быть осуществлено как путем копирования с последующим тиражированием, так и без копирования информации. Например, предоставление беспрепятственного доступа к охраняемой законом информации путем нейтрализации системы защиты этой информации или нахождения прорех в защите. Злоумышленник может сообщить неограниченному или определенному кругу лиц лишь ссылку в интернете на эту информацию либо дать инструкцию по обходу системы защиты.

В составе ст. 273 УК РФ законодатель установил ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Понятие «вредоносная программа» является ключевым в диспозиции ст. 273 УК РФ. Этот термин имеет как доктринальное, так и нормативное толкование. В российском уголовном праве наблюдается некоторая разница во мнениях касательно определения этого понятия, однако принципиально отличающихся точек зрения не встречается. Аналогичная ситуация складывается и в нормативно-правовом толковании этого понятия.

Дискуссионным остается еще один вопрос: с какого момента считать создание вредоносной программы окончанным преступлением? Когда программа находится в электронном виде и способна осуществлять вредоносные функции или же возможно признавать вредоносной программой и текст программы, представленный в любой материальной форме, в том числе в виде записи на бумажном носителе?

В ст. 1261 ГК РФ установлено, что программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе

разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения¹.

Основываясь на теории уголовного права, создание исходных подготовительных материалов в ходе разработки программы следует квалифицировать как покушение на преступление (покушение на создание вредоносной программы). В связи с этим подготовительные материалы, полученные в ходе разработки компьютерной программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения в контексте данного преступления не могут признаваться компьютерной программой.

Следует пояснить, что положения ст. 1261 ГК РФ не оспариваются, так как эта норма регулирует вопросы защиты авторских прав на компьютерные программы, в связи с чем такое определение компьютерной программы вполне оправданно, однако применение его по аналогии, как предлагается некоторыми авторами², в этом случае было бы неверным.

Следует отметить, что распространение исходных кодов (текстов) вредоносных компьютерных программ, несомненно, имеет общественную опасность, и поэтому, наряду с распространением вредоносных программ, статья должна быть дополнена таким самостоятельным деянием, как «распространение исходных кодов (текстов) вредоносных программ». Под исходным кодом компьютерной программы (source code) следует понимать компьютерную программу, составленную в пригодной для чтения человеком форме (на соответствующем языке программирования), которую необходимо перевести в машиночитаемую форму, прежде чем она может быть исполнена компьютером³.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 03 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. (Часть I). Ст. 5496.

² См.: Энгельгардт А.А. Уголовно-правовая оценка создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (информации) // Lex Russica. 2014. № 11. С. 1316–1325.

³ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. № 81 «Об утверждении Правил надлежашей лабораторной практики Евразийского экономического союза в сфере обращения лекарственных средств» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 04.09.2017).

Вышеизложенное приводит нас к выводу о необходимости закрепления в примечании к ст. 273 УК РФ собственного определения понятия «вредоносная компьютерная программа». Так, под вредоносной компьютерной программой предлагается понимать компьютерную программу, заведомо предназначенную для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации либо ознакомления с ней, а равно для нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Программа должна быть пригодной к выполнению этих функций.

В Уголовном кодексе РФ отсутствует ответственность за приобретение и/или хранение вредоносных программ с целью их использования и/или распространения. В связи с чем представляется необходимым, наряду с имеющимся перечнем деяний, дополнить данную статью такими действиями, как приобретение и/или хранение вредоносной компьютерной программы или ее исходных текстов с целью окончательного создания, использования и/или распространения.

Статьей 274 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончательного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, если это причинило кому-либо крупный ущерб.

Основной проблемой применения данной нормы является отсутствие какой-либо официальной системы правил и инструкций в компьютерной сфере, и поэтому на протяжении последних 20 лет действия Уголовного кодекса РФ эта норма практически не применялась.

Серьезным шагом на пути борьбы с компьютерными преступлениями явилось принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2018 г.¹ В связи с принятием этого закона в Уголовный кодекс РФ

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736.

была введена новая ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»¹.

Представляется, что российский законодатель мог бы обойтись внесением соответствующих дополнений в ст. 272–274 УК РФ, так как новая ст. 274.1 УК РФ практически их дублирует с одним лишь дополнением об информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации.

В связи с участвовавшими случаями компьютерных атак на государственные учреждения, крупные корпорации и банки необходимость принятия этих изменений в законодательстве России давно назрела, а об их эффективности можно будет судить лишь через время.

Участие России в международно-правовом механизме борьбы с киберпреступностью носит региональный, а не глобальный характер. Россия активно участвует в формировании международного законодательства в рамках СНГ, однако не участвует в единственном на сегодняшний день глобальном международном соглашении о противодействии киберугрозам – Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), заключенной в 2001 г. в г. Будапеште.

Таким образом, низкая эффективность борьбы с компьютерными преступлениями в Российской Федерации связана не только с несовершенством национального законодательства, но и с имеющимися противоречиями в международных отношениях, которые необходимо оперативно и вдумчиво устранять.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4743.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 292.1 УК РФ:
ОЦЕНКА С ПОЗИЦИИ ОБОСНОВАННОСТИ
ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОН**

*Басова Т.Б., д.ю.н, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Юридической школы
Дальневосточного федерального
университета
Харченко А.Н., к.ю.н, судья
Артемовского городского суда
Приморского края*

Уголовное законодательство достигает своей цели лишь при условии его эффективного применения. Недостаточно только создать отличающуюся положительными качествами, совершенную уголовно-правовую норму и ввести ее в УК, помимо этого необходима ее действенная реализация. Каким будет процесс реализации созданной (или преобразованной) законодателем нормы, зависит от многих факторов, в том числе и от того, насколько целесообразны и обоснованы нововведения в законе.

За время действия УК РФ 1996 г. в него многократно вносились изменения и дополнения в целях упорядочения и содержательно-го развития. Но чрезмерно интенсивный законодательный поиск оптимальных моделей регулирования общественных отношений в уголовно-правовой сфере не дает ожидаемых результатов: действующий уголовный закон России, будучи кодифицированным актом, не отличается глубокой внутренней согласованностью, высоким уровнем нормативных обобщений, стабильностью действия.

Законодатель зачастую поспешно конструирует все новые и новые составы преступлений, не вполне разумно подвергает отдельные общественные отношения (или их стороны) правовому регулированию, что порождает немало вопросов, связанных с истолкованием и правоприменением таких юридических конструкций.

Всегда ли оправдано в современных условиях внесение изменений и дополнений в действующий уголовный закон России? В рамках настоящей публикации представляется возможным лишь на отдельном примере показать, возникала ли объективная необходимость в конкретном случае совершенствовать уголовный закон путем создания новых составов преступлений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются недейственными нормативными предписаниями.

Так, Федеральным законом от 8 апреля 2008 г. № 43-ФЗ УК РФ был дополнен новой статьей – ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации». Статья сконструирована законодателем из двух частей, в каждой из которых заключены самостоятельные составы преступления. В первой части предусмотрены специальные виды умышленных должностных преступлений, а во второй – специальный случай халатности.

Какова же история появления данной статьи в целях дополнения ею Уголовного кодекса РФ?

Законопроект № 340283-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» был внесен в Государственную Думу России 20 сентября 2016 г. под наименованием «Об усилении уголовной ответственности за должностные преступления, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства», в нем предлагалось внести изменения в ст. 292, 293 и 326 УК РФ. В Пояснительной записке к нему было сказано: «...законопроект направлен на установление повышенной ответственности должностных лиц за фактическое попустительство, которое облегчает совершение террористической акции и препятствует своевременному ее пресечению на стадиях приготовления и покушения. Данные изменения вызваны складывающейся в последнее время оперативной обстановкой в субъектах Российской Федерации, потенциально опасных в части совершения преступлений террористического характера. Так, в Российской Федерации отдельные территории используются для подготовки террористов при фактическом попустительстве

должностных лиц, отвечающих за обеспечение общественного порядка и общественной безопасности»¹.

Спустя две недели в процессе первого чтения 4 октября 2007 г. депутат Государственной Думы Российской Федерации В.С. Груздев предложил внести в законопроект № 340283-4 поправку о дополнении УК РФ новой ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации».

Тогда как в Комитете Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству уже находился на рассмотрении законопроект № 473117-4, предложенный депутатами Государственной Думы В.С. Груздевым и И.В. Баринным о дополнении УК РФ новой ст. 292.1, в которой был сформулирован один состав преступления – «Незаконная выдача паспорта гражданину Российской Федерации»².

Разработка предложенного нововведения обоснована авторами «...выявлением многочисленных случаев незаконной выдачи российских паспортов. Так, за период с 2003 г. по настоящее время (т.е. с 2003 г. по сентябрь 2007 г. – *Прим. авт.*) выявлено более 30 тысяч таких фактов. Указанные деяния приводят к незаконному предоставлению конституционных прав российского гражданина иностранным гражданам и лицам без гражданства, снимая одновременно с них ограничения в правах, предусмотренные законодательством Российской Федерации». Иными словами, причины появления законопроектных предложений, в отличие от законопроекта № 340283-4, не связаны с терроризмом либо попустительством должностных лиц в сфере общественной безопасности и общественного порядка.

Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству не смутил тот

¹ Обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/340283-4> (дата обращения: 21.09.2017).

² Обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/473117-4> (дата обращения: 21.09.2017).

факт, что предложенная к законопроекту поправка — дополнение УК РФ новой ст. 292.1 — требует проверки наличия объективных оснований для появления в законе новых уголовно-правовых норм.

Проект федерального закона № 340283-4 с кардинально иным содержанием от предложенного первоначально варианта спешно прошел третье чтение. В конечном итоге закон был принят, одобрен и подписан, а ст. 292.1 официально дополнила УК РФ.

В очередной раз законодатель себе не изменил: не в его правилах обсуждать с научной общественностью вопросы об объективных основаниях появления уголовно-правовых норм, которые облекаются в новую статью УК РФ.

В науке уголовного права выделяют различные основания (критерии, факторы) криминализации деяний: общественная опасность деяния; степень распространенности деяния; преобладание положительных последствий криминализации над отрицательными; соответствие запрета нормам Конституции РФ, международного права; согласованность запрета с нравственными нормами; возможность практического применения запрета; неэффективность противодействия деянию иными правовыми средствами и др.¹, — которые выступают инструментарием при анализе обусловленности уголовно-правового запрета.

С использованием одного из них — степени распространенности деяния — попытаемся оценить обоснованность криминализации в отечественном уголовном законе деяний, предусмотренных ст. 292.1 УК РФ.

Относительную распространенность деяния специалисты причисляют к группе общих оснований, предопределяющих установление уголовной ответственности. Так, минимальная распространенность деяния по большому счету не отражается на уровне его общественной опасности. Широкая распространенность конкретного деяния,

¹ Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Бытко Ю.И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 127–135; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987; Прозументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91 и др.

причиняющего существенный вред или создающий угрозу причинения такого вреда охраняемым законом объектам, свидетельствует о его значительной общественной опасности, порой приобретающей угрожающие масштабы.

С учетом сказанного представляется возможным утверждать, что целесообразность и обоснованность уголовно-правового запрета конкретного деяния непосредственно связаны, помимо прочего, с его распространенностью, которая должна обладать определенной степенью.

Обращение к официальной статистике показывает, что преступление, предусмотренное ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации» УК РФ, характеризуется высокой степенью распространенности.

Так, в первые полгода (2008 г.) в России было выявлено девять случаев преступлений по ст. 292.1 УК РФ. В следующем 2009 г. — 52, в 2010 г. — 71, в 2011 г. — 46, в 2012 г. — 43, в 2013 г. — 37, в 2014 г. — 91, в 2015 г. — 146, в 2016 г. — 258 преступлений.

При этом следует иметь в виду, что в приведенных официальных данных уголовной статистики сведения о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 292.1 УК РФ, не разделяются, хотя преступления, обозначенные в разных частях данной статьи, имеют самостоятельные составы. Следовательно, каждой разновидности преступлений, представленных в рамках ст. 292.1 УК РФ, совершено еще меньше, чем в приведенных данных.

Удельный вес анализируемого преступления в общем числе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления вообще мизерный и составил: в 2008 г. — 0,02 %; в 2009 г. — 0,11 %; в 2010 г. — 0,17 %; в 2011 г. — 0,12 %; в 2012 г. — 0,12 %, в 2013 г. — 0,12 %, в 2014 г. — 0,36 %, в 2015 г. — 0,56 %, в 2016 г. — 0,97 %.

Приведенные официальные данные уголовной статистики говорят сами за себя. А если распределить эти сведения на каждый субъект Российской Федерации, то получается капля в море. Где те более 30 тысяч зарегистрированных фактов незаконной выдачи паспорта,

якобы выявленные за период с 2003 по 2007 г., о которых утверждали авторы законопроекта, внося предложение о дополнении УК РФ новой ст. 292.1?

Деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным или редким для общества, а, как правило, должно быть типичным, повторяющимся в разных условиях. В противном случае нарушается такой принцип криминализации деяний, как принцип относительной распространенности криминализируемых деяний, который подчеркивает необходимость учета при установлении уголовной ответственности за какое-либо общественно опасное деяние его неединичного характера.

Что касается преобладания положительных последствий криминализации анализируемого преступления, которое было обещано законодателями, то оно не очевидно. Пока данных о том, что уголовно-правовой запрет незаконной выдачи паспорта или подлога документов, повлекшего незаконное приобретение гражданства Российской Федерации, оказывает превентивное воздействие на должностных лиц, исследователями не добыто.

Анализ событий показывает, что к апрелю 2008 г. революции в области паспортно-регистрационного и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, в результате которой произошли бы изменения в должностной преступности, не случилось. Соответственно, необходимости в установлении подобного запрета обозначенных деяний в действующем уголовном законе не возникало.

А потому вряд ли можно согласиться с теми, кто категорично приветствует появление указанных норм. Так, А.Н. Халиков, анализируя составы преступлений, предусмотренные ст. 292.1 УК РФ, пишет: «С учетом распространенности этого вида деяний следственная и судебная практика испытывала необходимость в отграничении действий, связанных с незаконной выдачей паспорта гражданина РФ и незаконным приобретением гражданства России, от других видов преступлений. Механизм указанного преступления неодномоментный и предполагает совершение ряда разнообразных действий по изготовлению документов и иных шагов, ведущих к конечной цели – незаконному

получению паспорта или приобретению гражданства вопреки учрежденному порядку. Только в Республике Башкортостан в 2004–2007 гг. за преступления в сфере паспортно-визовой службы при работе с иностранными гражданами были осуждены начальник Управления паспортно-визовой службы МВД РБ и его первый заместитель, несколько начальников районных отделов паспортно-визовой службы. Есть аналогичные примеры и в других регионах России»¹. Если несколько человек, пусть даже чиновников достаточно высокого ранга, в течение четырех лет и осуждены за преступления в сфере паспортно-визовой службы при работе с иностранными гражданами, то это еще не дает основания для криминализации подобных деяний в виде специальных норм. А коль эти должностные лица все же были привлечены к ответственности, то значит имелись в действующем УК России нормы, в соответствии с которыми квалифицировали содеянное ими.

Вызывает недоумение: почему законодатель не счел необходимым прибегнуть к экспертным заключениям специалистов и ученых? Если бы имела место научная оценка уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 292.1 УК РФ, то наверняка не было бы допущено столь грубых конструктивных недостатков юридических образований, представленных в данной статье закона, которые сводятся к следующему.

1. Название статьи не отражает в полной мере область правового регулирования борьбы со специальными должностными преступлениями. Заглавие ст. 292.1 УК РФ указывает лишь на преступление, предусмотренное в ее первой части: «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации».

2. В целях обеспечения задачи системности уголовно-правовых норм в одном законе нельзя не поставить вопрос о месте уголовно-правовых норм об ответственности за незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации в системе Особенной части УК

¹ Подробнее см.: Халиков А. Незаконная выдача паспорта и незаконное приобретение гражданства // Законность. 2008. № 9. С. 36.

РФ. При совершении указанных в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ преступлений происходит посягательство, прежде всего, на порядок управления и лишь затем на нормальную, регламентированную законом и отвечающую интересам развития общества деятельность аппарата публичной власти. Полагаем, что в связи с характером отношений, которые охраняются данными нормами, их месторасположение должно быть в другой главе, регламентирующей ответственность за преступления против порядка управления.

3. Законотворец явно перестарался, конструируя каждую из частей ст. 292.1 УК РФ, допущены содержательные неточности, что привело к сложностям восприятия названных правовых норм.

Так, в уголовно-правовой норме ч. 1 ст. 292.1 УК РФ законодатель описывает два различных (самостоятельных) варианта преступного поведения, осуществлять которое могут четыре разновидности специального субъекта. Оба варианта преступления «предметные». В одном случае предметом преступления выступает паспорт гражданина Российской Федерации, в другом – документы на приобретение гражданства Российской Федерации. В ч. 2 ст. 292.1 УК РФ нагромождений не меньше. К тому же при описании признаков преступлений используются не известные ранее уголовному закону категории, что не будет способствовать точному и единообразному применению закона.

Итак, введение в закон уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 292.1 УК РФ, следует признать необоснованным. По изложенным соображениям, к сожалению, они оказались несовершенновыми, что неизбежно вызывает затруднения при их реализации. Столь уж неэффективной была существовавшая система санкций и мер ответственности виновных в различных должностных преступлениях, что законодатель был вынужден предложить подобный способ разрешения проблемы? Вряд ли. Необоснованное появление в последние годы ряда новых статей в Уголовном кодексе наводит на мысль, что искусственное увеличение количества специальных норм уже, к сожалению, вошло в моду. Если законодатель и далее будет плодить мертворожденные нормы, эффективность применения закона (и без того слабая) будет только снижаться.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ АКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

*Борисевич А.Г., выпускник
факультета права
Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
помощник арбитражного управляющего*

Вопросы уголовной ответственности за преступления террористической направленности являются актуальными на протяжении нескольких десятилетий. Данные преступления являются одними из наиболее тяжких и общественно опасных преступлений современности. Как известно, государство призвано защищать своих граждан от любых проявлений агрессии и насильственных действий, именно поэтому предотвращение подобных событий должно являться одной из основных целей любого государства, в том числе и Российской Федерации. В последнее время опасность совершения террористических актов резко увеличилась, в том числе ввиду нарастания мощности международной террористической организации «ИГИЛ», запрещенной в России. На сегодняшний день бесспорно существование необходимости повышения эффективности борьбы с терроризмом как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Статистические данные показывают истинные масштабы террористической угрозы для России. По статистическим данным МВД РФ, за последние примерно 20 лет в России было совершено около трех тысяч террористических актов. Стоит отметить, что Российская Федерация является одной из наиболее страдающих от террористической активности стран¹. Несмотря на значительное снижение в последние годы числа зарегистрированных террористических актов, обусловленное, прежде всего, изменениями ст. 205

¹ Официальный сайт Global Terrorism Database [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 27.12.2017).

УК РФ¹, говорить о стабильной тенденции спада указанных преступных деяний пока еще не приходится (по данным официальной статистики МВД РФ, в 2014 г. было совершено 33², в 2015 г. — 8³, в 2016 г. — 25⁴, за практически полный 2017 г. — 18⁵ террористических актов). Количество совершенных террористических актов не демонстрирует реальную террористическую угрозу, которой подвергаются граждане нашей страны: в период с 2006 по 2015 г. силами Национального антитеррористического комитета (НАК) было нейтрализовано 2,8 тысяч лиц, которые были причастны к террористической деятельности, задержано 5,8 тысяч членов террористических организаций, изъято порядка 60 тысяч взрывных устройств, 25 тонн взрывчатых веществ и около 15 единиц стрелкового оружия⁶.

¹ Существенные изменения были введены Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

² Зарегистрированные преступления и выявленные лица за 2010 и 2014 гг. в разрезе статей Особенной части УК РФ (Извлечения из форм 1-ЕГС) // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 339.

³ Зарегистрированные преступления и выявленные лица за 2010 и 2014 гг. в разрезе статей Особенной части УК РФ в России в 2006, 2011 и 2015 гг. (Извлечения из форм 1-Г и 1-ЕГС) // Преступность, уголовная политика, закон / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 521.

⁴ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2016 г. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://xn--b1aew.xn--plai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 27.12.2017).

⁵ Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2017 г. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/2/> (дата обращения: 27.12.2017).

⁶ Сироткин И.Г. О деятельности Национального антитеррористического комитета в 2006—2015 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. Научно-практический журнал. 2015. № 2 (13). С. 31—32.

Эти цифры позволяют уточнить масштаб опасности, исходящей от терроризма как массового социально-политического явления¹. Сложно предположить, какое количество террористических актов могло произойти в случае бездействия Национального антитеррористического комитета и подобных организаций.

Законодатель в последнее время регулярно вносит изменения в статьи, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности. В частности, только за последние три года в ст. 205 УК РФ дважды были внесены изменения: в соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ², Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ³ (которым в УК РФ была введена ст. 361 «Акт международного терроризма»). Следует отметить, что введение указанной статьи стало результатом имплементации норм международного права⁴. Вместе с тем, как отмечает Б.В. Сидоров, определяя ответственность за акт международного терроризма как вид преступления против мира и безопасности человечества, российский законодатель допустил ряд неточностей и ошибочных положе-

¹ Добряков Д.А. К вопросу о соотношении борьбы с преступностью и уголовного законодательства в части наказания (на примере терроризма) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М.: Оригинал-макет, 2017. С. 402.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

³ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

⁴ В частности, положений Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицирована РФ в соответствии с Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ) (Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947) и ряда других международных актов о борьбе с терроризмом.

ний¹, возможно, вследствие этого менее чем через полтора года в рассматриваемую статью были внесены изменения в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ².

Уголовно-правовой запрет акта международного терроризма не является новеллой для уголовного законодательства на постсоветском пространстве. Такой запрет существовал, до его введения в УК РФ, в УК Беларуси (ст. 126 «Акт международного терроризма») и УК Армении (ст. 389 «Международный терроризм»). Интерес вызывает и тот факт, что УК Беларуси также содержит специальный запрет акта терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124 УК Беларуси). Всеми вышеизложенными обстоятельствами во многом и обусловлено введение уголовно-правового запрета акта международного терроризма.

Дадим уголовно-правовую характеристику состава соответствующего преступления.

Разберем объект акта международного терроризма. В отличие от террористического акта, родовым объектом которого выступают «общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок»³, родовым объектом акта международного терроризма выступают интересы мира и безопасность человечества в целом. Стоит отметить, что видовой объект в последнем случае совпадает с родовым. В первом случае в качестве такового выступает общественная безопасность. Е.В. Серегина отмечает, что термин «безопасность» может быть истолкован как минимум с психологической, юридической и философской точек зрения. С

¹ Сидоров Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 119.

² Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1. Ст. 29.

³ Грачева Ю.В. Глава 11. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2013. С. 257.

психологической точки зрения под безопасностью подразумеваются ощущение, восприятие и переживание, потребность в защите жизненно важных потребностей и интересов людей. Юридическая составляющая понятия «безопасность» определяется как состояние защищенности общества и государства от внутренних и внешних угроз¹. Философы понимают безопасность как состояние, тенденции развития и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений². На наш взгляд, в определении понятия безопасности следует придерживаться комплексного подхода. С.А. Галактионов, классифицируя в зависимости от непосредственного объекта все преступления против мира и безопасности человечества на три группы, относит акт международного терроризма к преступлениям, посягающим на мир и мирное сосуществование государств³.

Ряд ученых считает⁴, что террористический акт является многообъектным преступлением. В частности, ученые полагают, что террористический акт посягает на жизнь, здоровье граждан, имущество, общественную безопасность и нормальное функционирование органов власти (дополнительные объекты). На наш взгляд, акт международного терроризма также является многообъектным преступлением. Исходя из единой природы соответствующих преступлений, акт международного терроризма также посягает на отношения по охране жизни, здоровья, имущества, общественной безопасности и т.д. Исходя из буквального понимания смысла ст. 361 УК РФ, дополнительным объектом соответствующего состава преступления

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 5 октября 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

² Цит. по: Серегина Е.В. Проблемы квалификации преступления террористической направленности. Основные правоприменительные проблемы в области уголовно-правовой охраны общественной безопасности // Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / Отв. ред. И.А. Подройкина. М.: Проспект, 2015. С. 468–469.

³ Подробнее см.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. М.: Инфра-М, 2016. С. 734.

⁴ См., например: Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Норма, 1999. С. 54.

также выступают интересы РФ. Зачастую объекты, отнесенные нами к числу дополнительных, по существу, могут выступать первичными по отношению к непосредственному объекту соответствующего преступления, который здесь сформулирован очень широко. Ввиду этого возникает вопрос о целесообразности включения ст. 361 в раздел XII «Преступления против мира и безопасности» УК РФ.

Теперь рассмотрим объективную сторону международного террористического акта. Исходя из того, что ст. 361 УК РФ содержит *два основных* (ч. 1 и 2) и один квалифицированный (ч. 3) составы, выходит, что акт международного терроризма – это: 1) совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий (первый основной состав); 2) финансирование вышеназванных действий либо вовлечение в их совершение (второй основной состав). Такой подход законодателя представляется не вполне логичным в контексте того, что исходя из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ действия по *склонению, вербовке или иному вовлечению лица* в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и *361 настоящего Кодекса, вооружению или подготовке лица* в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а *равно финансированию терроризма* (курсив наш – А.Б.) образуют иное преступление – содействие террористической деятельности. Первый основной состав акта международного терроризма может быть выражен в форме альтернативных действий, а именно: 1) совершение взрыва, поджога, иных действий, подвергающих опасности... 2) угроза совершения указанных действий. Второй основной состав акта международного терроризма также может быть выражен в форме альтернативных действий: 1) финансирование совершения взрыва, поджога и иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации либо угроз совершения указанных деяний; 2) склонение, вербовка или вовлечение

в совершение указанных действий; 3) вооружение или подготовка лица в целях совершения акта международного терроризма.

Оба основных состава акта международного терроризма являются формальными, а материальным выступает только квалифицированный состав данного преступления (ч. 3 ст. 361 УК РФ), который предусматривает наступление смерти человека в результате действий, описанных в ч. 1 ст. 361 УК РФ.

Детальная характеристика действий, составляющих объективную сторону двух основных составов акта международного терроризма (ч. 1 и 2 ст. 361 УК РФ), не представляется целесообразной ввиду того, что через аналогичные действия описывается объективная сторона основного состава террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и основного состава содействия террористической деятельности (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) соответственно. Однако следует отметить, что факкультативный признак место («вне пределов территории Российской Федерации») является обязательным альтернативным признаком объективной стороны первого основного состава акта международного терроризма, выраженного в форме совершение взрыва, поджога и т.д. К ч. 2 ст. 361 УК РФ данный признак не относится. Следует отметить, что угроза совершения указанных действий (альтернативные действия первого основного состава), а также действия по финансированию (например, перевод денежных средств) или вовлечению в совершение соответствующих деяний (составляющие второй основной состав акта международного терроризма) не обязательно должны совершаться вне пределов территории Российской Федерации.

Субъект международного террористического акта — общий (вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста). Пониженный возраст уголовной ответственности обусловлен повышенной опасностью данного деяния. Более того, известно, что в настоящее время в террористические организации активно вовлекаются несовершеннолетние лица, что делает вполне логичным привлечение к уголовной ответственности лиц, достигших 14-летнего возраста.

Субъективная сторона составов акта международного терроризма характеризуется умышленной формой вины. То есть в рамках основных составов лицо намеренно и осознанно совершает взрыв, поджог

или иные действия, подвергающие опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также намеренно угрожает совершением указанных действий, либо финансирует, склоняет, вербует, вовлекает лиц или совершает иные действия, предусмотренные составами преступлений, закрепленных ст. 361 УК РФ. Субъективное отношение виновного к причинению смерти человеку (ч. 3 ст. 361 УК РФ), по мнению А.К. Князькиной, может быть как умышленным, так и неосторожным¹.

Также субъективная сторона первого основного состава акта международного терроризма характеризуется наличием специальной цели – нарушение мирного сосуществования государств или народов либо интересов Российской Федерации. В случае отсутствия указанной цели содеянное не может быть квалифицировано как акт международного терроризма. Под мирным существованием государств и народов следует понимать существование, в котором исключены любые военные действия в целях решения каких-либо возникающих вопросов, т.е. соблюдение норм международного права. Субъективная сторона второго основного состава акта международного терроризма характеризуется целью совершения действий, предусмотренных в рамках первого его основного состава. Цель преступления является одним из наиболее трудных устанавливаемых признаков субъективной стороны акта международного терроризма в случаях, если виновные открыто не высказывают о своих требованиях. Мотивы совершения международного террористического акта не являются обязательными признаками деяния, они могут быть различными и не влияют на квалификацию.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб и доп. М: Проспект, 2017. С. 717.

обеспечения общественной безопасности» отсутствует обоснование социальной обусловленности уголовно-правового запрета совершения акта международного терроризма. В данном документе лишь указано, что «в частности, Уголовный кодекс Российской Федерации предлагается дополнить новыми составами преступлений... а также совершение акта международного терроризма»¹. Стоит отметить, что указанная пояснительная записка к так называемому «антитеррористическому пакету Яровой» поместилась всего на двух листах. Вместе с тем, как было отмечено выше, одной из основных целей введения ст. 361 УК РФ является имплементация норм международного права. На указанное обстоятельство обращает внимание представитель Следственного комитета РФ С. Петренко, которая, комментируя убийство посла РФ Андрея Карлова, обратила внимание на то, что «норма, предусмотренная статьей 361 УК РФ, была введена в российское законодательство в рамках так называемого «антитеррористического пакета Яровой», который усиливает ответственность за преступления терроризма, и фактически является имплементацией норм международного права, касающихся борьбы с различного рода группировками и отдельными лицами, использующими в качестве достижения своих целей различные средства, в том числе и террористические акты»². Следует отметить, что убийство российского посла в Турции, квалифицированное как акт международного терроризма, является практически единственным примером применения ст. 361 УК РФ. Отчасти данный факт можно объяснить тем, что конструкции составов, содержащихся в рамках составов ст. 361 УК РФ, являются достаточно сложными. Сложность формулировки объективной стороны акта международного терроризма во многом обусловлена

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1039101–6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/57727808/> (дата обращения: 27.12.2017).

² Официальный сайт «ТАСС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://tass.ru/politika/3888170> (дата обращения: 27.12.2017).

разнообразностью проявлений терроризма. Вместе с тем следует согласиться с мнением С.М. Кочои о том, что данная норма (ст. 361 УК РФ. – А.Б.) вряд ли сможет сыграть возложенную на нее роль необходимого (и крайне важного!) инструмента в борьбе против международного терроризма¹.

¹ Кочои С.М. О качестве уголовного закона (на примере ст. 361 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 530.

II. ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**20 ЛЕТ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ КНР:
С 1997 ПО 2017 ГОД**

*Лун Чанхай, д.ю.н.,
профессор Юридического института
Университета Внутренней Монголии (КНР)*

14 марта 1997 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва был принят Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР), вступивший в силу с 1 октября 1997 г. За 20 лет существования УК КНР произошли огромные изменения структуры общества, экономики, культуры и других аспектов жизни, в том числе трансформация криминогенной ситуации.

В целях адаптации уголовного права к изменениям и развитию общества законодательный орган КНР оперативно вносил в УК КНР 1997 г. поправки. Первая внесенная поправка вступила в силу 29 декабря 1998 г., последняя – «Поправка уголовного закона № 10» (далее – «Поправка № 10») – 4 ноября 2017 г. За этот период законодательный орган КНР последовательно обнародовал один отдельный Уголовный закон, внес 10 поправок к Уголовному кодексу и 13 уголовных законодательных комментариев¹. Судя по срокам внесения изменений в УК КНР, законодательный орган Китая вносил поправки в Уголовный кодекс в среднем не менее одного раза в год, наиболее длительный интервал внесения изменений составил 1646 дней,

¹ Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей имеет право давать пояснения к законам, т.е. законодательные комментарии.

самый короткий интервал составил всего лишь 120 дней¹. Частота внесенных изменений в УК КНР находится на высоком уровне.

Уголовный кодекс КНР содержит 452 статьи, из которых 101 статья входит в состав его Общей части, Особенная часть включает в себя 350 статей, Дополнительные положения содержат одну статью. За период с 1997 по 2017 г. изменения, внесенные китайским законодательным органом в Уголовный кодекс Китая, заключаются в следующем: отдельный Уголовный закон исправил девять статей, «Поправка № 1» затронула девять статей, «Поправка № 2» касалась одной статьи, «Поправка № 3» изменила девять статей, «Поправка № 4» затронула девять статей, «Поправка № 5» касалась четырех статей, «Поправка № 6» изменила 21 статью, «Поправка № 7» затронула 15 статей, «Поправка № 8» касалась 50 статей, «Поправка № 9» изменила 52 статьи и «Поправка № 10», в свою очередь, касалась одной статьи. Иными словами, общее количество изменений, внесенных в УК КНР за последние 20 лет, составило 180. В целом доля исправленных статей составляет 39,82 %. Среди них в Общей части УК КНР внесены изменения в 23 статьи, удельный вес исправленных статей составил 22,77 %; в его Особенной части исправлены 145 статей (41,42 %). За два десятилетия существования УК КНР его содержание было изменено почти на 40 %. Многочисленные поправки УК КНР имеют следующие три особенности.

1. *Поправки Уголовного кодекса КНР в соответствии с современным развитием.* Согласно основным принципам марксизма уголовное право, являясь частью надстройки страны, в целях максимальной адаптации социальному развитию страны должно способствовать его совершенствованию, своевременно меняться в соответствии с общественным развитием. В противном случае оно может препятствовать социальному прогрессу. Развитие и совершенствование китайского уголовного законодательства происходило по следующим направлениям.

1.1. *Уголовное право в борьбе с финансовым кризисом.* В 1997 г. после принятия УК КНР произошел азиатский финансовый кризис.

¹ Чжао Бинжи. Обзор и перспективы китайского законодательства в области уголовного права за последние 20 лет // Правоведение Китая. 2017. № 5. С. 48.

В ответ на возможный ущерб, который мог нанести финансовый кризис, 29 декабря 1998 г. законодательный орган КНР принял «Постановление о наказании за приобретение обманным путем, утечку за границу и незаконную торговлю иностранной валютой». Принятие постановления сыграло важную роль в предотвращении массового оттока иностранной валюты и стабилизации финансовой безопасности¹. Внесенные в УК КНР поправки способствовали преодолению Китаем азиатского финансового кризиса и заложили прочную основу для развития политики реформ и открытости.

1.2. *Усиление мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом.* 11 сентября 2001 г. в США произошли беспрецедентные в мировой истории террористические акты. Терроризм был объявлен ведущей опасностью для мировой цивилизации. Для борьбы с ним 29 декабря 2001 г. законодательный орган КНР принял «Поправку № 3». Последующие «Поправка № 8» и «Поправка № 9» также внесли значительные изменения в меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Конкретные изменения заключаются в следующем. Во-первых, активизация усилий по борьбе с организаторами и лидерами террористических группировок. Согласно внесенным изменениям организация и руководство террористическими организациями наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет либо пожизненным лишением свободы. Во-вторых, преступлением признано финансирование организации террористической деятельности. В-третьих, внесение поправок в статьи о терроризме и криминализация ряда деяний, сопряженных с терроризмом, представляющих особую опасность для общества. В-четвертых, в целях предотвращения оказания материальной поддержки террористических организаций «Поправка № 3» расширила уголовно-правовой запрет отмывания денежных средств и в качестве предикативных преступлений по отношению к отмыванию денежных средств добавила преступления, связанные с террористической деятельностью. В-пятых, объявлены преступлением выброс ложных отравляющих веществ и умышленное распространение ложной информации о терроризме. В-шестых, терроризм отнесен к

¹ Ланг Шэн. Развитие уголовного права в Китае // Правоведение Китая. 2017. № 5. С. 36.

числу рецидивных преступлений. В-седьмых, введены ограничения для смягчения наказания и отказ от применения условного осуждения для лиц, осуществляющих террористическую деятельность. В-восьмых, объявлены преступлением подготовка оборудования, организация обучения террористической деятельности, контакты с террористическими организациями, находящимися за границей, а также проведение других подготовительных деяний. В-девятых, произошла криминализация пропаганды идей терроризма, экстремизма или подстрекательства к совершению террористических действий. В-десятых, введен уголовно-правовой запрет подстрекательства, принуждения к массовому подрыву национальной системы. В-одиннадцатых, было криминализовано принуждение других к ношению одежды и знаков, символизирующих терроризм и экстремизм. В-двенадцатых, отнесено к преступлению незаконное владение предметами, направленными на пропаганду терроризма и экстремизма.

1.3. *Борьба с коррупцией и ее предупреждение.* Коррупционные преступления серьезно угрожают стабильности государственного строя, препятствуют социальному прогрессу и подрывают доверие граждан к государственной власти. Внесение поправок, касающихся наказаний за коррупционные преступления в УК КНР, было в первую очередь обусловлено необходимостью предупреждения и пресечения проявлений коррупции. Во-первых, произошло совершенствование уголовного закона в области положений о преступлениях, связанных с взяточничеством негосударственных служащих; отнесение взяточничества сотрудников различных предприятий и фирм к получению взятки, совершенной негосударственными служащими; дача взятки негосударственному служащему стала расцениваться как коммерческий подкуп. Во-вторых, произошла криминализация подкупа иностранных должностных лиц и сотрудников зарубежных общественных организаций. В-третьих, также произошла криминализация деяния лица, получившего или давшего взятку, используя свое влияние. В-четвертых, было введено пожизненное лишение свободы за совершение коррупционных преступлений при особо отягчающих обстоятельствах. В-пятых, произошло усиление уголовной ответственности за совершение взяточничества без малейшего снисхождения.

1.4. *Укрепление уголовно-правовой охраны человеческой жизни.* В условиях социального и экономического развития меняются материальные потребности общества. В докладе 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая основным противоречием в китайском обществе указано несоответствие между «неравномерным и неадекватным развитием» и «постоянно растущими потребностями народа в хорошей жизни».

Основное содержание введенной в 2011 г. «Поправки № 8» состояло в следующем. Во-первых, были увеличены наказания за совершение преступлений в сфере оборота пищевой продукции и медикаментов, а также расширены границы применения соответствующих уголовно-правовых запретов. Во-вторых, произошло ужесточение уголовного закона в целях защиты социально уязвимых групп населения. Это нашло свое отражение в криминализации ряда преступлений, таких как организация продажи человеческих органов; применение труда несовершеннолетних на тяжелых работах; жестокое обращение опекуна; организация занятия попрошайничеством детей и стариков; организация участия несовершеннолетних в преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка; уклонение от выплаты заработной платы; содействие в организации проституции и т.д. В-третьих, происходило содействие уголовного закона в установлении справедливого порядка в государстве. В частности, были криминализованы организация злоупотреблений на государственном экзамене, незаконная продажа или предоставление другим лицам тем и ответов на вопросы, участие в экзаменах вместо других лиц. В-четвертых, произошло усиление защиты личной информации граждан, в частности было объявлено преступлением нарушение личной информации граждан.

1.5. *Изменение и совершенствование положений в области киберпреступности.* Интенсивное развитие технологий и скорость внедрения инноваций в повседневную жизнь сделали киберпреступность одним из наиболее быстро растущих видов преступлений в мире. В связи с этим законодательный орган КНР добавил и внес поправки в статьи о преступлениях, связанных с киберпреступностью. Во-первых,

произошли изменения, касающиеся соответствующих преступлений, связанных с незаконным проникновением в компьютерные системы. Во-вторых, были криминализованы использование информационной сети как орудия или средства совершения другого преступления, а также незаконное использование информационной сети и пособничество в ее использовании. В-третьих, усилена уголовная ответственность интернет-провайдеров за преступления в сфере сетевой безопасности. В-четвертых, определен круг субъектов уголовной ответственности за информационные преступления.

1.6. *Поправки уголовного права в соответствии с изменениями социальных ценностей.* Общественное развитие находит свое отражение как в материальном плане, так и с точки зрения системы человеческих ценностей. В связи с этим в УК КНР также внесены своевременные поправки. Во-первых, ущемления сексуальных прав мужчин стали подпадать под уголовно-правовую охрану. Согласно традиционной точке зрения, жертвой изнасилования выступает женщина. Однако сексуальные права мужчин также требуют защиты. Принятая в 2015 г. «Поправка № 9» отнесла нарушение сексуальных прав мужчин к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Во-вторых, в целях охраны авторитета страны и соответствующего порядка использования государственного гимна принята в 2017 г. «Поправка № 10», в соответствии с которой было криминализовано надругательство над государственным гимном. Перечисленные изменения уголовного законодательства отражают развитие нравственных ценностей китайского народа и, безусловно, заслуживают уважения.

2. *Стремление к конкретизации Уголовного кодекса КНР.* УК КНР 1979 г. устанавливал «принцип аналогии уголовного закона», придерживаясь законодательной идеи «не вдаваться в подробности» и содержал большое количество расплывчатых формулировок статей¹. УК КНР 1997 г. полностью отказался от «принципа аналогии уголовного закона» и установил «принцип законности». Это в значительной

¹ Гао Мин Сюань. Становление и совершенствование уголовного права Китайской Народной Республики. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2012. С. 171.

степени способствовало развитию УК КНР в направлении его конкретизации.

2.1. *Увеличение количества составов преступлений.* В целях адаптации к общественным изменениям существовала острая необходимость в криминализации современных социальных угроз. В результате этого было введено большое количество новых составов преступлений. В течение 20 лет добавлено 60 новых составов: с 1997 г. и по настоящее время их количество увеличено с 413 до 473. Это имеет тесную связь с увеличением общественной опасности. Например, криминализация опасной езды и управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Преступная ситуация с терроризмом и экстремизмом также привела к криминализации связанных с ними деяний. С социальным прогрессом возрастает и общественная опасность, в связи с этим дальнейшее развитие китайского уголовного законодательства сопровождается тенденцией криминализации.

2.2. *Детализация составов преступлений.* Детализация составов преступлений является одним из важных направлений совершенствования УК КНР. В частности, для дальнейшего развития уголовного законодательства необходима детализация имеющихся составов преступлений и их отдельных элементов. Например, ст. 302 УК КНР ранее устанавливала уголовную ответственность за хищение трупа или надругательство над ним. Однако на практике осуществлялись хищения и надругательства над останками и прахом, что согласно принципу «нет наказания без закона» не могло квалифицироваться как преступление. «Поправки № 9» расширила содержание соответствующей статьи, установив уголовную ответственность за хищение, надругательство, умышленное повреждение трупа, останков и праха. Такое уточнение составов преступлений проявляется в процессе корректировки УК КНР.

2.3. *Появление незначительных преступлений.* Незначительные преступления – это установленные УК КНР деяния, наивысшей мерой наказания за которые является кратковременное лишение свободы. В настоящее время существуют три таких состава: опасная езда, использование поддельного удостоверения личности и участие

в экзаменах вместо других лиц. Появление подобного рода составов преступлений связано с расширением их круга в действующем уголовном законодательстве Китая, что в свою очередь требует соответствующего введения смягчения наказания. Неизбежной тенденцией становятся смягчение и диверсификация уголовных наказаний¹. Это относится в первую очередь к незначительным преступлениям, количество которых, вероятно, в будущем увеличится.

3. *Гуманизация и смягчение наказания.* Вопросы смягчения наказаний рассматривал еще Ч. Беккария в своей книге «Преступление и наказание», опубликованной в 1764 г. Оценивая развитие китайского уголовного законодательства за последние 20 лет, можно отметить, что оно также развивается в направлении гуманизации и смягчения наказания.

3.1. *Трансформация института смертной казни.* Ранее в китайском обществе велись дискуссии о сохранении или упразднении смертной казни. В конечном итоге сокращение и ограничение применения смертной казни, а в дальнейшем полная ее отмена станет «дорожной картой» в реформах о смертной казни. Несомненно, процесс будет очень длительным. Однако уже сейчас наблюдаются определенные изменения в этом направлении. Во-первых, произошло сокращение числа преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь. Так, в первоначальной редакции УК КНР содержалось 68 составов преступлений, в санкциях которых предусматривалась смертная казнь. В соответствии с «Поправкой № 8» смертная казнь как вид уголовного наказания была исключена из санкций 13 составов преступлений экономического и ненасильственного характера, а согласно «Поправке № 9» – из санкций еще девяти составов. Таким образом, в настоящее время в УК КНР содержится 46 составов, предусматривающих смертную казнь в своих санкциях, а это означает, что Китай отменил 32,35 % от общего числа составов преступлений, изначально предусматривающих смертную казнь. Вместе с тем сохранение института смертной казни напрямую связано с личной безопасностью граждан и всего общества в целом,

¹ Лу Цзяньпин, Лю Чуангао. Тенденция криминализации в контексте верховенства права // Политика и право. 2017. № 4. С. 52.

в том числе с национальной безопасностью. Во-вторых, были введены более жесткие правила назначения смертной казни. В целях дальнейшего ограничения смертной казни для оставшихся преступных составов применяют более строгие условия для ее назначения. Например, смертная казнь не должна применяться к лицам моложе 18 лет и приводиться в исполнение в отношении беременных женщин и лиц, достигших 75-летнего возраста на момент рассмотрения дела, но за исключением преступлений, совершенных с особой жестокостью и повлекших смерть потерпевшего. Кроме того, введена отсрочка приведения приговора смертной казни в исполнение; установлено применение смертной казни при совершении умышленного преступления с отягчающими обстоятельствами (ранее смертная казнь могла быть применена за совершение любого умышленного преступления). В-третьих, применение наказаний в виде пожизненного заключения или смертной казни осталось только за совершение убийства или нанесения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего при его похищении (ранее за совершение похищения, приведшего к смерти похищенного или сопровождавшегося его убийством, применялась смертная казнь). В результате введения обозначенных изменений судья стал иметь больше полномочий для ограничения использования наказания в виде смертной казни.

3.2. Пожизненное заключение и продление срока лишения свободы. На фоне ограничения возможностей назначения смертной казни в целях борьбы с коррупцией Китай сохранил смертную казнь за растрату и взяточничество. Кроме того, на практике смертная казнь за коррупцию или взяточничество применяется достаточно редко и может быть заменена на пожизненное заключение в качестве максимальной меры наказания. Для соблюдения баланса при назначении наказаний и ограничения применения смертной казни «Поправка № 9» ввела наказание для коррупционеров в виде пожизненного лишения свободы, отсрочку исполнения приговора о смертной казни за коррупцию и взяточничество. В зависимости от обстоятельств совершения преступления народные суды при истечении отсрочки смертной казни на два года назначают наказание в виде пожизненного

заклучения (в этом случае недопустимо использование условно-досрочного освобождения и сокращения срока наказания).

Кроме того, пожизненное заключение стало рассматриваться в качестве наказания, альтернативного смертной казни. «Поправка № 8» установила, что в случае назначения наказания по совокупности преступлений, если совокупность сроков наказаний превышает 35 лет, итоговое наказание не может превышать 25 лет.

3.3. Исправление правонарушителей мерами общественного воздействия, уголовные предписания и запрет профессиональной деятельности. «Поправкой № 8» были внесены корректировки в условия осуществления надзора. В частности, создана система исправления правонарушителей мерами общественного воздействия и добавлена система уголовных предписаний. Система исправления правонарушителей мерами общественного воздействия – это система, применяющаяся к осужденным к надзору; к осужденным, к которым применены условное осуждение, постановление об условно-досрочном освобождении, временное исполнение за пределами тюрьмы; к лицам, лишенным политических прав. Целью этой системы является социальная изоляция преступника, невозможность использования ресурсов общества и образования для вовлечения в преступность. Система уголовных предписаний – это система, применяющаяся к осужденным к надзору, к осужденным, к которым применено условное осуждение, и состоит в запрете осужденным заниматься определенной деятельностью, посещать конкретные места, общаться с определенными лицами. «Поправка № 9» ввела наказание в виде лишения права занимать определенные должности для лиц, совершивших преступление с использованием служебного положения или нарушением определенных обязанностей, соблюдения которых требует нахождение на данной должности, запрет действует на срок от трех до пяти лет после отбытия наказания. Несмотря на существующие в уголовно-правовой доктрине споры о системе исправления правонарушителей мерами общественного воздействия, системе уголовных предписаний и запрете профессиональной деятельности¹,

¹ Лун Чанхай. Уголовные предписания и обратная сила уголовного закона // Журнал Циуши. 2015. № 2. С. 88–90.

проведение данных мероприятий представляет собой тенденцию развития китайского уголовного права и замену старой единой системы наказаний на систему двойных санкций, которая ставит равный акцент на назначении наказаний и мер безопасности¹.

Таким образом, в течение последних 20 лет в Китае произошли огромные изменения. В настоящее время экономика Китая занимает второе место в мире по объему годового ВВП. УК КНР соответствует современной действительности. Своевременно внося в него необходимые поправки, Китай в этом направлении добился определенного успеха. В будущем государство будет продолжать активно изменять УК КНР. Необходимы дальнейшее осуществление соответствующей криминализации и декриминализации; содействие в смягчении и гуманизации наказания, изучение уголовной стратификации и указанных в Уголовном кодексе мер безопасности; использование в полной мере закрепленных в Уголовном кодексе функций охраны и защиты, а также строительство честного и справедливого общества.

¹ Лю Женвен. Реформы системы трудовых лагерей, направленные на меры безопасности // Правоведение. 2013. № 2. С. 8.

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ
(КАЗАХСТАН, МОНГОЛИЯ)¹**

*Хармаев Ю.В., к.ю.н., доцент,
Заслуженный юрист
Республики Бурятия,
заведующий кафедрой уголовного
процесса и криминалистики
Бурятского государственного
университета*

В контексте современной уголовной политики государства институт уголовного наказания подвержен постоянным реформам и изменениям, что можно отчетливо видеть как на страницах юридической литературы, так и в реальной практической деятельности правоохранительных структур.

В силу интеграционных и глобализационных процессов реформы, происходящие в последнее время в Российской Федерации, зачастую влекут изменения в законодательстве приграничных государств, тем более для стран, имеющих схожую правовую систему².

Специалисты уголовного и уголовно-исполнительного права справедливо отмечают³, что как в прошлые годы, так и в настоящий

¹ Статья подготовлена в рамках гранта «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии» № 16-23-3006/16.

² В Казахстане с 1 января 2015 г. и в Монголии с 1 июля 2017 г. действуют новые уголовные кодексы.

³ Гантулга Н. К вопросам обновления правового регулирования лишения свободы как уголовного наказания в Монголии // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции / Под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара: Изд-во СЮИ ФСИН РФ, 2016. С. 150; Сматлаев Б.М. Современная уголовная политика и ее отражение в новом УК Республики Казахстан // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию

период происходит активное заимствование элементов законодательства России (СССР), и в частности Монголии и Казахстана. В упрощенном виде принято считать, что законодательство стран бывшего социалистического содружества слепо повторяет и копирует советскую модель социалистической законности. Однако XXI век убедительно показывает, что современное законодательство вышеперечисленных государств подверглось значительным изменениям.

О необходимости реформирования правоохранительной деятельности государств говорится в законодательстве многих стран, в частности Казахстана, Монголии и России. Думается, что произошедшие изменения в уголовном законодательстве южных соседей, в том числе и в системе уголовных наказаний, дадут пищу для размышления, определенный опыт для российского законодателя и правоприменителя.

В России же более 20 лет прошло со дня принятия одного из epochальных документов постсоветской истории в сфере противодействия преступности – Уголовного кодекса Российской Федерации. Вполне понятно, что за такой большой отрезок времени со стороны ученых, правоприменителей накопилось много претензий, нареканий к действующему кодексу, переходящих в более радикальные предложения, вплоть до принятия нового кодекса.

Ученые на страницах своих публикаций неоднократно отмечали об отсутствии единой, четко сформулированной, закреплённой в нормативно-правовом акте уголовно-правовой политики государства на современном этапе¹. «Есть лишь отдельные идеи, некие векторы

со дня принятия): материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во ООО «Посвещение-Юг», 2016. С. 424; Хармаев Ю.В. К вопросу о реформировании уголовных наказаний в виде ареста и принудительных работ // Уголовный кодекс Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития (к 20-летию принятия) / Отв. ред. С.А. Маркунцова. М.: Юриспруденция, 2016. С. 31.

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 84; Ревин В.П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014.

в развитии стратегии и тактики борьбы с преступностью, спонтанно возникающие директивы, которые исходят от властных структур и весьма противоречиво и непоследовательно реализуются в реальной действительности»¹. Особенно наглядно это видно на примере тех поправок, которые вносились и вносятся в Уголовный кодекс РФ. «За период с 1998 г. по 1 апреля 2012 г. включительно в УК введено 1014 поправок, часть которых знаменует собой рассогласование действующего Уголовного кодекса»².

Один из основных институтов уголовного права, а именно институт наказания, всегда привлекал пристальное внимание как со стороны власти, так и со стороны гражданского общества. Действительно, исполнение уголовного наказания логически завершает стадию уголовно-правового принуждения, применяемого к лицу, совершившему преступление. Именно по этому показателю можем судить об эффективности и результативности уголовной юстиции, благополучии и процветании государства, защищенности граждан от преступных посягательств.

Хотелось бы обратить свое внимание на систему действующих уголовных наказаний, определенных ст. 44 УК РФ, точнее, двух ее видов: арест и принудительные работы. Первый до сих пор не реализован на практике, второй вид наказания с 1 января 2017 г. в качестве эксперимента запущен в ряде субъектов Российской Федерации.

Арест как вид уголовного наказания для действующего Уголовного кодекса явился новшеством, которого не было в УК РСФСР 1960 г., и нес в себе определенные положительные ожидания. Несмотря на условия реальной изоляции лица от общества на срок от одного

№ 1. С. 37; Тарбагаев А.Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 75.

¹ Коробеев А.И. Лоскутное одеяло уголовного кодекса // Независимая газета. 2013. 5 февраля. С. 4.

² Назаренко Г.В. Уголовно-правовая политика: деструктивные тенденции и перспективы // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Конгресса уголовного права, МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 414.

до шести месяцев, арест предполагался за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Кроме того, законодатель ожидал, скорее всего, что, привлекаясь к этому виду наказания, лица не будут «соприкасаться» с ранее неоднократно судимыми и перенимать у них криминальный опыт. Сегодня арест как вид наказания может быть применен только в отношении военнослужащих, с отбыванием наказания на гауптвахте. Для остальных категорий граждан реализация этого вида наказания полностью зависит от экономической составляющей государства, точнее, от реальной возможности построения арестных домов в нашей пенитенциарной системе.

В свою очередь, в Концепции развития российской уголовно-исполнительной системы до 2020 г. много говорится о перепрофилировании ряда исправительных заведений и построения новых, но не наблюдается в ней создание арестных домов на ближайшую перспективу. В этой связи следует прислушаться к мнению ряда авторов¹ о возложении обязанности исполнения ареста как вида наказания на исправительные учреждения ФСИН России, либо исполнять арест в изолированном участке на территории уже имеющегося исправительного учреждения.

В 2011 г. в рамках реформирования уголовной политики государства и расширения применения альтернативных наказаний появилось новое уголовное наказание в виде принудительных работ, которое также не применяется и по сей день. Законодатель предполагал, что наказание в виде принудительных работ будет использоваться только в качестве основного и в иерархии альтернативных наказаний наиболее близко должно примыкать к лишению свободы, поскольку его исполнение связывалось с направлением осужденного в специальное учреждение – исправительный центр, на территории которого он должен был проживать хотя и без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора. Эти исправительные центры планировалось создать в пределах каждого

¹ Нечаев А.Д., Усалева В.В. Проблемы создания учреждений, исполняющих наказания в виде ареста // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3 (45). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 48.

субъекта Российской Федерации, и находящиеся там осужденные должны были работать по указанию администрации в организациях различной формы собственности. Предусматривалось, что лица, отбывающие наказание в виде принудительных работ, обязаны постоянно находиться в пределах исправительного центра, не покидать его без разрешения администрации. Многие практические работники обоснованно предположили, что этот вид наказания имеет много схожих признаков с наказанием советского периода в отношении условно-досрочно освобожденных, условно осужденных к отбыванию наказания в так называемых «специальных комендатурах». Однако и эти положения закона так и не были реализованы на практике.

Сегодня арест, наряду с принудительными работами, является проблемной мерой, вызывающей неоднозначную оценку в литературе. В.Ю. Стромов справедливо называет принудительные работы и арест «отложенными видами наказания» ввиду материально-технической и организационной необеспеченности, тем самым дискредитирующими уголовно-правовую политику государства¹.

За рубежом, в частности в Германии, Испании, Дании, Греции, арест как вид уголовного наказания имеет достаточно продолжительную историю применения, имеется в уголовных законах многих стран, причем порядок и основания его назначения, условия отбывания отличаются огромным разнообразием, касающимся практически всех сторон применения этого наказания². В основе своей пенитенциарная политика западных стран имеет целью замену больших федеральных тюрем малыми учреждениями, стараясь при этом преодолеть кризис карательно-исправительной политики последних лет, выразившийся в неверии в исправление преступников длительными сроками с содержанием их в исправительных заведениях.

¹ Стромов В.Ю. Эффективность отечественной системы наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 6 (134). С. 199.

² Ганаева Е.Э. Применение ареста в зарубежном уголовном законодательстве // Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 209.

Зарубежная практика на территории постсоветского пространства свидетельствует о том, что данный вид наказания назначается и применяется не во всех странах. Так, в Республиках Туркменистан и Молдова данный вид исключен из законодательства. На сегодняшний день арест назначается и исполняется на территории Республик Армении и Беларусь, а также Украины¹.

Принятый и вступивший в силу в новой редакции УК Казахстана имеет примечание, где говорится о переносе реализации наказания в виде ареста на 1 января 2017 г.² Неоднозначное отношение на страницах юридической печати вызвало со стороны ученых разных государств решение о разделении всех противоправных деяний на уголовные проступки и уголовные преступления³. Проведенный анализ мировой практики подтверждает эффективность института уголовных проступков, предусмотренного, например, уголовными кодексами Германии, Испании, Австрии, Голландии, Норвегии, Чехии, Албании, Литвы, Латвии, Турции.

Во вновь вступившем Уголовном кодексе значительно переработана система наказаний с акцентом на более широкое применение мер, альтернативных лишению свободы. Во исполнение положений Концепции проекта о реабилитационно-восстановительном правосудии, вводятся стимулы для добровольного возмещения ущерба потерпевшим. Это обязательность условно-досрочного освобождения

¹ Нечаев А.Д., Усалева В.В. Проблемы создания учреждений, исполняющих наказания в виде ареста // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3 (45). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 47.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 25.09.2017).

³ Сматаев Б.М. Современная уголовная политика и ее отражение в новом УК Республики Казахстан // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во ООО «Посвещение-ЮГ», 2016. С. 424; Миндагулов А.Х. Спорные положения нового Уголовного кодекса Республики Казахстан // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 273.

(далее – УДО), замены или сокращения срока назначенного судом наказания, а также запрет на назначение лишения свободы за совершение экономических преступлений (кроме рейдерских) при условии добровольного возмещения ущерба.

Рассматривая изменения в УК Республики Казахстан в свете предмета исследования, можно отметить более гуманный подход законодателя к уголовным наказаниям, например:

- расширение сферы применения штрафа и ограничения свободы;
- введение в санкции статей альтернатив лишению свободы;
- реформирование института рецидива;
- глубокая переработка положений об УДО;
- расширение оснований примирения сторон;
- введение новых видов освобождения от уголовной ответственности (поручительство и процессуальное соглашение);
- запрет на назначение лишения свободы по экономическим преступлениям при возмещении ущерба;
- минимизация безальтернативного лишения свободы (только по наиболее опасным преступлениям);
- декриминализация трех преступлений (в том числе двух – по экономическим преступлениям);
- перевод 104 преступлений небольшой тяжести в уголовные проступки¹.

В Монголии новый Уголовный кодекс был принят Великим Государственным Хуралом (Улсын Их Хурал) еще в 2016 г. и вступил в силу с 1 июля 2017 г.²

Современное монгольское законодательство претерпевает изменения, так же как внутренняя и внешняя политика государства. Если ранее оно полностью копировало российское законодательство, то сегодня заметны желания отдельных ученых и монгольских юридических школ выделить еще два вектора: западный (европейский) и азиатский (Япония, Корея). Уголовные наказания в Монголии все

¹ Today.kz [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://today.kz/news/kazakhstan/2015-01-04/601008-v-kazahstane-vstupil-v-dejstvie-novyj-ugolovnyj-kodeks> (дата обращения: 25.09.2017).

² Государственный бюллетень. Улан-Батор. 2017. № 7.

же построены по принципу уголовных наказаний УК Российской Федерации, но при этом имеется ряд особенностей.

В новом Уголовном кодексе Монголии арест как вид наказания исключен, зато лишение свободы на определенный срок начинается с семи дней до 20 лет, тем самым автоматически решен вопрос о ненужности первого наказания¹. Помимо ареста монгольские законодатели исключили из перечня уголовных наказаний конфискацию имущества и переместили, по примеру российских коллег, в отдельную главу как иные меры уголовно-правового характера.

Исключению смертной казни как вида уголовного наказания в УК Монголии предшествовал ряд социально-экономических, политических событий этого суверенного государства. Нововведение неоднозначно было воспринято населением Монголии, особенно представителями силовых структур. Ведь впервые в азиатском государстве на законодательном уровне смертная казнь как вид уголовного наказания исключена из Уголовного кодекса, тогда как в Российской Федерации ситуация по этой проблеме находится до сих пор в двойственном положении. И это несмотря на соседство таких государств, как Китай (исключение – административный район Гонконга и Макао), Япония, КНДР, Южная Корея и другие.

Следует заметить, что изучение и применение зарубежного опыта происходит не только в нашей стране и странах постсоветского пространства. Наш южный сосед, Монголия, не менее внимательно изучает многолетний российский опыт исполнения наказания в виде лишения свободы и других видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией лиц от общества².

¹ Гантулга Н. К вопросам обновления правового регулирования лишения свободы как уголовного наказания в Монголии // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции / Под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара: Изд-во СЮИ ФСИН РФ, 2016. С. 150.

² Гантулга Н., Хармаев Ю.В. Некоторые вопросы ресоциализации осужденных в Монголии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 378.

Что касается реформирования самого содержания перечисленных видов наказаний, оно представляется пока невозможным по причинам не только больших материальных затрат, но и отсутствия каких-либо научных обоснований целесообразности столь существенных изменений.

На основании вышеизложенного можно отметить следующее.

Разрешение указанной проблемы видится либо в высказанных выше предложениях по реформированию и совершенствованию ряда уголовных наказаний по примеру зарубежных государств, либо в исключении ареста и принудительных работ из системы уголовных наказаний с соответствующей корректировкой норм УК РФ и УИК РФ, предусматривающих назначение и исполнение данных видов уголовных наказаний.

Имеющийся опыт введения новых видов наказания в России, на наш взгляд, оказался не совсем удачным. Можно с большей долей вероятности констатировать о бесперспективности этого пути в ближайшее время с учетом, прежде всего, нынешнего экономического положения страны. Либо, учитывая опыт изменений в редакции нового Уголовного кодекса Монголии¹, наказание в виде ареста технично исключить из перечня ст. 44 УК РФ, снизив при этом минимальный срок лишения свободы с двух месяцев, например, до 10 дней.

Следует согласиться с мнением, что переосмысление представлений о путях реформирования национального законодательства невозможно без учета экономического состояния любого общества. Именно Россия уже в силу географического соседства объективно является самой заинтересованной стороной в деле удержания и Монголии, и Казахстана вне сферы монопольного китайского влияния².

¹ Гантулга Н. К вопросам обновления правового регулирования лишения свободы как уголовного наказания в Монголии // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции / Под общ. ред. А.А. Вогинова. Самара: Изд-во СЮИ ФСИН РФ, 2016. С. 150.

² Зоригт О., Хармаев Ю.В. Совершенствование пенитенциарной системы общества как необходимый элемент обеспечения безопасности государства (на примере России и Монголии) // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 342.

Определенный экономический подъем в России, отмеченный в первом десятилетии XXI в., придание ее внешней политике большей сбалансированности и прагматизма стали предпосылками активизации российско-монгольских, российско-казахстанских отношений.

В силу близости правовых систем этих стран можем наблюдать за этапами реформирования национального законодательства, поиска наиболее эффективных средств противодействия преступности, а также анализировать и оценивать как положительные стороны, так и отрицательные аспекты нововведений в нормотворчестве соседних государств. Полагаем, что такой итог будет взаимовыгоден соседствующим странам, например России, Монголии и Казахстану.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

*Минстер М.В., к.ю.н, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Юридического института (филиала)
Национального исследовательского
Томского государственного
университета*

Криминогенная обстановка в России, характеризующаяся ростом количества преступлений и сохранением высокого уровня преступности, многочисленные факты невероятных по своей жестокости и изощренности убийств и террористических актов, унесших жизни сотней людей, заставляют задуматься об адекватных мерах противодействия такого рода общественно опасным деяниям. Реализация профилактических мероприятий и улучшение социально-экономической обстановки имеют огромное значение в борьбе с преступностью, однако нельзя недооценивать и роли уголовных наказаний.

Современная уголовная политика в значительной мере направлена на гуманизацию всей уголовной юстиции, дифференциацию мер уголовной ответственности и наказания. В свою очередь, в общественном сознании фиксируется взаимосвязь двух наиболее суровых видов наказания — пожизненного лишения свободы и смертной казни. В законодательном смысле это два самостоятельных вида наказания, которые всегда взаимно предполагали друг друга, однако в истории мировой практики можно проследить их определенное взаимодействие и взаимозаменяемость.

Введение пожизненного лишения свободы как самостоятельного вида наказания не является бесспорным. Научные исследования уголовного и уголовно-исполнительного права подтверждают отсутствие единой точки зрения специалистов по этой проблеме. Некоторые авторы склоняются к мнению о нецелесообразности выделения

пожизненного лишения свободы в самостоятельный вид наказания, ибо оно является разновидностью лишения свободы¹.

В советский период пожизненное лишение свободы как уголовное наказание специалистами в области уголовного права признавалось наказанием, не соответствующим гуманным целям общества, эффективным целям защиты и обеспечения безопасности общественных отношений. После распада СССР и принятия Конституции РФ 1993 г. принято связывать начало современного этапа развития уголовного законодательства, в которое был внесен ряд существенных изменений. Так, законом от 17 декабря 1992 г. «О внесении изменения в ст. 24 УК РСФСР 1960 г.» пожизненное лишение свободы вновь было введено в систему наказаний российского уголовного законодательства, а затем было предусмотрено п. «м» ст. 44 УК РФ 1996 г.

Пожизненное лишение свободы представляет собой сложный правовой феномен, который характеризуется отсутствием единства в толковании сущности и формы. Анализ развития российского уголовного законодательства в историческом аспекте показал, что на протяжении всего периода тенденции были направлены в сторону отмены смертной казни. Одной из причин этого шага послужила сложившаяся политическая ситуация. Так, Российская Федерация, вступая в Совет Европы, должна была выполнить определенные условия, одним из которых стало введение моратория на смертную казнь. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни и приняла на себя обязательство отменить этот вид уголовного наказания. Тогда в РФ был введен мораторий на смертную казнь, а его альтернативой стало пожизненное заключение. Однако, несмотря на подписание, договор так и не был ратифицирован. В период введения моратория ни правовых, ни научных, ни экономических предпосылок для этой процедуры не существовало, в связи с этими обстоятельствами возникло множество проблемных вопросов.

Конституционным Судом РФ было принято Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П, согласно которому до тех пор, пока не будет

¹ Пономарев П., Максимов С. Проблемы уголовно-правового регулирования пожизненного лишения свободы // Законность. 1993. № 4. С. 7–8.

принят закон, который бы обеспечивал обвиняемому в преступлении, за совершение которого установлена исключительная мера наказания, право на рассмотрение его дела судом присяжных, применение наказания в виде смертной казни запрещено. Таким образом, вопрос о применении этого вида наказания возникает вновь в связи с введением с 1 января 2010 г. суда присяжных в РФ.

Однако в новом определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р позиция Конституционного Суда РФ, несмотря на введение суда с участием присяжных заседателей, остается непреклонной. С учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Россией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни. Смертная казнь по-прежнему закреплена в системе уголовного законодательства одним из видов уголовного наказания (п. 2 ст. 20 Конституции РФ, п. «н» ст. 44, ч. 1 ст. 45, ст. 59 УК РФ).

Правоприменительная практика, которая сложилась в процессе процедуры замены смертной казни пожизненным лишением свободы, в итоге привела к потере смысла реализации самой смертной казни как института уголовного наказания в России. При этом комиссии по помилованию стали реально подменять собой судебную систему, подвергать корректировке судебную практику, тем самым подрывая авторитет судебной власти и эффективность исполнения уголовного наказания. Вследствие этого создавались предпосылки для дальнейшего сокращения применения смертной казни и актуализации необходимости совершенствования уголовно-правовых норм по развитию и применению пожизненного лишения свободы¹.

По мнению А.Ф. Кистяковского, ни смертная казнь, ни другие виды наказания не имеют в себе устрашающей силы и неспособны сдерживать от преступлений других людей; наказание же само по себе нужно для того, чтобы не дать преступнику возможности совершать преступления и вредить обществу². Одним из исследователей этого вопроса в

¹ Ищенко О.Е. Пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания в России и практика его применения // Российский следователь. 2013. № 18. С. 14.

² Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. 3-е изд. Тула: Автограф, 2000. С. 56.

зарубежной литературе был сторонник «теории устрашения» И. Эрлих, который опубликовал результаты исследований, где сделал вывод о том, что одна казнь убийцы спасает восемь других жизней. Сторонники же противоположной концепции — «теории ожесточения», — Г. Пирс и У. Боверс, основываясь на результатах своих изысканий, сделали вывод, что каждая смертная казнь ожесточает общество, вызывая в среднем два — три новых убийства¹. И те, и другие исследования содержали в себе существенные ошибки и позднее были признаны немотивированными.

В США длительный период времени проводились активные дебаты и жаркие споры между учеными-криминологами и политиками об уголовно-превентивной эффективности смертной казни. На фоне пристального внимания общественности к данному вопросу, а также благодаря национальной и международной критике число казней уменьшилось (для сравнения: в 1999 г. было казнено 98 человек). Как подчеркивается в докладе Информационного центра по вопросам смертной казни, «число вынесенных смертных приговоров в 2012 г. является самым низким с 1976 г.».

Обобщив результаты опроса ведущих криминологов относительно вопроса о предполагаемой большей эффективности смертной казни по сравнению с другими жесткими санкциями, Раделет и Лакок пришли к выводу, что «полученные результаты эмпирических исследований, проведенных ведущими криминологами, безоговорочно поддерживают вывод о том, что смертная казнь не имеет дополнительного сдерживающего эффекта для тех, кто уже приговорен к долговременному тюремному заключению». Некоторые авторы указывают на совершенно обратное явление, так называемый «эффект озверения», суть которого заключается в том, что после совершения казни количество тяжких преступлений возрастает².

Для того чтобы составить полное представление о современном подходе к данным видам наказания, необходимо коснуться также

¹ Тирранен В.А. Высшие меры наказания в России и мире // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 87.

² Кури Х., Ильченко О.Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 244.

гендерного аспекта применения смертной казни и пожизненного лишения свободы. В частности, в России эти виды наказания не назначаются женщинам. Такие наказания вообще используются только в исключительных случаях, когда суду очевидна невозможность исправления осужденного. В отношении женщин сделано исключение, что не всегда можно признать оправданным. Некоторые страны постсоветского пространства также имеют в уголовном законодательстве запрет на назначение этих наказаний женщинам. Тем не менее большинство стран ограничиваются запретом на назначение только смертной казни и только для беременных. Это намного лучше отвечает целям и принципам уголовного правосудия: мы наказываем лицо за совершение преступления, невзирая на его материальное и социальное положение. Остается неясным, почему законодатель считает степень общественной опасности преступления, совершенного женщиной, не столь значимой по сравнению с тем же деянием, совершенным мужчиной¹.

Зарубежный опыт применения пожизненного лишения свободы показал, что в одних государствах пожизненное лишение свободы используется как альтернатива смертной казни и может применяться к обвиняемому за преступление, за совершение которого ранее устанавливалась исключительная мера наказания. В других странах, где смертная казнь существует, пожизненное лишение свободы может назначаться либо по решению суда в качестве самостоятельного вида наказания, либо в порядке помилования осужденного к смертной казни высшим должностным лицом государства или штата. В Бразилии, Норвегии, Португалии, Испании, Словении и некоторых других государствах пожизненное лишение свободы не применяется вовсе². В Великобритании существуют два вида пожизненного лишения свободы: мандатное (обязательное), которое назначается за совершение умышленного убийства и терроризм, и дискреционное, назначаемое по усмотрению суда за неумышленное убийство либо убийство, спро-

¹ Тирранен В.А. Высшие меры наказания в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2011. С. 133.

² Кунаш К.А., Алфимова О.А. Зарубежный опыт исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы (на примере США и Великобритании). Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 6.

воцированное со стороны убитого, грабеж, поджог, изнасилование, похищение человека. Также наказание в виде пожизненного лишения свободы обязательно назначается судом за повторное совершение насильственных преступлений.

В отличие от большинства европейских стран, США не определяет возраст, с которого возможно назначение пожизненного лишения свободы, поэтому этот вид наказания может применяться даже к несовершеннолетним. Также пожизненное лишение свободы в США может назначаться женщинам, независимо от их возраста. В связи с этим нельзя не отметить, что российское законодательство в этой части представляется более гуманным.

Важно отметить, что пенитенциарная система зарубежных стран свидетельствует о наличии прогрессивного порядка отбывания наказания, предусматривающего возможность освобождения пожизненно осужденных после отбытия ими установленного судом или законом обязательного срока, а также при условии соблюдения специальных условий. Кроме того, уголовно-исполнительная система многих стран предусматривает ресоциализацию этой категории заключенных перед освобождением путем направления в специализированное учреждение, представляющее собой нечто среднее между тюрьмой и нормальной жизнью в социуме¹. В России процесс ресоциализации для данной категории осужденных остается открытым и нуждается в совершенствовании законодательства и практики его применения.

Таким образом, между обществом, законодателями и представителями правосудия в России и за рубежом до настоящего времени не достигнуто полного и единообразного понимания того, на чем основано применение пожизненного лишения свободы, какова сущность данного вида наказания и его особенная роль в системе мер уголовно-правового воздействия. Высшая мера наказания – смертная казнь – сейчас не применяется, пожизненное лишение свободы больше не рассматривается как альтернатива смертной казни, а является самостоятельным видом уголовного наказания.

¹ Кобец П.Н., Краснова К.А. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 5. С. 40.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ЕГО РОЛЬ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО В РОССИИ

*Середа И.М., д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии
Иркутского института (филиала)
«Всероссийского государственного
университета юстиции»
Середа А.Г., магистрант
юридического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова*

Современный мир наполнен усиленными интеграционными процессами во многих сферах государственной и общественной жизни, в том числе в правовой сфере. Активно происходит развитие отраслей международного права, наибольшее значение для национальных законодательств приобретают общеправовые принципы, а также наблюдается сближение различных правовых систем. В последнее время возрастает интерес к изучению и взаимному использованию законодательной деятельности среди стран с различной политической ориентацией, активизируется обмен правовой информацией и научными идеями. По своей сути изолированное правовое развитие на сегодняшний день малопродуктивно. В связи с чем появляется необходимость в обобщении и дальнейшем приумножении знаний о сравнительном правоведении, включая исследования в области борьбы с преступностью¹.

Уголовное право любого государства имеет специфику. Она проявляется в содержании основных уголовно-правовых институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленном историческими, национальными и культурными традициями,

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. А.С. Михлина. М., 2005. С. 390.

особенностями политического устройства общества, его экономикой и многими другими факторами¹. Вместе с тем уголовное право конкретных стран по ряду критериев и характеристик имеет тенденцию сближения друг с другом, общие историко-правовые корни, в связи с чем в теории права принято говорить о системах права². С известной долей условности в настоящее время выделяют следующие основные системы права (как проявление правовых систем в целом): романо-германскую, англосаксонскую, социалистическую, мусульманскую, смешанную³.

В данной статье планируется произвести анализ уголовного законодательства ряда государств романо-германской, англосаксонской, смешанной систем права с традиционной ориентацией на рыночную экономику. Особое внимание будет приковано к правовой конструкции норм, которые обеспечивают противодействие криминальному банкротству, в частности преднамеренному банкротству. В этой связи обратимся к законодательному опыту Франции, ФРГ, Испании, США, Великобритании, Швеции⁴.

Положения о несостоятельности (банкротстве) в уголовном праве многих европейских стран при всем разнообразии подходов и юридической техники описывают в существенных признаках сходные деяния, а также указывают на наличие единых тенденций развития. В их основе лежит традиционное понимание банкротства.

В традиционном понимании несостоятельность (банкротство) представляет собой наказуемое неисполнение должником своих

¹ Серeda И.М. Налоговые преступления: совершенствование законодательной регламентации и назначения наказания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 54.

² Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 65–91.

³ Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 477.

⁴ Карпович О.Г. Анализ актуальных проблем противодействия незаконной предпринимательской деятельности в уголовном законодательстве некоторых европейских государств. Сравнительный анализ // Внешнеторговое право. 2006. № 2. С. 23–26.

денежных обязательств по отношению к кредиторам. Должник при банкротстве причиняет ущерб кредиторам посредством уменьшения либо сокрытия имущества, находящегося в собственности. В теории и на практике выделяют банкротство злостное (мошенническое, обманное) и простое (неосторожное). Невиновная (несчастная) несостоятельность уголовной ответственности за собой не влечет. Предпосылкой ответственности за банкротство является судебное признание несостоятельности.

При факте злостного банкротства несостоятельность в той или иной мере искажается должником, таким образом принимаются меры, способствующие сокрытию своего действительного имущественного положения¹.

Под понятием неосторожного банкротства понимаются бесхозяйственные или рискованные действия (например, спекуляции на курсе ценных бумаг), совершенные должником в преддверии возможной несостоятельности и повлекшие или увеличившие ее².

При проведении анализа основных тенденций современного развития уголовно-правовых норм о банкротстве можно назвать следующие: стирание грани между злостным и неосторожным банкротством; определение составов банкротства в качестве формальных составов; уменьшение роли гражданского (торгового) судопроизводства в уголовном преследовании банкротства³.

Уголовную ответственность за организацию преднамеренного банкротства предусматривают правовые нормы большинства государств⁴. В их число входят страны как ближнего, так и дальнего зарубежья, такие как США, Великобритания, Франция, Германия. Еще начиная

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: ЮрИнфоР, 1998. С. 160; Тимербулатов А.М. Неправомерные действия при банкротстве // Законность. 2001. № 6. С. 12–14.

² Подзоров С.А. Банкротство. М.: Экзамен, 2001. С. 59.

³ Клепицкий И.А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1997. № 11. С. 54–55.

⁴ Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 231–232.

с 70-х гг. прошлого века на всей территории Западной Европы законодательство о банкротстве существенно изменилось, вследствие чего во многом установив специфику современного видения проблемы уголовной ответственности в этой сфере. Помимо этого в 1990 г. государства – участники Совета Европы приняли Конвенцию «О некоторых международных аспектах банкротства». Также хотелось бы обратить внимание, что одним из значимых международных нормативных документов является типовая закон ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности»¹.

В странах романо-германской правовой системы опыт борьбы с преднамеренным банкротством характеризуется следующим.

Франция. В Уголовном кодексе Франции как преднамеренное так и фиктивное банкротство объединены под наименованием «фиктивная неплатежеспособность»². В соответствии со ст. 314.7 УК Франции «...действия должника, даже до вынесения судебного постановления, констатирующего его задолженность, по организации или увеличению своей неплатежеспособности, либо путем увеличения своих обязательств или уменьшения своих активов, либо путем уменьшения или сокрытия всех или части своих доходов, либо путем сокрытия некоторого своего имущества, с тем чтобы уклониться от исполнения наказания имущественного характера, объявленного судебным учреждением по уголовным делам, или по делам о деликтах, квазиделиктах и алиментах, объявленных судом по гражданским делам, наказываются тремя годами тюремного заключения и штрафом 300 000 франков»³. Необходимо отметить, что наказание, по сравнению с Уголовным кодексом РФ, намного мягче⁴, однако если обратиться к нормам УК РФ, предусматривающим ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство, то станет ясно, что те

¹ Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6. С. 56–59.

² Новый Уголовный кодекс Франции. М.: Юрид. колледж МГУ, 1993. С. 126–127.

³ Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 91–93.

⁴ Севрюков А.П. Похищение имущества: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Экзамен, 2004. С. 124–126.

деяния, которые отнесены в Российской Федерации к преднамеренному банкротству, во Франции именуется фиктивным банкротством. На самом же деле никакого отношения к организации фиктивной неплатежеспособности они не имеют¹.

В сравнении со ст. 196, 197 УК России можно отметить следующее.

Во-первых, составы преднамеренного и фиктивного банкротства в уголовном законе Франции объединены и признаются, таким образом, равными по тяжести.

Во-вторых, данные составы формальны, а не материальны, как это предусмотрено в уголовном законодательстве России.

В-третьих, уголовная ответственность за рассматриваемые деяния во Франции мягче, чем в России, и важно, что преимущество отдано штрафной составляющей наказания².

Германия (ФРГ). В Уголовном кодексе ФРГ не содержатся составы преднамеренного и фиктивного банкротства, но признаки близких к ним деяний можно обнаружить в § 283, устанавливающим ответственность за злоупотребления, связанные с банкротством³: «Тот, кто при имущественной несостоятельности или угрозе неплатежеспособности или ее наступлении:

1) устанавливает или скрывает составные части своего имущества, которые в случае открытия производства по признанию банкротом принадлежали бы к имущественной массе, связанной с объявлением банкротом, или разрушает их, повреждает или делает непригодными способом, который противоречит требованиям надлежащей хозяйственной практики;

2) вступает в убыточные или спекулятивные сделки с товарами или ценными бумагами и способом, противоречащим требованиям надлежащей хозяйственной практики, или вследствие нерентабельности

¹ Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6. С. 56–59.

² Карпович О.Г. Анализ актуальных проблем противодействия незаконной предпринимательской деятельности в уголовном законодательстве некоторых европейских государств. Сравнительный анализ // Внешнеторговое право. 2006. № 2. С. 23–26.

³ Уголовный кодекс ФРГ. М.: Зерцало, 2000. С. 159–160.

расходов, игры или пари тратит чрезмерные суммы или становится должником;

3) предоставляет кредит, товары или ценные бумаги и отчуждает или иным образом уступает их либо производимую из этих товаров продукцию, значительно завышая их цену способом, противоречащим требованиям надлежащей хозяйственной практики;

4) вводит в заблуждение относительно прав других лиц или признает фиктивные права;

5) не ведет торговые книги, хотя это является его законной обязанностью, или изменяет их таким образом, чтобы затруднить представление о своем имущественном положении;

6) умалчивает, скрывает, разрушает или повреждает торговые книги или иную документацию, хранение которой является обязанностью предпринимателя, если эта обязанность установлена торговым правом, до истечения срока хранения, установленного для лица, обязанного вести торговую книгу, и таким образом затрудняет представление о своем имущественном положении;

7) нарушая торговое право, составляет баланс таким образом, что затрудняет получение представления о своем имущественном положении, не составляет баланс своего имущества или не производит инвентаризацию в предписанные сроки;

8) ухудшает иным грубо противоречащим требованиям надлежащей хозяйственной практики способом свое имущественное положение или скрывает либо маскирует свои действительные хозяйственные отношения;

9) добивается своей имущественной несостоятельности или неплатежеспособности,

– наказывается лишением свободы на срок до пяти лет и денежным штрафом».

При сравнении регламентации уголовной ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство по российскому уголовному закону с ответственностью по УК ФРГ следует указать на следующие особенности:

Во-первых, в УК ФРГ отсутствует четкое выделение понятий преднамеренного и фиктивного банкротства.

Во-вторых, в уголовном законе ФРГ субъектом преступления может быть любое физическое лицо либо представитель юридического лица.

В-третьих, уголовная ответственность по УК ФРГ мягче ответственности, установленной уголовным законом России.

Испания. Из Уголовного кодекса Испании, в отличие от России, исключены такие понятия, как «преднамеренное» и «фиктивное» банкротство. Однако имеются близкие по содержанию уголовно-правовые нормы.

Согласно ст. 260 УК Испании тот, кто объявляет себя банкротом, несостоятельным или приостановит платежи, если положение экономического кризиса или неплатежеспособность были умышленно вызваны или усугублены должником либо лицом, действующим от его имени, наказывается тюремным заключением на срок от двух до шести лет и штрафом на сумму от восьми до двадцати четырех заработных плат. В данном случае речь идет по существу о преднамеренном банкротстве. Вместе с тем, в отличие от ст. 196 УК РФ, состав преднамеренного банкротства здесь является не материальным, а формальным, поскольку достаточно самих действий должника, чтобы преступление было окончено. Наступление общественно опасных последствий в состав ст. 260 УК Испании не включено. Ответственность в Испании за рассматриваемое преступление более сурова, чем в России. Предусмотрено только тюремное заключение на срок от двух до шести лет, соединенное со штрафом. Наказание в виде штрафа, входящее в состав санкций ст. 196 УК РФ, в санкции ст. 262 УК Испании отсутствует.

Близким к фиктивному банкротству следует считать состав, включенный в ст. 257 УК Испании: тот, кто объявит себя банкротом в отношении своего имущества во вред своим кредиторам, наказывается тюремным заключением на срок от одного года до четырех лет и штрафом на сумму от двенадцати до двадцати четырех месячных заработных плат. Хорошо просматривается тот факт, что испанский законодатель считает фиктивное банкротство менее опасным преступлением, чем банкротство преднамеренное, так как наказывает последнее мягче первого.

В России указанные преступления являются равнозначными по тяжести¹.

Переходя к опыту борьбы с преднамеренным банкротством в англосаксонской правовой системе, отметим следующие обстоятельства:

Великобритания. Современные английские нормы о преступлениях, связанных с банкротством и несостоятельностью, содержатся преимущественно в Законе о несостоятельности (Insolvency Act 1986), куда они без существенных изменений были перенесены из «Закона о банкротстве» 1914 г. и из законодательства о компаниях. Закон 1986 г. предусматривает ответственность, как правило, за умышленные действия несостоятельного должника до и после начала производства по делу о несостоятельности и за сходные действия директоров и служащих компаний в связи с ликвидацией компаний. Уголовное наказание предусмотрено за широкий круг деяний. Sec. 206 (1) устанавливает наказание (до семи лет лишения свободы) лица, выполнявшего управленческие функции в компании в течение 12 месяцев, предваряющих решение о ликвидации, в случае, если оно: (а) скроет любую часть имущества компании или долг, право на который или обязанность уплатить который имеет компания, или (b) мошеннически переместит любую часть имущества компании, или (с) скроет, повредит, изменит или фальсифицирует любую книгу или документ относительно дел или имущества компании, или (d) внесет ложную запись в любую книгу или документ относительно дел или имущества компании, или (е) мошеннически изымет часть, изменит или сделает упущение в любом документе относительно дел или имущества компании, или (f) заложит или разместит (определенным образом) любое имущество компании, приобретенное в кредит и неоплаченное. Sec. 206 (2) предусматривает то же наказание за те же действия, не совершенные соответствующим управленцем, но допущенные им, а равно совершенные после принятия решения о ликвидации. По существу, деяния, запрещенные sec. 206 (1) и 206 (2), в континентальной Европе могут рассматриваться в качестве типичного злостного банкротства. При совершении

¹ Севрюков А.П. Похищение имущества: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Экзамен, 2004. С. 124–126.

действий, предусмотренных п. (а) и (f), лицо не подлежит ответственности, если докажет, что не имело намерения причинить ущерб, а при совершении действий, предусмотренных в п. (с) и (d), — если докажет, что не намеривалось скрыть состояние дел компании или совершить правонарушение. Sec. 206 (5) устанавливает ответственность третьего лица за участие в деяниях, предусмотренных sec. 206.

США. В США нормы об ответственности за преступления, связанные с банкротством, формулируются как в федеральном законодательстве, так и в законах штатов. На уровне федерации данные нормы систематизированы в гл. 9 «Bankruptcy» т. 18 Свода законов США. Этой главой определяются признаки шести преступлений: 1) сокрытие активов, лжеприсяга и ложные требования, подкуп (sec. 152); 2) присвоение имущества (sec. 153); 3) извлечение неправомерных выгод из служебного положения (sec. 154); 4) неправомерные соглашения об оплате (sec. 155); 5) осознанное несоблюдение законов и правил о банкротстве (sec. 156); 6) банкротское мошенничество (sec. 157).

Sec. 152 устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет и (или) штрафа за деяния, в традиционном понимании сходные со злостным банкротством и содействием злостному банкроту (осознанные и мошеннические сокрытие имущества от суда и кредиторов, ложные присяги, ложные счета, заявления и требования в производстве по делу о банкротстве, уничтожение, сокрытие и подлог документов, принятие имущества от банкрота и т.п.), а также за подкуп (активный и пассивный) участников производства по делу о банкротстве.

Характеризуя специфику преступлений, связанных с банкротством, предусмотренных в федеральном законодательстве США, можно отметить, что круг наказуемых деяний исчерпывается злостным банкротством в традиционном его понимании, незаконными сделками участников производства по делу о банкротстве, а также различными злоупотреблениями уполномоченных в процедуре банкротства. «Неосторожное» и бесхозяйственное банкротство ответственности не влечет. Сходная уголовная политика характерна и для штатов США¹.

¹ Клепицкий И.А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1994. № 3. С. 58–63.

Опыт борьбы с преднамеренным банкротством в странах смешанной правовой системы можно охарактеризовать следующим образом.

Швеция. Как и в других странах Европы с традиционной рыночной экономикой, в Швеции целый ряд уголовно-правовых норм посвящен деяниям, связанным с банкротством.

Согласно ст. 1 главы 11 УК Швеции лицо, которое, будучи банкротом или в очевидной опасности стать им, разрушает, или дарит, или иным способом распоряжается имуществом значительной стоимости, приговаривается к тюремному заключению на срок не свыше двух лет.

Также наказание применяется к любому лицу, которое путем подобных действий приводит себя в состояние банкротства или создает очевидную опасность собственного банкротства.

В соответствии со ст. 3 главы 11 УК Швеции любое лицо, которое, будучи банкротом или в очевидной опасности стать им, продолжает работу предприятия, расходуя значительные средства без соответствующей выгоды для предприятия, или которое живет расточительно, или принимает участие в рискованном предприятии, или опрометчиво принимает обременительные обязательства, или которое начинает осуществлять подобную деятельность и тем самым умышленно или путем грубой неосторожности значительно ухудшает свое экономическое положение, приговаривается к тюремному заключению на срок не более двух лет.

Целый ряд положений, включенных в ст. 1–4 главы 11 УК Швеции, в значительной своей части пересекаются с содержанием ст. 195 (Неправомерные действия при банкротстве), ст. 196 (Преднамеренное банкротство) и ст. 197 (Фиктивное банкротство) УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, анализ зарубежного законодательства позволяет сделать следующие выводы.

Сформулированная в ст. 196 УК РФ норма о преступлении, связанном с банкротством, не заимствована из законодательств других государств и представляет собой не более чем плод теоретической мысли¹.

¹ Клепицкий И.А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1994. № 3. С. 58–63.

Уголовное законодательство большинства зарубежных государств содержит составы преступлений, связанных с банкротством. В законодательстве отдельных государств (КНР, Республика Корея, Австралия и др.) уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством, не предусматривается вовсе.

В числе наиболее часто встречающихся способов совершения преступлений, связанных с банкротством, по зарубежному законодательству выделяются: сокрытие или уменьшение активов должника в период неплатежеспособности, обманное увеличение пассива в результате чрезмерных трат, заведомо убыточных сделок, сокрытия, уничтожения, фальсификации и неведения бухгалтерских документов.

Следует подчеркнуть, что в уголовном законодательстве зарубежных стран нет указания на последствия как элемент состава криминального банкротства. В отличие от законодательства стран, имеющих богатый опыт борьбы с такими преступлениями, в России состав преднамеренного банкротства сконструирован как материальный: преступление совершено, если причинен крупный ущерб.

Современное зарубежное законодательство в основной своей массе, признавая субъектом преступлений, связанных с несостоятельностью, должников, специально не оговаривает их род деятельности и звание. Помимо должников, по законодательству ряда стран, к субъектам уголовной ответственности также отнесены: лица, действующие от имени должника; официальный или фактический руководитель юридического лица; должностные лица, управляющие, лица, принимающие участие в управлении; доверенные лица, в том числе доверительный собственник, опекун, душеприказчик, администратор наследства, управляющий конкурсной массой или любое лицо, осуществляющее доверительные функции от имени корпорации или иной организации, а также и третьи лица.

В уголовном законодательстве рассмотренных выше государств, в отличие от российского, имеется четкое разграничение в подходах к понятиям «несостоятельность» и «банкротство». По мнению А.Н. Лемягова, ученые этих стран считают, что «несостоятельность» исключает какие-либо умышленные действия со стороны должника,

а «банкротство», напротив, предполагает уголовно-правовую специфику дела¹.

В заключение следует отметить, что в целом уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность за преднамеренное банкротство, отличается большей разработанностью и развивается по пути наибольшего соответствия складывающимся общественным отношениям в сфере банкротства.

Представляется, что законодательный опыт зарубежных стран в сфере регламентации ответственности за преднамеренное банкротство, несомненно, представляет большой интерес для России.

¹ Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6. С. 56–59.

**СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД
В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

*Ковальчук А.В., к.ю.н, доцент
кафедры уголовного права
и криминологии Академии
Министерства внутренних дел
Республики Беларусь*

Перед законодателем и научным сообществом всегда стоит вопрос точного фиксирования грани, очерчивающей преступное поведение от непроступного. Он имеет важное юридическое и социальное значение. Верно по этому поводу было отмечено Е.А. Лукашевой: «Неясность, размытость границ между преступным и непроступным поведением не только снижает стабильность правоприменительной деятельности, но и отрицательно влияет на общественное правосознание, влечет адаптацию морали к нарушениям законности, разрушает чувство социальной справедливости, снижает престиж права и законности в сознании масс»¹.

Действительно, граница между преступным и непроступным поведением должна устанавливаться законом, а не передаваться на усмотрение правоприменителя. Однако законодательная техника формулирования уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что установить четкую грань между преступным и непроступным поведением во всех случаях весьма затруднительно. Это объясняется достаточно широким кругом фактических обстоятельств действительности, который законодатель не в состоянии очертить применительно ко всем случаям действия уголовно-правовой нормы, а также, как верно отмечено А.И. Рарогом, невозможностью создания универсального правового рецепта, пригодного для разрешения всех

¹ Лукашева Е.А. Социально-этические проблемы социалистической законности // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 18–19.

частных случаев правовой ситуации определенного типа, то есть жесткого формулирования всех структурных элементов нормы¹.

Поэтому нормотворец прибегает к оценочным признакам², которые приобретают значение лишь тогда, когда толкуются правоприменителем.

Проблеме оценочных признаков в уголовном праве всегда уделялось большое внимание. Отдельные вопросы, связанные с критикой законодателя относительно использования оценочных признаков, а также предложения рекомендаций по их конкретизации, встречаются уже в научных работах знаменитых дореволюционных юристов: П.И. Люблинского, Н.А. Неклюдова, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, Я.М. Фойницкого. В советской уголовно-правовой науке проблема законодательного регулирования оценочных признаков освещалась в фундаментальных трудах Я.М. Брайнина, Л.Д. Гаухмана, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова, В.В. Питецкого, Е.А. Фролова, С.Д. Шапченко и др., воззрения которых до настоящего времени сохраняют научную ценность.

В современной российской и белорусской научной литературе по уголовному праву отдельным аспектам теоретического рассмотрения законодательного употребления оценочных признаков посвящены работы Ю.И. Антонова, В.Б. Боровикова, А.В. Галаховой, И.О. Грунтова, В.С. Джинджолии, Е.В. Кобзевой, Р.Н. Ключко, А.И. Лукашова, В.В. Лосева, А.И. Рарога, А.Л. Савенка, Э.А. Саркисовой, В.В. Марчука, В.М. Хомича и др. Однако, несмотря на многолетний значительный труд указанных ученых, проблема оценочных признаков была и остается одной из наиболее сложных в уголовно-правовой науке и правоприменительной деятельности.

Уголовный кодекс РБ использует немалое количество оценочных признаков, среди которых особое внимание обращает на себя «существенный вред». Наш интерес к данному уголовно-правовому

¹ Рарог А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. 2003. № 2. С. 376.

² См.: Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 31 с.

признаку вызван, во-первых, отсутствием в уголовном законе и руководящих разъяснениях Верховного Суда Республики Беларусь определения его понятия, позволяющего установить границы толкования последнего, и, во-вторых, наличием проблемы его законодательной регламентации в УК РБ. Раскроем сущность названных проблем и предложим пути их разрешения.

В тексте уголовного закона анализируемый оценочный признак упоминается в двух статьях Общей его части: при конструировании ч. 4 ст. 11 «Понятие преступления» и ч. 1 ст. 88.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем», а также в тринадцати статьях Особенной части этого нормативного правового акта: ст. 190 «Нарушение равноправия граждан», ч. 2 ст. 197 «Преследование граждан за критику», ст. 204 «Отказ в предоставлении гражданину информации», ст. 334 «Нарушение правил обращения с сильнодействующими и ядовитыми веществами», ч. 1 ст. 349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации», ч. 1 ст. 350 «Модификация компьютерной информации», ч. 1 ст. 352 «Неправомерное завладение компьютерной информацией», ч. 1 ст. 355 «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети», ч. 1 ст. 384 «Принуждение к выполнению обязательств», ч. 2 ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», ч. 2 ст. 425 «Бездействие должностного лица», ч. 1 ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий», ч. 1 ст. 455 «Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти».

Таким образом, указанный признак в Особенной части УК РБ сформулирован в диспозициях трех статей, ответственность за совершение которых предусмотрена в главе 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», одной статьи – в главе 29 «Преступления против здоровья населения», четырех статей – в главе 31 «Преступления против информационной безопасности», одной статьи – в главе 33 «Преступления против порядка управления», трех статей – в главе 35 «Преступления против интересов службы» и одной статьи – в главе 37 «Воинские преступления» данного нормативного

правового акта. Вышеуказанное свидетельствует о том, что законодатель, закрепляя помянутый нами признак в нормах УК РБ, придает ему, наряду с иными общественно опасными последствиями, особое криминообразующее значение, используя в Особенной части исключительно для конструирования материальных составов преступлений.

В абсолютном большинстве источников по уголовному праву при характеристике рассматриваемого оценочного признака специалисты ограничиваются лишь указанием на единственное приведенное разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)». Согласно п. 19 указанного постановления при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным (ч. 2 ст. 424 УК РБ, ч. 2 ст. 425 УК РБ, ч. 1 ст. 426 УК РБ), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, нарушении общественного порядка¹. Также следует упомянуть о примечании 1 к главе 35 УК РБ применительно к преступлениям против интересов службы, где законодатель закрепил, что «должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы»².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РБ от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» (в ред. от 31 марта 2016 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь. ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

² Уголовный кодекс РБ от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 19 июля 2016 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь. ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

Авторы комментария к Уголовному кодексу РБ на основе анализа правоприменительной практики состава злоупотребления властью или служебными полномочиями справедливо отмечают, что вред является существенным, если вследствие злоупотребления стало возможным совершение преступлений другими лицами или были сокрыты совершенные преступления (независимо от их тяжести). Существенный вред, по их мнению, может также выражаться:

– в значимом для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т.д.;

– в причинении умышленного легкого телесного повреждения или умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения (хотя бы одному лицу);

– в причинении морального вреда, возмещение которого оценивается в 250 и более базовых величин;

– в подрыве авторитета или престижа органов государственной власти, государственных или общественных организаций, если это было связано с протестными акциями и проявлениями недоверия;

– в злоупотреблении, направленном на сокрытие в особо крупных размерах порчи, утраты, недостачи имущества, возникших не по вине данного должностного лица или подчиненных ему лиц;

– в нецелевом использовании выделенных государством финансовых ресурсов в особо крупных размерах¹.

Как видим, ни постановление Пленума Верховного Суда, ни УК РБ, ни доктрина и практика не дают исчерпывающего перечня ситуаций, при которых вред следует признавать существенным. При этом обратим внимание на то, что приведенные разъяснения относятся исключительно к характеристике данного оценочного признака применительно к преступлениям против интересов службы.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. С. 967.

Вместе с тем существует необходимость уяснения содержания данного признака относительно иных вышеназванных преступлений. Наш тезис подтверждается положением, закрепленным в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РБ от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда», где предписывается: «Признавая лицо виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (тяжесть последствий, размер ущерба, *существенный вред* (курсив наш – А.К.) и другие), суд обязан привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака»¹.

Является очевидным, что в преступлениях, где обязательным признаком их состава выступает предмет (например, ст. 334, 352 УК РБ), определение признака «существенный вред», как правило, не составляет труда, поскольку правоприменитель опирается на количественные характеристики общественно опасных последствий. В «беспредметных» преступлениях, когда вред носит социальный, моральный (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина), организационный (преступления против порядка управления), государственный (преступления против интересов службы), иной характер, определение признака «существенный вред» затруднено. В таких преступлениях, как верно указывала Н.Ф. Кузнецова, необходимо выделить главный криминообразующий элемент, измерить его по присущим ему единицам изменения (количество потерпевших избирателей, время, место, способ, продолжительность нарушения общественного порядка, серьезность и «тайность» разглашаемых сведений, глубина страданий потерпевшего и т.д.)². Поэтому Пленуму Верховного Суда РБ в своих руководящих

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РБ от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» (в ред. от 31 марта 2016 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь. ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

² Кузнецова Н.Ф. Преступления и иные правонарушения // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 27–28 мая 2004 г. / ред. кол.: Г.Н. Борзенков и др. М.: ЛексЭст, 2005. С. 314–315.

разъяснениях следовало бы уделять особое внимание рекомендациям по толкованию «существенного вреда» не только применительно к преступлениям против интересов службы, но и к иным видам преступлений, в том числе к беспредметным, диспозиции Особенной части УК РБ которых упоминают данный оценочный признак.

Обращаясь к лексическому значению содержания понятия «существенный вред», отметим, что в словаре русского языка С.И. Ожегова слово «существенный» трактуется как составляющий сущность чего-либо, важный, необходимый. При этом слово «вред» толкуется как ущерб, а ущерб – как потеря, убыток, урон¹. Изложенное позволяет предположить, что понятия «вред», «ущерб», «убыток», «урон» являются синонимами. Как нам представляется, это не совсем так. УК РБ использует понятия «вред» и «ущерб» как близкие, но не тождественные. Анализ норм данного нормативного правового акта свидетельствует о том, что термин «вред» применяется, как правило, для определения качественных, а понятие «ущерб» – количественных характеристик последствия преступления. Понятие «вред» несколько шире, нежели понятие «ущерб», поскольку включает в себя последствия от причиненного ущерба. В свою очередь, ущерб можно рассматривать как количественную характеристику вреда. Поэтому семантически термин «ущерб» следует относить к количественному выражению преступного результата имущественного характера, а термин «вред» рассматривать как качественное содержание имущественных и неимущественных последствий преступного деяния². Однако нельзя не отметить тот факт, что термин «вред» может включать в себя и количественное выражение преступного результата.

Исходя из изложенного, «*существенный вред*» следует определить как используемый в уголовном законе оценочный признак, представляющий собой *особую* количественно-качественную характеристику

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов и фразеол. выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2011. С. 735.

² Кравцова М.А., Яскевич А.В. Моральный вред как отражение преступления. Минск: Акад. МВД, 2015. С. 28.

имущественных и (или) неимущественных последствий, наступивших в результате совершения общественно опасного деяния.

Особая количественно-качественная характеристика последствий присуща именно существенному вреду, и именно она отличает его, с одной стороны, от иного преступного несущественного вреда (например, физического, имущественного, морального), а с другой — непроступного несущественного вреда (например, административного правонарушения, дисциплинарного проступка). В этой связи несущественный вред, по нашему мнению, может быть как преступным, так и непроступным.

Законодатель в УК РБ не описывает четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда. Данное обстоятельство, как верно отмечено В.В. Лосевым, расширяет рамки усмотрения правоприменителя, что может привести (а нередко приводит) на практике к неоправданному расширению уголовной репрессии, увеличивает вероятность квалификационных ошибок, выражающихся в признании преступлениями тех деяний, которые не могут признаваться таковыми в силу недостаточной общественной опасности¹.

Поскольку определение признака «существенный вред» является прерогативой правоприменителя, то его установление по-разному может им интерпретироваться в зависимости от ряда факторов. К таковым следует относить профессионализм, правосознание и юридическую грамотность лица, применяющего уголовный закон.

Правосознание представляет собой одну из форм общественно-го сознания, включающую систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к действующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права². Иными словами, это существующий объективно набор идей, эмоций, взаимосвязанных между собой и

¹ Лосев В. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы // Законность и правопорядок. 2013. № 4. С. 57.

² Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права: учебник / Под ред. В.А. Кучинского. Минск: Акад. МВД, 2013. С. 284.

выражающих отношение правоприменителя к праву, его системе и иным характеристикам правовой системы. Именно профессиональное правосознание представителя органа дознания, следователя, прокурора, судьи в большей степени определяет толкование такого оценочного признака, как существенный вред. Вместе с тем правосознание тесно связано с юридической грамотностью, представляющую собой степень владения лица, применяющего уголовный закон, знаниями о праве, государстве и правовой системе. Если правоприменитель профессионален и грамотен, ему удастся качественная интерпретация данного оценочного признака, а если нет, то толкование и правоприменение могут быть ошибочными.

Так, судом Вороновского района Гродненской области Д. осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 424 УК РБ. Работая ведущим специалистом представительства Белгосстраха по Вороновскому району и являясь должностным лицом, в соответствии с должностной инструкцией имея право на заключение договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, 13 августа 2004 г. она, вопреки интересам службы, с использованием своих служебных полномочий и из корыстной заинтересованности оформила страховое свидетельство на автомашину «Москвич–2140» на имя К. (владельца транспортного средства) в его отсутствие, чем нарушила порядок, установленный Положением о порядке и условиях проведения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 19 февраля 1999 г.

По мнению обвинения и суда, Д. причинила существенный вред государственным интересам в виде подрыва авторитета власти, а также правам и законным интересам граждан¹.

Как видим, совершенное деяние Д., выраженное в нарушении порядка страхования, является служебным нарушением, очевидно не преступным, содержащим признаки дисциплинарного проступка. В

¹ Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / Под общ. ред. В.М. Хомича. Минск: Тесей, 2008. С. 254–255.

описанной ситуации вред не только нельзя признать существенным, но и вовсе преступным. Приведенный пример иллюстрирует, что имеющие место на практике факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности свидетельствуют о том, что правоприменитель не всегда четко может оценить ситуацию с наличием либо отсутствием исследуемого оценочного признака, допускает расширительное его толкование. Безусловно, указанное влияет на оценку служебной деятельности правоохранительных органов, а также на престиж и повышение к ним доверия со стороны граждан. В этой связи с целью недопущения ошибочного толкования оценочных признаков актуальным представляется вопрос постоянного повышения профессионализма правоприменителей.

Еще одной проблемой, требующей разрешения, применительно к заявленной теме является вопрос законодательной регламентации оценочного признака «существенный вред» в самом уголовном законе.

Ее суть состоит в том, что законодатель, закрепляя в УК РБ рассматриваемый оценочный признак, использует его в двух аспектах: а) как обязательный признак объективной стороны конкретного состава преступления Особенной части УК РБ, характеризующий общественно опасные последствия, и б) как признак, отграничивающий преступления от деяний, в силу малозначительности не обладающих общественной опасностью, присущей преступлению (ч. 4 ст. 11 УК РБ). Как нам представляется, использование нормотворцем признака «существенный вред» в двух вышеописанных аспектах не в полной мере способствует пониманию его юридической природы и не вносит ясность в его правоприменение.

Так, раскрывая понятие малозначительности деяния в ч. 4 ст. 11 УК РБ, законодатель указывает, что малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Является очевидным, что правоприменительные органы с учетом фактических обстоятельств дела в каждом конкретном случае принимают решение о признании деяния малозначительным (непреступным) либо преступным. То есть

определяют, причинен ли в результате совершения деяния существенный вред, была ли угроза причинения такого вреда или нет.

Буквальное толкование ч. 4 ст. 11 УК РБ свидетельствует, что преступления — это деяния, априори во всех случаях причиняющие существенный вред либо создавшие угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам; тогда как малозначительные деяния не являются преступными, поскольку по своему содержанию и направленности не причиняют и не могут причинить такого вреда. Однако анализ норм УК РБ иллюстрирует непоследовательность законодателя в этом смысле. Например, ч. 2 ст. 197 «Преследование граждан за критику» УК РБ описывает квалифицированный состав этого преступления следующим образом: «Ущемление должностным лицом прав, свобод и законных интересов гражданина за направление им в государственные органы или общественные объединения предложений, заявлений или жалоб, либо за содержащуюся в них критику, либо за выступления с критикой в иной форме, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина...» При этом основной состав этого преступления (ч. 1 ст. 197 УК РБ) регламентирует ответственность за те же деяния, но не повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. Следует ли утверждать о том, что с позиции анализа нормы о малозначительности ч. 1 ст. 197 УК РБ необходимо признавать малозначительным деянием? Полагаем, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ. Считаем, что законодатель, конструируя норму о малозначительности деяния в части использования оценочного признака «существенный вред», допустил неточность, выразившуюся в противоречии норм ч. 4 ст. 11 УК РБ и ч. 2 ст. 197 УК РБ, которая должна быть исправлена.

Решение описанных нами проблем видится в следующем.

1. Для точного определения сущности исследуемого нами оценочного признака в ст. 4 УК РБ, именуемой «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса», целесообразно закрепить следующее его определение: «Существенный вред — оценочный признак, представляющий собой особую количественно-качественную характеристику

имущественных и (или) неимущественных последствий преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

2. Для определения критериев разграничения существенного и несущественного преступного вреда Пленуму Верховного Суда РБ в своих руководящих разъяснениях целесообразно приводить перечень особых криминообразующих количественно-качественных характеристик существенного вреда, являющегося общественно опасным последствием не только применительно к преступлениям против интересов службы, но и к иным видам преступлений, в том числе к «беспредметным», диспозиции Особенной части УК РБ которых упоминают данный оценочный признак.

3. Поскольку толкование оценочных признаков зависит от профессионализма, высокого правосознания и юридической грамотности лица, применяющего уголовный закон, существует необходимость постоянного совершенствования этих качеств, что является залогом эффективной правоприменительной деятельности.

4. В целях устранения несогласованности норм уголовного закона, регламентирующих малозначительность деяния и состава преступления, в котором используется «существенный вред» как квалифицирующий признак (ч. 2 ст. 197 УК РБ), считаем правильным ч. 4 ст. 11 УК РБ сформулировать в следующей редакции: «Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить *преступного* вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Данные способы разрешения проблемы «существенного вреда» позволили бы законодателю четко определить правовую природу данного оценочного признака; избежать чрезмерно широкого диапазона усмотрения и, как следствие, нарушения уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и справедливости при вынесении решения по конкретному делу.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «БИОТЕРРОРИЗМ» И «БИОДИВЕРСИЯ»

*Пухов А.А., к.ю.н.,
доцент кафедры уголовного права
юридического факультета
Белорусского государственного
университета*

Мировая история знает немало примеров, когда существенный вред национальной безопасности различных государств причинялся не в результате открытого вооруженного конфликта, а путем опосредованного воздействия на определенные ее составляющие (экономическую, информационную безопасность и т.п.). Например, во время Второй мировой войны была практически претворена в жизнь операция «Бернхард». Целью ее проведения был выпуск в обращение фальшивых долларов США и фунтов стерлингов для дестабилизации американской и британской экономик. Кроме того, поддельные деньги предполагалось использовать для оплаты внешнеэкономических договоров на поставку сырья для милитаризированной немецкой экономики.

Различные попытки дестабилизации общественного спокойствия в информационной сфере зачастую связаны с возникновением очагов инфекционных заболеваний. Так, в 2009 г. массовую истерию у населения вызвало распространение H1N1 — подтипа вируса гриппа А («свиного гриппа»). Из-за недостатка достоверной информации граждане стали бесконтрольно приобретать противовирусные препараты, оксолиновую мазь и марлевые повязки. Циркуляцию в общественном сознании различного рода слухов о высокой летальности «свиного гриппа» активно поддерживали недобросовестные представители фармацевтических компаний, которым было выгодно наличие повышенного спроса на лекарственные средства.

К концу XX — началу XXI в. человечество смогло достичь беспрецедентного уровня развития технологий в различных отраслях науки и техники. С одной стороны, благодаря этому было минимизировано множество угроз биологического происхождения (ликвидированы

натуральная оспа, полиомиелит, ряд заразных болезней животных). С другой стороны, был открыт ящик Пандоры: совокупный объем знаний человечества об известных науке патогенных биологических агентах еще недостаточен для того, чтобы установить тотальный контроль за их оборотом и использованием. Ситуация усугубляется и появлением новых, ранее неизвестных науке, агентов. Например, в начале 2010-х гг. стали регистрироваться спорадические очаги коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (MERS).

Применение патогенных биологических агентов даже на территории одного государства способно повлечь их быстрое распространение не только в конкретном регионе, но и по всему Земному шару. Это обуславливается высокой интенсивностью трансконтинентальной и трансграничной миграции населения планеты. Например, зараженный в Таиланде малярией человек уже через несколько часов может прибыть в аэропорт государства, расположенного за тысячами километров от места инфицирования. Поэтому на сегодняшний день повысилась вероятность заноса на территорию постсоветских государств экзотических особо опасных болезней (лихорадок Ласса, Марбург, Эбола), различных паразитарных болезней (африканский трипаносомоз, японский шистосомоз и др.).

В свете высокого уровня террористической угрозы в мире указанные обстоятельства актуализируют вопросы правовой охраны человека, общества и государства от угроз биологического происхождения, в том числе и уголовно-правовыми средствами. С точки зрения масштабов и характера негативных последствий наиболее значимыми угрозами выступают биотерроризм и биодиверсионная деятельность (биодиверсия).

Анализ норм УК РБ (ст. 126, 289, 290 и других преступлений террористической направленности) Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» позволяет прийти к выводу, что биотерроризм — это разновидность терроризма, заключающегося в применении или угрозе применения патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений. Причем использование указанных предметов может иметь своей целью оказание воздействия на принятие решений органами власти,

воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, провокацию международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизацию общественного порядка.

В уголовном законе диверсия определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества, в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь (ст. 360 УК РБ).

Стоит отметить, что в диспозиции уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за диверсию, по УК РБ, в отличие от ст. 65 УК БССР 1960 г., отсутствует прямое указание на такой способ ее осуществления, как «совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий». При разработке проекта УК РБ 1999 г. этот способ совершения преступления был поглощен формулировкой «совершение иных действий, создающих опасность гибели людей...», что, на наш взгляд, является ярким примером необоснованной экономией нормативного материала. Советский законодатель еще в 50-х гг. прошлого века (при качественно более низком уровне развития биологии, ветеринарной медицины и эпидемиологии) при разработке проекта УК БССР 1960 г. весьма предусмотрительно и дальновидно закрепил соответствующую формулировку.

Таким образом, биодиверсия представляет собой разновидность диверсии и заключается в совершении деяний с использованием патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества, в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь. В частности, биодиверсионная деятельность может выражаться в использовании зараженных животных для причинения вреда агропромышленному комплексу, охотничьему хозяйству, продовольственной безопасности и т.п. К примеру, выращенные в условиях аквакультуры мальки, зараженные сапролегниозом (дерматомикозом), выпущенные в естественную среду обитания,

способны спровоцировать массовое заболевание диких видов рыб. Причем миграция зараженной рыбы позволит ей беспрепятственно проникнуть и в водоемы государств-соседей. В свою очередь, зараженный африканской чумой дикий кабан способен преодолевать значительные расстояния, которые также не ограничиваются территорией одного государства. Благодаря этому возбудители заразных болезней животных переносятся на территорию благополучных по какой-либо болезни пунктам, попутно загрязняя компоненты природной среды.

Основу понятий биотерроризма и биодиверсионной деятельности (биодиверсии) составляет использование «биологического фактора» в террористических или диверсионных целях. В литературе к опасным биологическим факторам, как правило, относят болезнетворные организмы любого вида, расы, биологического типа и токсические субстанции (в том числе микроорганизмы, представители флоры, фауны, контаминированные объекты живой и неживой природы, экопатогены, эпизоотии, эпидемии, эпифитотии), которые способны причинить вред или ущерб здоровью человека, животным, растениям, продукции животного происхождения или растениеводства¹. На наш взгляд, наиболее приспособленными для использования в террористических или диверсионных целях являются патогенные биологические агенты и инвазионные виды животных и растений. Это объясняется относительной доступностью получения такого рода предметов. Вместе с тем это не исключает использования при совершении актов биотерроризма или биодиверсий генно-инженерных организмов, радиоактивных, химических веществ или отходов. Однако трудности в получении, обусловленные строгим контролем и учетом перечисленных предметов, позволяют их рассматривать только в качестве носителей потенциальных угроз.

Под патогенными биологическими агентами следует понимать микроорганизмы (бактерии, вирусы, хламидии, риккетсии, простейшие, гельминты, грибы, микоплазмы), прионы, генно-инженерно-

¹ Онищенко Г.Г., Смоленский В.Ю., Ежлова Е.Б., Демина Ю.В., Топорков В.П., Топорков А.В., Ляпин М.Н., Кутырев В.В. Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Часть 2. Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности // Вестник РАМН. 2013. № 11. С. 5.

модифицированные организмы, яды биологического происхождения (токсины), способные при попадании в организм человека, животного или растения вызвать клинически выраженное заболевание или носительство, а также любые объекты и материалы, подозрительные на содержание перечисленных агентов; под инвазионным видом — адвентивные виды растений и (или) животных, интродукция и (или) распространение которых угрожает биологическому разнообразию¹. Общественная опасность указанных предметов может быть проиллюстрирована на конкретных примерах.

Патогенные биологические агенты. К сожалению, приходится констатировать отсутствие понимания среди большинства ученых и практических работников масштабов негативных последствий от распространения патогенных биологических агентов. Объясняется это отчасти тем, что, к примеру, действия, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 295 УК РФ), встречаются в практической деятельности гораздо чаще, чем использование патогенных биологических агентов. Однако едва ли размер вреда или ущерба от применения огнестрельного оружия может быть сопоставим с негативными изменениями в окружающей действительности из-за умышленного внедрения в систему непрерывного водоснабжения потребителей предметов, контактированных возбудителями опасных инфекционных болезней (холеры, сибирской язвы и др.) или привнесения в городскую фауну зараженных чумой, бешенством и т.д. синантропных животных.

Западными исследователями после 2001 г., когда в почтовых конвертах в США рассылались споры сибирской язвы, отмечен возрастающий интерес террористических групп к использованию патогенных биологических агентов². Причем 80 % потенциальных агентов биологического террора — возбудители зоонозов. По данным Всемирной организации здравоохранения животных (МЭБ), около 60 % инфек-

¹ Энциклопедия лесного хозяйства: в 2 томах / Т.А. Антипенко и др. Т. 1. М.: ВНИИЛМ, 2006. С. 275.

² Noah D., Crowder H. Biological terrorism against animals and humans: a brief review and primer for action // Journal of the American Veterinary Medical Association. 2002. № 1. P. 40.

ционных заболеваний человека и 75 % эмерджентных (новых, ранее не известных науке) инфекций имеют зоонозное (животное) происхождение¹. Это объясняется характером вреда от заразных болезней животных: бруцеллез характеризуется высокой степенью инвалидизации переболевших², а перенесенный токсоплазмоз может стать одной из причин бесплодия³.

Инвазионные виды животных и растений. Интродукция в Австралию в середине XIX века кроликов из Европы благодаря мягкому климату привела к их стремительному расселению по всей территории страны. Резкое увеличение количества адвентивных животных привело к такому же быстрому уменьшению кормовой базы, что в свою очередь вынудило кроликов искать пищу среди сельскохозяйственных угодий. В результате необдуманного вмешательства человеческого фактора в экосистему природному и агропромышленному комплексам был нанесен колоссальный ущерб. Более того, ни технические (строительство «австралийского забора для защиты от кроликов»), ни организационные (патрулирование забора), ни биологические меры (распространение возбудителей миксоматоза) не смогли окончательно решить проблему контроля и регулирования численности популяции кроликов. Следовательно, умышленное внедрение в существующую экосистему может повлечь необратимые последствия для национальной экономики и экологии. Например, по состоянию на 2016 г. в Беларуси к инвазионным видам животных относились семь видов водных беспозвоночных, 25 видов наземных беспозвоночных, в основном насекомых, три вида рыб, один вид рептилий и два вида млекопитающих⁴.

¹ Список МЭБ и трансграничные инфекции животных: монография / В.В. Макаров и др. Владимир: Вит-принт, 2012. С. 3.

² Черкасский Б.Л. Справочник по особо опасным инфекциям. М.: Медицина, 1996. С. 8.

³ Ятусевич А.И., Прудников В.С., Карасев Н.Ф., Николаенко М.Ф. Заразные болезни, общие для животных и человека: справ. пособие. Витебск: ВГАВМ, 2011. С. 230.

⁴ Черная книга инвазивных видов животных Беларуси / Под общ. ред. В.П. Семенченко. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 14–100.

Существенную опасность представляет распространение инвазионных растений. Например, для Беларуси остро стоит проблема борьбы с такими растениями, как амброзия полыннолистная (испаряет большое количество влаги из почвы), борщевик Сосновского (причиняет ожоги, обедняет видовой состав окружающей растительности), золотарник канадский (изменяет структуру животного и растительного миров), клен ясенелистный (останавливает возобновление ив, тополей, дубов), робиния псевдоакация и эхиноцистис лопастный¹. Кроме того, в постановлении Министерства сельского хозяйства и продовольствия РБ от 17 октября 2016 г. № 29 «Об установлении перечня особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь» нормативно закреплены исчерпывающие перечни особо опасных вредителей растений (2016 г. – 121 наименование, 2006 г. – 73 наименования), особо опасных болезней растений (2016 г. – 89 наименований, 2006 г. – 72 наименования) и особо опасных сорняков (2016 г. – 75 наименований, 2006 г. – 73 наименования). Причем за последние 10 лет, т.е. с момента утверждения предыдущего списка, можно наблюдать тенденцию увеличения количества особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не ставим целью настоящей статьи обосновать необходимость внесения в нормы УК РБ соответствующих изменений и дополнений. Однако использование биологического фактора в криминальных целях, в частности при совершении акта терроризма или диверсии, работниками субъектов правоприменительной деятельности должно рассматриваться, к сожалению, не как потенциальные, а реально возможные угрозы.

Таким образом, в качестве выводов можно зафиксировать следующее:

1. Биотерроризм – это разновидность терроризма, заключающегося в применении или угрозе применения патогенных биологических

¹ Виноградова Ю.К., Майоров С.Р., Хорун Л.В. Черная книга флоры Средней России: чужеродные виды растений в экосистемах Средней России. М.: ГЕОС, 2009. С. 91, 110, 129, 205.

агентов и инвазионных видов животных и растений в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка.

2. Биодиверсия представляет собой разновидность диверсии, заключающейся в совершении деяний с использованием патогенных биологических агентов и инвазионных видов животных и растений, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества, в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МОНГОЛИИ

*Даваажав Сумъяацэрэн,
капитан полиции,
научный сотрудник
Центра исследования полиции
Института научного исследования
и развития Университета
правоохранительной службы Монголии*
*Лосол Цогтбаяр,
преподаватель кафедры расследования
Института полиции Университета
правоохранительной службы Монголии*

По данным первого полугодия 2016 г. в Монголии зарегистрированы около 2 512 000 пользователей сети «Интернет», из них 86,7 % живут в столице – в г. Улан-Баторе, 10,3 % – в аймачных центрах, 2,9 % – в сомонах, а также 59 организаций, имеющих специальные разрешения заниматься деятельностью по предоставлению интернет-услуг и обслуживания¹. Помимо резкого возрастания использования интернета не только посредством компьютеров, но и с помощью разных «умных» устройств, имеющих прямой доступ к сети, реализации множества ежедневных задач через «умные» устройства, начали развиваться виды, способы и технологии использования этих достижений в преступной деятельности.

Многие страны мира ведут борьбу с этим видом преступлений следующими путями и способами: утверждение национальной политики и стратегии борьбы с преступностью; подготовка компетентных человеческих ресурсов; создание инфраструктуры охраны; утверждение и придерживание собственной политики и порядка

¹ Комиссия по регулированию коммуникаций Монголии. Статистика потребителей интернета. 2016 г.

для каждой организации; реализация решений охраны, основанных на самооценке риска и аудита; образование системы борьбы с киберпреступлениями; образование правовой защиты и охраны; повышение общественного знания о понятии указанных преступных деяний¹.

Сегодня ни для кого не секрет, что знания сотрудников правоохранительных органов по борьбе с киберпреступлениями особенно слабы, опыт работы в данной сфере незначительный, не сформировались техническое снабжение и умение исследования, правовое регулирование отсталое, различные организации, в том числе сами правоохранительные органы, становятся жертвами кибератак и киберпреступлений. Положения переработанной «Концепции Национальной безопасности» и принятой «Национальной программы информационной безопасности» выполняются недостаточно, хотя утверждены давно.

В настоящее время правовое регулирование в сфере борьбы с киберпреступлением недостаточно. Не хватает технических средств, квалифицированных специалистов, способных получить данные из вычислительных устройств и превратить их в доказательства. Расследование большинства киберпреступлений заходит в тупик в связи с тем, что электронные файлы и содержащиеся в них данные не считаются доказательством.

Системы регистрации вычислительных устройств, выявление и экспертиза файлов аудита, кадровые ресурсы, инфраструктура для обнаружения и фиксации доказательств от «умных» устройств не сформированы, из-за чего раскрытие киберпреступлений находится на особо низком уровне. Недостаточное развитие международного сотрудничества априори отрицает возможность раскрытия транснациональных киберпреступлений.

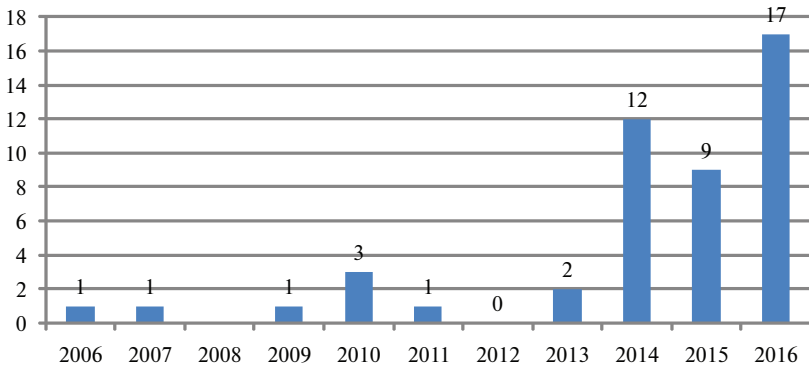
В практике распространены мошенничества, совершенные через электронную почту, клевета, вымогательство, нарушение тайны переписки и почтовых отправлений граждан, неправомерный доступ

¹ Цогтбаяр Л. Theoretical and methodical basics of investigation of crimes in cyber environment. Улан-Батор, 2015. С. 150.

к компьютерным сетям и системам, модификация информации и т.п.

Диаграмма № 1

**Преступления в сфере информационной безопасности
и использования компьютеров (2006–2016 гг.)¹
(глава 25 Уголовного кодекса Монголии)²**

Судя по данным последнего десятилетия зарегистрированных преступлений по ст. 226–229 УК Монголии, их число увеличилось в три – четыре раза за последние пять лет (диаграмма № 1).

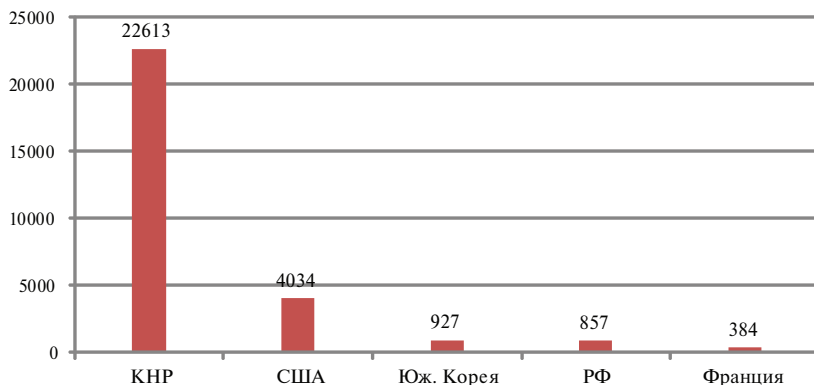
Каждый день регистрируются сотни кибератак из других государств. Анализ данных Отделения кибербезопасности Главного разведывательного управления Монголии показывает, что в апреле 2016 г. из КНР в нашу страну направлено 22 613 сообщений о кибератаках. Из США было зарегистрировано 4034 атак, значительно меньше – из Южной Кореи, России и Франции³ (диаграмма № 2). Из чего видно, что Монголия находится в зоне повышенного риска.

¹ Статистика преступлений за 2006–2016 гг., Национальное полицейское агентство.

² Уголовный кодекс Монголии. 2002 г.

³ Отдел кибербезопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ncsc.gov.mn/index.php?id=135> (дата обращения: 15.12.2017).

Количество зарегистрированных кибератак

На практике в Монголии распространены такие преступления в сфере информационных технологий, как мошенничество, вымогательство, осуществленное через электронную почту, и скимминг.

За последние три года в Монголии зарегистрировано 51 мошенничество, совершенное с использованием электронной почты. От данных преступлений причинен ущерб гражданам на 860 572 311 тугриков, хозяйственным организациям – на 1 733 475 014 тугриков, а всего на 2 597 047 325 тугриков¹.

Совершение мошенничества в киберпространстве происходит через интернет-покупки, отправки смс, писем на электронную почту о выигрыше крупной суммы денег, получении наследства, с просьбой о помощи. Чтобы не стать жертвами мошенничества с использованием электронной почты, не рекомендуется использовать свою личную почту на общем компьютере, привязывать электронные адреса к номерам мобильных телефонов, необходимо всегда проверять адреса электронной почты связывающих организаций, в случаях, когда счетные информации изменяются, обязательно уточнять по телефону. Осуществление денежных переводов проводить с крайней осторожностью, чтобы не стать жертвой преступления.

¹ Отчет Отдела по борьбе с киберпреступностью Национального полицейского агентства.

В Монголии 20 октября 2016 г. был организован семинар представителей Facebook для компаний стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На этом семинаре выяснился тот факт, что в Монголии от 1 до 1,6 миллиона человек зарегистрировано в социальной сети Facebook, каждый день примерно 950 000 пользователей активно пользуются услугами Facebook¹. При проведении анализа и исследования в данной категории установлено, что 5–10 % пользователей применяют фиктивные адреса.

В последнее время участились преступления, совершенные лицами, имеющими гражданства стран Азии, таких как Филиппины, Сингапур и Малайзия. Фальшивые аккаунты устанавливают связь с нашими гражданами путем обмена информацией и видеочатами, собирают личные интимные и секретные данные граждан, а потом используют их в незаконных сделках. Преступники добывают незаконным путем и копируют видеозаписи, загружают их в вебсайты, затем путем угроз и шантажа требуют крупные суммы денег у родственников, друзей, близких лиц потерпевших.

Скимминг считается для нас новым видом киберпреступлений. Можно определить, что скимминг — это вид мошенничества, при котором злоумышленники считывают все необходимые данные с магнитной полосы карты и изготавливают ее поддельный аналог². Пинкод они узнают с помощью мини-камеры или накладок на клавиатуру, установленную на банкомате, а затем, используя сделанный дубликат карты, снимают все деньги в пределах лимита выдачи³. Данный вид преступлений распространен в развитых странах, в Монголии зарегистрировано всего два случая. Рассмотрим недавний пример. Прибывшие в Монголию четыре гражданина КНР установили на банкоматы коммерческих банков скимминг-устройства на срок трое суток, скопировали

¹ Отчет Отдела по борьбе с киберпреступностью Национального полицейского агентства.

² Беляков Е. Новый закон защитит владельцев карт: мошенники украли — банк все вернет // Комсомольская правда. 2013. 24 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kp.ru/daily/26555/3027133/> (дата обращения 15.12.2017).

³ Цогтбаяр Л. Theoretical and methodical basics of investigation of crimes in cyber environment. Улан-Батор, 2015. С. 294.

незаконным путем информацию с кредитных карт и передали ее в свою страну, тем самым нанеся ущерб в размере 126 миллионов тугриков.

Начиная с 2012 г. на территории Монголии выявлен ряд преступлений по похищению крупных сумм денег с использованием фальшивых кредитных карт из банкоматов коммерческих банков гражданами Украины и Малайзии. Рассмотрим пример такого преступления. Граждане Малайзии, использовав фальшивые кредитные карты коммерческих банков Монголии, выкупили большую партию товаров в супермаркетах и крупных торговых центрах. Установлен факт, что они, выкупив товары с отметкой «бренд» и перевезя их через государственную границу, реализовали их по более высоким ценам. При этом преступники хакерским способом внедрялись в чужие банковские счета и фальшивыми платежными картами расплачивались за покупки¹. Установлено, что преступники похитили денежные средства в размере приблизительно 45 миллионов тугриков. Также выявлено, что они изготавливают фальшивые банковские кредитные карты не только Монголии, но и других стран. Например, они хакерским преступным способом крадут информации с черных лент банковских кредитных карт таких банков США, как Chase, ITS и т.д., и устанавливают на готовые матрицы, изготовленные в Малайзии. Таким образом, вся информация владельца кредитной карты попадает в руки преступников. Вообще мировые средства массовой информации время от времени сообщают о преступных группировках, специализирующихся на преступных деяниях, которые упоминались выше. Поэтому международные банки постоянно улучшают и совершенствуют систему контроля, тем самым пресекают возможность подобного рода мошенничеств. Тот факт, что в последнее время эти преступные элементы стали в большом количестве внедряться в Монголию, возможно, связан с несовершен-

¹ Сумъяацэрэн Д. Современное состояние киберпреступлений в Монголии // Проблемы и перспективы социально-экономического и правового развития региона. Роль профсоюзов. Сборник науч. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию образования Бурятского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Улан-Удэ, 26–27 февраля 2015 г.) / Науч. ред. В.С. Васильев, О.И. Одоева, Ю.В. Хармаев. Улан-Удэ: ИИЦ «АТиСО», 2015. С. 468.

ной контрольно-охранной системой коммерческих банков Монголии, что свидетельствует о необходимости коренного улучшения охранной и контрольной систем банков.

Хотя назвать киберпреступлениями можно действия с использованием вычислительных устройств и посредством сети «Интернет» для совершения преступной деятельности, требуется более точное определение данного понятия. По этому поводу в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике возникает много спорных вопросов. Для совершения данных преступлений требуется техническое и программное обеспечение. В главе 25, охватывающей ст. 226–229 УК Монголии, было установлено всего четыре вида преступлений в сфере информационной безопасности, которые никак не могут дать полного представления о проявлениях киберпреступности.

Сегодня в Монголии совершенствование правовой среды идет недостаточным образом, имеется мало квалифицированных специалистов в сфере информационной безопасности, отмечается слабое знание гражданами информационной безопасности, отсутствие внутренней сети государственной информации, бесконтрольное установление различных связей в интернете, недостаточное использование программного обеспечения. Наше государство в Концепции о Национальной безопасности информационную безопасность специально охарактеризовало как самостоятельный вид безопасности, но до сих пор еще не приняло специального закона об информационной безопасности.

Важными проблемами в борьбе с киберпреступностью являются в первую очередь формирование благоприятной правовой среды, подготовка высококвалифицированных кадров (специалистов), а также обеспечение необходимого количества надлежащих технических средств и оборудования. В высших учебных заведениях недостаточно внимания обращают на подготовку специалистов в области информационной безопасности, а выпускники обладают общими знаниями и отстают от современных требований.

Государствам необходимо на международном уровне осуществлять программу по исследованию проблем борьбы с киберпреступностью либо создать лабораторию по исследованию и анализу данного вида преступлений.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В МОНГОЛИИ

*Батеруул Мунхдорж,
майор полиции, адъютант,
магистр юридических
и математических наук,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Университета правоохранительной
службы Монголии*

*Баяндорж Цолмон, к.ю.н.,
подполковник полиции,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Университета правоохранительной
службы Монголии*

Проблеме изучения такого социально сложного феномена, как преступность, посвящены труды ряда монгольских ученых и специалистов в области правоведения и криминологии. Среди них следует отметить Н. Жанцана, С. Жанцана, Н. Баатаржава, Ж. Болдбаатара, Д. Зумбэрэлхама, Б. Батзорига, Ц. Цэлмэга, Г. Эрдэнэбата, Г. Оюунболда. По их мнению, под преступностью необходимо понимать целостную систему преступлений, совершаемых в конкретном пространстве и времени, наносящих определенный ущерб обществу и личности.

Из многочисленных определений преступности, которые даются в научных трудах зарубежных и отечественных авторов, на наш взгляд, наиболее приемлемым, с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, является следующее: преступность – общественно опасное явление, включающее в себя совокупность всех преступлений (уголовно наказуемых деяний), совершенных в конкретном обществе (государстве) за тот или иной период времени, и характеризующееся соответствующими количественными и качественными показателями.

Исходя из высказанного очевидно, что основным составляющим элементом преступности является преступление. Понятие «преступление» получило законодательное закрепление в ст. 16 УК Монголии, формулировка которой звучит следующим образом: «Преступление – это общественно опасное деяние, выражающееся в форме действия или бездействия, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность»¹.

На сегодняшний день одной из основных научных отраслей, изучающих преступность и преступление, несомненно, считается криминология с ее подотраслью виктимологией. Объектами изучения последней являются потерпевший и нанесенный ущерб от преступных посягательств. Однако помимо этого утвердилось новое направление по изучению преступности – криминальная или юридическая (уголовно-правовая) статистика. В международной практике юридическую (правовую) статистику подразделяют на три основные отрасли: уголовную (криминальную), гражданскую и административную².

Следует отметить, что в широком смысле под статистикой (от лат. слова «status» – положение явлений) общепринято понимать научную область, изучающую количественную сторону качественно определенных массовых социально-экономических явлений и процессов. Другими словами, это наука, разрабатывающая статистическую методологию, т.е. набор приемов и способов сбора, обработки и анализа информации. Значение слова «статистика» в переводе на монгольский язык означает «тоо бүртгэл» («тоо» – «цифра», «бүртгэл» – «регистрация»), его можно толковать как «сбор, обработка, анализ информации, выраженной в цифровом значении»³.

В Монголии статистика как наука сформировалась в середине 20-х гг. прошлого столетия. Об этом свидетельствует тот факт, что

¹ Уголовный закон Монголии (в новой редакции) // Единый правовой портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/11634> (дата обращения: 28.12.2017) (язык монгольский с переводом на русский).

² Савюк Л.К. Правовая статистика: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 90.

³ Цэвэл Я. Краткий толковый словарь монгольского языка. Улан-Батор, 1966.

в 1924 г. был создан Отдел статистики при Министерстве финансов. В 2015 г. он был преобразован в Управление статистики и государственной регистрации, а в 2016 г. – в Национальный статистический комитет Монголии¹.

Процесс внедрения статистики в практическую сферу юридической деятельности, точнее формирования и развития юридической (правовой) статистики, в Монголии начался сравнительно недавно. На сегодняшний день активные работы ведутся по разработке теоретических и методологических основ юридической статистики; созданию единой системы учета и регистрации преступлений; формированию надежной законодательной и нормативно-правовой базы; подготовке высококвалифицированных и профессиональных специалистов в этой сфере и повышению их квалификации.

Особое внимание уделяется разработке и функционированию единой автоматизированной статистической системы, которая позволит не только правоохранительным, но и государственным органам обеспечить сбор, обработку и анализ достоверной информации о состоянии преступности в стране. С этой целью проводятся различные научные исследования, в частности направленные на разработку программы, которая должна обеспечить условия для создания единой государственной базы данных по учету преступлений и состоянию преступности. Среди них следует выделить научно-технологический проект, реализуемый Университетом правоохранительной службы при финансовой поддержке Научно-технологического фонда Монголии. Основная цель проекта – основываясь на выработанных статистической наукой правилах, законах и методах, определить наиболее оптимальные пути решения проблем по совершенствованию системы и организации единого учета преступлений в Монголии. Для реализации данного проекта задействованы органы полиции, прокуратуры, разведки, исполнения судебных решений, судебно-экспертной деятельности, по борьбе с коррупцией, а также Национальный статистический комитет Монголии.

В рамках проекта ведутся научные исследования в различных направлениях, включая и разработку программного обеспечения,

¹ Эрдэнэсүвд Л. Статистика бизнеса. Улан-Батор, 2004.

предназначенную для упорядочивания и систематизации единого учета и регистрации преступлений, основанных на законах и методах общей и частной теории математики и статистики. Необходимо заметить, что при этом учитывается такой важный фактор, как растущая роль естественно-научных знаний в формировании и развитии не только современной научной картины мира, но и любой практической деятельности. Об этом свидетельствуют результаты многих научных исследований и работ, проводимых зарубежными учеными и исследователями. Здесь можно выделить работы советского ученого Ю.Д. Блувштейна («Криминология и математика»), бельгийского ученого А. Кетле («Теория о наклонности к преступлению»), английского ученого Карла (Чарльза) Пирсона («Биометрика») и многих др. Также активные работы ведутся в области разработки программных обеспечений (R), научных методов для анализа данных с последующим извлечением из них значимой информации (Data Science) и т.д.¹

В Монголии в этом направлении хотя и намечаются некоторые сдвиги, но в целом ситуация находится на стадии формирования. Так, в рамках рассматриваемой нами проблемы (касательно возможности применения статистических и математических законов и методов в изучении причин преступности) за последние 30 лет вышли в свет лишь две монографии («Статистический метод изучения преступности» – 1988 г. и «Статистика преступлений» – 2007 г.)².

На сегодняшний день основная масса преступлений регистрируется и учитывается в органах полиции. Так, за 2006–2015 гг. анализ состояния преступности в стране и организация мер борьбы с ней основывались именно на результатах статистической отчетности данного ведомства. Однако очевидно, что такой подход не отвечает современным требованиям времени. Учитывая это факт, с 2015 г. в целях обеспечения единой государственной системы регистрации и учета преступлений, а также повышения объективности и достоверности статистической информации о преступлениях был принят Закон о статистике Монголии, устанавливающий правовые основы,

¹ Jack R. Greene The Encyclopedia Police Science. 3rd ed. New York; London: Routledge, 2007.

² Болдбаатар Ж., Нямдаваа О. Криминология. Улан-Батор, 2010.

круг субъектов правоотношений, а также функции органов в сфере государственной статистики. На основании этого статистическая отчетность ведомственных учреждений Министерства юстиции и внутренних дел и других государственных структур стала обобщаться в Национальном статистическом комитете Монголии.

Схема 1

Государственные органы, осуществляющие статистический учет и регистрацию преступлений и правонарушений

Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что на сегодняшний день в Монголии такая важная сфера деятельности, как статистическая регистрация и учет преступности, пока находится в стадии формирования и развития. В настоящее время в данном направлении актуальными остаются многие проблемы, требующие решения, в первую очередь научно-методологического, законодательно-правового, организационно-технического характера.

ВНЕ СЕКЦИИ

ОБЗОР VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА»¹

*Пан Дунмэй, д.ю.н., профессор
Юридического института,
начальник Центра по изучению
российского права
Хэйлунцзянского университета,
председатель научно-исследовательской
Ассоциации российского права и правовой
системы при Ассоциации юристов
провинции Хэйлунцзян (КНР)*

4 ноября 2017 г. в Хэйлунцзянском университете прошла VII Международная научно-практическая конференция «Российское право и правовая система». Тематика конференции: «Современная юриспруденция в России: актуальные вопросы и перспективы развития». Конференция проведена на базе Юридического института Хэйлунцзянского университета и Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай). Центр по изучению российского права Хэйлунцзянского университета, а также Научно-исследовательская Ассоциация российского права и правовой системы при Ассоциации юристов провинции Хэйлунцзян во главе с профессором Пан Дунмэй выступили в качестве оперативных организаторов данной конференции.

На церемонии открытия конференции с приветственными словами выступили проректор Хэйлунцзянского университета профессор

¹ Обзор конференции подготовлен в рамках ключевого проекта национального фонда общественных наук КНР «Институты в Общей части российского уголовного права» (номер проекта: 16AFX008).

Дин Личунь, заместитель генерального секретаря Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), директор института международных связей и общественного управления Шанхайского политико-юридического университета Ван Вэйминь, заместитель председателя Ассоциации юристов провинции Хэйлунцзян Сун Чжунсянь, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.А. Богданова. Более 50 ученых и практиков из России и Китая приняли участие в VII Международной научно-практической конференции «Российское право и правовая система», включая 29 российских ученых из МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, СФУ и ряда других вузов России.

第七届“俄罗斯法学与法制”国际研讨会

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА»

2017.11.04

Проректор Хэйлунцзянского университета Дин Личунь выступил с приветственной речью, в которой от имени Хэйлунцзянского университета выразил искреннее приветствие участникам конференции, ознакомил участников с основными моментами истории универ-

ситета, перечнем преподаваемых дисциплин и их преимуществами, особенностями обучения, а также выделил достигнутые успехи Юридического института в области изучения российского права. Он подчеркнул, что, хотя Китай и Российская Федерация имеют разный общественный строй, перед нашими странами стоят одинаковые задачи и вопросы, такие как возобновление правовой теории и правовой системы, продвижение теории и правовой системы. Он выразил надежду на то, что обе стороны смогут найти общий язык и конференция пройдет успешно.

Директор Ван Вэйминь кратко представил Шанхайский политико-юридический университет, его историю развития, перечень преподаваемых дисциплин, научные достижения. Осветив некоторые базовые аспекты создания Шанхайского политико-юридического университета, он особенно выделил сведения о создании базы подготовки квалифицированных кадров и базы ШОС.

Профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук Н.А. Богданова отметила, что Россия и Китай имеют долгую историю сотрудничества и сегодняшние дружеские отношения Китая и России достигнуты с помощью вклада предков. Она также выразила надежду на расширение предметного поля международной конференции и на то, чтобы правоведение приспособилось к общественным реалиям.

Заместитель председателя Сун Чжунсянь отметил, что провинция Хэйлунцзян как важное окно, обращенное к северу, не может обойтись без поддержки системы правовой теории. Китай и Россия являются соседями и имеют долгую историю юридического общения.

На китайские законы сильно повлияли законы бывшего Советского Союза, и теперь, когда Китай и Россия находятся в стадии трансформации общества, экономики, политики, перед нами неизбежно встают общие правовые вопросы.

Конференция проводилась по следующим основным направлениям российского права: теория права и государства; конституционное и муниципальное право; гражданское право; гражданский и арбитражный процесс; уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право; уголовный процесс, криминалистика; административное право, финансовое право, информационное право; природоресурсное право и др. На конференции выступили с содержательными, высококачественными научными докладами китайские и российские ученые.

Профессор Н.А. Богданова выступала с докладом на тему «Российское конституционное законодательство: современное состояние и тенденции развития». Определив, что «при самом общем подходе к оценке современного конституционного законодательства можно выделить ряд характеризующих его признаков: количественная оценка и предметное содержание, степень устойчивости, влияние политики, эффективность, воздействие на другие отрасли законодательства», отметив тот факт, что «по сравнению с советским периодом количество источников российского конституционного права огромно. По предметному содержанию их условно можно сгруппировать на два блока: законы о власти и законы о правах личности», профессор указала, что «характеристику конституционного законодательства следует дополнить выявлением важной присущей его развитию тенденции. Она связана с особой открытостью конституционного права для других отраслей законодательства, его «интегрированностью» в другие отрасли».

Профессор кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук Н.В. Козлова выступила с докладом «Проблемы признания гражданско-правового договора незаключенным по законодательству РФ», в котором определила его правовую природу, его соотношение с иными юридическими фактами. Отметив, что признание договора незаключенным

рассматривается как юридическая фикция, а сам незаключенный договор квалифицируется как юридический поступок, она сделала вывод о правомерном характере действий по заключению договора независимо от их результативности и указала правовые последствия признания договора незаключенным.

Декан факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Е.Н. Салыгин в представленном докладе «Правовая система как пространство правовых коммуникаций» отметил то, что правовая система – понятие, которое в наибольшей степени выражает многогранность права: его внутреннее строение (образующие право элементы, выступающие в свою очередь как сложные системы), взаимодействие права с иными частями общества. В российской юридической науке системный метод стал применяться, когда возникла необходимость создать новое по своему содержанию и форме право социалистического общества, пришедшего на смену царской России. Создавались новые правовые нормы, объединенные системными связями в правовые институты и отрасли права. В последующем системный метод помог сблизить различные подходы к праву: узконормативный, отождествляющий право с системой правовых норм, и широкий, включающий в право и правовые отношения, и правовое сознание.

Заведующий Центрасравнительного правоведения Юридического института Сибирского федерального университета И.Д. Мишина выступила с докладом на тему «Воля людей – сущность права или служебный механизм?». Она отмечала, что общечеловеческие ценности – свобода, справедливость, равенство, гуманизм – определяют сущность права; воля является лишь средством, инструментом превращения духовных ценностей в право; именно ценности отделяют человеческую жизнь от биологического существования, а сознание своего отличия от окружающего мира реализуется в виде целей и идеалов жизни; не сознание, как мы привыкли думать, а именно ценности определяют в конечном счете собственно человеческий смысл жизни и смысл права.

Декан юридического факультета Бурятского государственного университета Э.Л. Раднаева в представленном докладе на основе

анализа статистических данных различных ведомств, материалов следственной практики выделила особенности региональной характеристики суицидов и их причинного комплекса и подчеркнула, что официальная статистика суицидов и в особенности суицидальных попыток, разнящаяся по разным ведомствам, далека от действительности и является лишь вершиной айсберга, указала на необходимость проведения мультидисциплинарного исследования, которое интегрировало бы различные аспекты детской и подростковой суицидальности: психолого-педагогические, социально-правовые, медицинские, психологические, информационные, а также этнорегиональные.

Профессор кафедры уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» доктор юридических наук С.А. Маркунцов выступил с докладом на тему «Отдельные актуальные проблемы российского уголовного законодательства и права». Подчеркнув, что «уголовное право вынуждено отвечать на многочисленные новые вопросы, связанные с процессами порождения общественно опасных последствий... запреты меняются, поскольку меняются вызовы, угрозы, обычаи, социальные условия в целом... За 20 лет, прошедших с момента вступления в силу УК РФ, в стране произошли существенные изменения в политической, социальной, экономической и культурной жизни. Значительным изменениям подверглись и положения УК РФ, который в январе 2017 г. отметил 20-летие с момента начала его действия». Представив содержательную характеристику изменений норм УК РФ, профессор пришел к выводам о том, что «самые существенные изменения за рассматриваемый период претерпели нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономики», а также «за последние годы под уголовно-правовую охрану в Российской Федерации попали целые группы общественных отношений, ранее не имевшие ее».

Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета Л.В. Майорова в своем докладе «Выявление провокаций в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности с учетом опыта Европейского суда по правам человека» отметила, что в настоящее время

вопрос о провокации при осуществлении оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности приобретает особую актуальность, поскольку нет четкости в определении допустимых пределов (в первую очередь с правовой точки зрения) процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений.

Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета доктор юридических наук А.Д. Назаров в своем докладе «Современная уголовно-процессуальная политика в применении мер пресечения», ссылаясь на слова профессора А.И. Александрова, подчеркнул, что уголовная политика, являясь элементом государственной политики, правовой политики, способствует «эффективному обеспечению безопасности общества, национальной безопасности», представляет собой единство шести компонентов: уголовно-правового, уголовно-превентивного, уголовно-разыскного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и уголовно-организационного. По его мнению, современная уголовная политика Российской Федерации характеризуется такими чертами, как гуманизация уголовного процесса, повышение правовой защищенности личности; поиск оптимального баланса между интересами сохранения неприкосновенности частной жизни граждан и борьбы с преступностью; строжайшее соблюдение законности в ходе правоприменительной уголовно-процессуальной деятельности; демократизация уголовно-процессуальных мер борьбы с преступностью; дифференциация уголовно-процессуальных форм; совершенствование организации системы правоохранительных органов, оптимальное распределение процессуальных прав и обязанностей между ними; совершенствование норм доказательственного права; использование в уголовном процессе общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилизации.

Профессор кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук А.Е. Шерстобитов в своем докладе «Проблемы модернизации некоторых общих положений о гражданско-правовом договоре в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркнул, что

модернизация общих положений о гражданско-правовом договоре в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации является неотъемлемой составной частью ведущихся в Российской Федерации с 2008 г. масштабных работ по совершенствованию действующего гражданского законодательства; различие задач совершенствования разных отраслей, институтов и норм гражданского законодательства предопределило многоплановость содержания Концепции по модернизации гражданского законодательства и разноэтапность ее реализации. Однако на первый план была поставлена именно модернизация части первой ГК РФ, упор был сделан на совершенствование общих положений гражданского права, чтобы они как можно дольше были современны регулируемым ими отношениям.

Профессор Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ доктор юридических наук С.В. Пархоменко выступила с докладом «Проблема уголовно-правового реагирования на причинение вреда с согласия потерпевшего». Она отметила, что проблема уголовно-правового реагирования на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам с так называемого согласия потерпевшего или по его просьбе является одной из актуальных в современной науке уголовного права; несмотря на это, среди представителей научной общественности нет единого мнения относительно его законодательной регламентации. Профессор С.В. Пархоменко в своем выступлении сделала вывод о том, что легализация согласия лица на причинение его благам вреда, уголовно наказуемое в обычной ситуации, должна отражать следующие условия, разработанные в уголовно-правовой доктрине: согласие должно распространяться лишь на те права, которые находятся в свободном распоряжении лица, в связи с чем в тексте закона можно говорить о лице, полномочном распоряжаться своим правом; согласие должно даваться в пределах полномочий лица по свободному распоряжению своими личными правами; согласие должно быть действительным, т.е. исходить от лица, обладающего статусом субъекта регулятивного уголовного правоотношения (физического вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности); согласие

должно быть добровольным и предварительным, т.е. полученным до момента совершения деяния.

В своем докладе «Современная характеристика российской преступности: состояние, структура, тенденции» профессор Иркутского государственного университета доктор юридических наук А.Л. Репецкая представила анализ динамики, состояния и структуры российской преступности постсоветского периода (1990–2016 гг.); привела как абсолютные, так и относительные показатели, которые сравнила с аналогичными показателями в развитых странах. Профессор пришла к выводу, что основной тенденцией развития современной российской преступности является стабилизация ее состояния, так как, несмотря на снижение регистрируемых показателей, следует учитывать латентную ее часть. А.Л. Репецкая отмечала, что характер преступности за последнее десятилетие (2007–2016 гг.) значительно улучшился (снизилась доля тяжких, корыстно-насильственных, организованных, экономических преступлений, убийств и т.д.); вместе с тем наблюдаются и тревожные изменения в структуре современной преступности: растут преступления террористического характера и экстремистской направленности, мошенничества и вымогательства, преступления коррупционной направленности; значительными темпами растет ущерб от совершенных преступлений; ухудшается социальный портрет преступности; появляются новые виды преступлений. По ее мнению, все это свидетельствует о том, что преступность продолжает активно развиваться, несмотря на снижение большинства регистрационных показателей, причем делает это в сложных для осуществления социального контроля сферах; она по-прежнему сохраняет специфические черты развития, которые необходимо учитывать при разработке стратегий противодействия.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета И.А. Васильев в своем выступлении обратился к формам стимулирования, представленным в российском законодательстве в качестве финансовых и имущественных источников создания производственными холдингами образовательных кластеров. Он отмечал, что в числе финансовых источников можно систематизировать и выделить

меры, направленные на поддержание кластерной политики, не включающей, впрочем, в настоящий момент образовательные кластеры. По его мнению, имущественные источники, связанные с приватизацией производственными холдингами находившегося в государственной собственности имущества как мерой стимулирования инициатив создания образовательных кластеров, не демонстрируют проникновения в эту область правового регулирования кластерной политики. Им проведен анализ финансовых и имущественных источников применительно к образовательному кластеру как инструменту решения производственным холдингом текущих и перспективных задач. В результате И.А. Васильев пришел к выводу об отсутствии специального стимулирования для образовательных кластеров, несмотря на наличие для других видов кластеров отдельных мер, допустимых для применения по аналогии.

Помимо обозначенных выше на конференции были представлены доклады, посвященные следующим актуальным темам: «Юридическая наука в эпоху информационного общества: проблемы внедрения публикаций в практику» (Ю.П. Гармаев), «Недействительность и незаключенность сделки как основание для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов» (С.В. Моисеев), «Российская наука гражданского процессуального права второй половины XX в. в трудах ученых Московского Университета и ее влияние на современную доктрину и законодательство» (В.В. Аргунов), «Реформа правового регулирования подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации» (О.Н. Шерстобитова), «Язык уголовного судопроизводства: опыт компаративного исследования законодательства государств постсоветского пространства» (А.В. Верещагина), «Особенности коррупции и борьбы с ней в современной России» (В.А. Номоконов), «Кибертерроризм – организованная преступность нового времени» (Я.О. Кучина), «О совершенствовании непенициарных санкций в России» (Н.В. Ольховик), «Роль и значение молодежных юридических общественных объединений в современной России» (А.В. Чумаков), «Концессионные соглашения в сфере природопользования» (Н.А. Шмигельская), «Деятельность

ученых Юридического факультета г. Харбина о квазигосударстве и квазиправе» (П.Н. Дудин), «К памятным датам юридического факультета г. Харбина (Н.В. Устрялов, В.В. Энгельфельд, Г.К. Гинс)» (А.К. Павлов), которые вызвали большой интерес у китайских коллег.

Китайские ученые из разных вузов в свою очередь выступали с содержательными докладами, в которых обозначили свои последние достижения по изучению российского права в различных его направлениях.

В ходе проведения конференции председатель Научно-исследовательской ассоциации российского права и правовой системы при Ассоциации юристов провинции Хэйлунцзян, начальник Центра по изучению российского права Хэйлунцзянского университета профессор Пан Дунмэй от имени Ассоциации и Центра приветствовала всех ученых из России и Китая на участие в данной конференции и выразила искреннюю благодарность российским коллегам за подаренные Центру книги.

На церемонии закрытия конференции директор Юридического института Хэйлунцзянского университета Дун Юйтин и декан

факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Е.Н. Салыгин подвели итоги конференции. По материалам конференции был опубликован сборник статей¹.

¹ VII Международная научно-практическая конференция «Российское право и правовая система»: сборник статей. Харбин, 2017. 398 с.

**АЛЬФРЕД ЭРНЕСТОВИЧ ЖАЛИНСКИЙ
КАК УЧЕНЫЙ-ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ,
УЧЕНЫЙ-РЕВОЛЮЦИОНЕР И УЧЕНЫЙ-ПРОВИДЕЦ
(ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ)**

*Маркунцов С.А., д.ю.н.,
доцент, профессор кафедры
уголовного права и криминалистики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

Прошедший 2017 г. был богат на юбилеи. В январе 2017 г. Уголовный кодекс РФ отметил 20-летие с момента начала его действия. В этом же году 20 лет исполнилось факультету права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и 25 лет – в целом университету, в котором последние 10 лет своей жизни работал А.Э. Жалинский. В октябре этого года исполнилось бы 85 лет со дня его рождения. Однако в ряду юбилейных дат следует вспомнить еще одну: прошло уже 5 лет со дня смерти этого выдающегося ученого, талантливого руководителя и незаурядного человека, многогранность и масштаб личности которого становятся еще более очевидными по истечении времени.

Альфред Эрнестович Жалинский – доктор юридических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, Заслуженный деятель науки РФ, для меня был и останется неординарным человеком, который смог привить интерес и любовь к науке уголовного права. По прошествии нескольких лет после его смерти все более отчетливо понимаешь, как мне повезло, что у меня в жизни был такой Учитель, как Альфред Эрнестович, и я имел возможность общаться с этим человеком.

А.Э. Жалинский был Человеком с большой буквы. При внешней строгости руководителя он внутренне был добрым и ранимым, всегда был готов разделить с коллегами и радость побед, и боль утрат, прийти на помощь. А.Э. Жалинский всегда был молод душой, жизнерадостен и энергичен, своим позитивным настроем и энергетикой

воодушевлял буквально всех. Он был необычайно эрудированным, оригинально мыслящим человеком, с тонким чувством юмора.

А.Э. Жалинский был талантливым руководителем. Именно под его руководством кафедра уголовного права НИУ ВШЭ достигла огромных успехов и больших высот в научной и образовательной деятельности. Под его руководством всегда было легко и интересно работать. Как руководителя его отличали необычайное трудолюбие, инициативность, постоянный творческий поиск.

А.Э. Жалинский был выдающимся ученым, одним из столпов отечественной науки уголовного права и криминологии. Однако круг его интересов не ограничивался данными науками, он был признанным специалистом в области теории права, социологии права, философии права, блестяще разбирался в иных отраслях права, в социальных и экономических науках. Он был автором более 500 научных работ. Его глубокие и оригинальные труды знают и ценят не только в России, но и во многих зарубежных странах.

А.Э. Жалинский как ученый-энциклопедист. А.Э. Жалинский был необычайно разносторонним ученым. В действительности сложно сказать, какую отрасль права он не затрагивал в своих работах. Первые его труды были посвящены вопросам уголовного судопроизводства и криминалистики, что отчасти было обусловлено тем, что в 1964 г. под руководством профессора А.Н. Васильева (ранее выступавшего в качестве дополнительного обвинителя от СССР на Токийском Международном военном трибунале для Дальнего Востока) он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Освидетельствование в советском уголовном процессе».

В дальнейшем в различных своих работах он исследовал вопросы гражданского, гражданского процессуального, банковского, налогового, предпринимательского, уголовно-исполнительного и других отраслей права. При этом следует отметить, что даже в рамках сравнительно-правовых, междисциплинарных работ, например в статье «О соотношении уголовного и гражданского права»¹, он всегда настолько глубоко погружался в проблематику соответствующих

¹ См.: Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права // Государство и право. 1999. № 12. С. 47–52.

(смежных с уголовным) отраслей права, что это отмечали даже крупные ученые в данной сфере.

А.Э. Жалинский с необычайной легкостью в своих исследованиях затрагивал вопросы экономики, социологии, политологии, педагогики и других наук. Он брался за самые сложные научные проблемы и темы. Кто еще, как не он, в рамках статьи мог, например, соотнести вопросы девальвации рубля и уголовного закона¹ (как это актуально особенно сегодня!). В контексте уголовного права он не боялся ставить вопросы национального интереса², марксизма³, лоббизма⁴ и другие сложные противоречивые проблемы.

В контексте междисциплинарных исследований А.Э. Жалинского следует отдельно остановиться на его фундаментальной работе «Социально-правовое мышление: вопросы борьбы с преступностью»⁵. В ней ученый не просто ввел в общем-то новое для отечественной юриспруденции понятие, ответив на вопрос, что такое социально-правовое мышление, но проанализировал его объекты и механизм, обозначил требования к социально-правовому мышлению и пр.

А.Э. Жалинский разработал и ввел в нашей стране новый курс о профессиональной деятельности юриста, обеспечив преподавание этой дисциплины такими работами, как «Основы профессиональной

¹ См.: Жалинский А.Э., Бочкарев С.А. О девальвации рубля и уголовного закона // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 72–81.

² См.: Жалинский А.Э. Национальный интерес и социальная ответственность при формировании уголовной политики: тез. докл. к науч.-практ. конф. «Стратегии борьбы с преступностью» // Государство и право. 2004. № 3. С. 51–57.

³ См., например: Жалинский А.Э. Марксизм в структуре уголовно-правового мышления // Конституционные основы уголовного права. Материалы Всерос. конгр. по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Проспект, 2006. С. 182–189.

⁴ См.: Жалинский А.Э., Чистяков В.В., Ястребова Е.В. Правотворчество и лоббизм в современной России: по следам интеллектуального штурма // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 12–15.

⁵ Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989. 192 с.

деятельности юриста»¹, «Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность»², «Введение в специальность «Юриспруденция»: профессиональная деятельность юриста»^{3,4}.

Конечно, в рамках этого небольшого обзора, посвященного разносторонности научных интересов А.Э. Жалинского, затронуты только базовые направления его научных исследований. Полностью описать многогранность его научного наследия крайне сложно, ведь талант ученого-энциклопедиста А.Э. Жалинского поистине безграничен. Многие проблемы были поставлены ученым впервые в российской науке, по многим вопросам он предлагал столь необычные решения, что их с полным основанием можно назвать революционными.

Вклад А.Э. Жалинского в развитие отечественной криминологии. Анализ научного наследия ученого показывает, что на первом этапе своей научной и творческой деятельности особое внимание он уделял исследованию проблем криминологии. Значительное количество книг и статей, написанных в этот период, были посвящены проблемам предупреждения преступности, некоторые — анализу ее причин. Хотя, по утверждению О.Л. Дубовик, интерес к криминологии проявлялся у ученого именно в связи с исследованием причин и условий совершения преступлений, осуществляемыми в рамках уголовно-процессуальной деятельности, значительно меньший интерес он проявлял к проблематике преступности и личности преступника⁵. Существенное влияние на развитие криминологии оказали прежде всего такие фундаменталь-

¹ Жалинский А.Э. Основы профессиональной деятельности юриста (Введение в специальность). Смоленск: СмГУ, 1995. 128 с.

² Жалинский А.Э. Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность: учебное пособие. М.: Бек, 1997. 330 с.

³ Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция»: профессиональная деятельность юриста: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби-Проспект, 2007. 368 с.

⁴ Подробнее см.: Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 1. Криминология / Отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 9.

⁵ Дубовик О.Л. Предисловие // Там же. С. 6.

ные работы, как «Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории и практики)»¹, «Условия эффективности профилактики преступлений»², «Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация»³, «Причины экологических преступлений»⁴, «Социальная профилактика правонарушений: советы и рекомендации»⁵ и др.

Примерно с начала 2000-х гг. в исследованиях А.Э. Жалинского намечился очевидный разворот – от изучения криминологических проблем к уголовно-правовой проблематике. Когда ученого спрашивали, почему он больше не занимается вопросами криминологии, он отвечал, что разочаровался в этой науке. Возможно, это было связано с тем, что он прогностически предвидел то тупиковое, кризисное состояние, в которое эту науку загоняли сами криминологи. Пройдет сравнительно немного времени, и видные ученые-криминологи начнут писать о «кризисе криминологии». В частности, И.М. Мацкевич считает, что одной из серьезных проблем не только криминологии, но и криминологов является их оторванность от уголовного права, многие криминологи современного уголовного права не знают и не хотят знать. Интереснейшие проблемы науки уголовного права для них безразличны, многие беды криминологов проистекают из-за их сознательной оторванности от уголовного права⁶.

¹ Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории и практики). Львов: Вища школа, 1976. 196 с.

² Жалинский А.Э. Условия эффективности профилактики преступлений. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1978. 152 с.

³ Жалинский А.Э., Костицкий М.В. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация. Львов: Вища школа, 1980. 211 с.

⁴ Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений / Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1988. 240 с.

⁵ Социальная профилактика правонарушений: советы и рекомендации / Бабаев М.М., Жалинский А.Э., Керимов Д.А., Кобец Н.Г. и др.; под ред. Керимова Д.А. М.: Юрид. лит., 1989. 256 с.

⁶ Мацкевич И.М. Развитие криминологии – развитие законодательства // 20 лет независимости Республики Казахстан: достижения и перспективы развития: мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Д.Т. Кенжетаяев, И.Ш. Борчашвили. В 2 т. Караганды: КА МВД РК им. Б. Бейсенова, 2011. Т. 1.

Однако нельзя сказать, что А.Э. Жалинский полностью отвернулся от исследования проблем криминологии. И это не удивительно, ведь исследованиям криминологических вопросов была посвящена большая часть жизни ученого. Последние, не столь частые публикации А.Э. Жалинского, посвященные вопросам криминологии, были пронизаны заботой о судьбе этой науки. В этом контексте прежде всего следует отметить такие его статьи, как «Современные проблемы криминологического дискурса»¹, «Обновление криминологии»². Переживая за судьбу криминологии, А.Э. Жалинский выступил инициатором проведения на факультете права НИУ ВШЭ круглого стола по теме «Какая криминология нужна сегодня?», который состоялся 19 апреля 2011 г. Статья «Обновление криминологии», изданная после его смерти, стала своего рода завещанием и одновременно фундаментальным, стратегическим планом развития этой науки. В ней он обозначил не только базовые проблемы криминологии, описал предпосылки ее обновления, но детально проанализировал содержание предложенного по сути плана ее обновления, в том числе применительно к отдельным проблемам, входящим в предмет исследования данной науки, предложил методику инструментализации криминологии, обозначил стандарты этой науки. Представляется, что, если современная криминология, хотя бы частично, будет следовать «плану обновления», предложенному этим выдающимся ученым, она сможет преодолеть свое современное кризисное состояние.

А.Э. Жалинский как исследователь права зарубежных стран. А.Э. Жалинский был общепризнанным в нашей стране крупнейшим специалистом в области немецкого права, при этом, что особо хочется

С. 79–80. На справедливость такой позиции ученого указывает М.М. Бабаев. См.: Бабаев М.М. Криминологические основы российской уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 339–340.

¹ Жалинский А.Э. Современные проблемы криминологического дискурса // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 91–98.

² Жалинский А.Э. Обновление криминологии // Право и политика. 2012. № 5. С. 828–835.

подчеркнуть, права не только уголовного. Он является автором таких фундаментальных работ, как «Введение в немецкое право»¹ в соавторстве с А.А. Рерихт, где анализируются положения базовых отраслей права ФРГ, и «Современное немецкое уголовное право»². Талант А.Э. Жалинского как великолепного ученого-компаративиста проявился не только в фундаментальном характере исследований, но еще и в том, что он не ограничивался исследованием правовой системы одного государства. Его перу принадлежат также статьи, посвященные исследованиям не только немецкого, но также польского, венгерского, монгольского права, а также права некоторых других стран.

А.Э. Жалинский – революционер в российском уголовном праве. А.Э. Жалинский был автором многочисленных новелл в доктрине отечественного уголовного права. Он не боялся ставить и всегда с удовольствием разрешал новые научные задачи, например первым стал исследовать проблемы уголовно-правовых рисков, спроса на уголовное право, рассматривать соответствующую отрасль права в качестве ресурса общества и источника власти, изучать вопрос о парадигмах уголовного права³ и т.д.

¹ Жалинский А.Э., Рерихт А.А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. 767 с.

² Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 560 с.

³ А.Э. Жалинский был одним из немногих ученых в отечественной теории права, внесших вклад в изучение правовых парадигм. См.: Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав. М., 2017. С. 5. Он стал первым ученым, детально разработавшим вопрос о парадигмах уголовного права, тем самым методологически подняв исследования о соответствующей отрасли права до уровня ее философии. Под парадигмой уголовного права ученый предлагал понимать такое предположение, воплощенное или неосознанно проявляющееся в наиболее общих суждениях о природе и предназначении уголовного права, которое так или иначе воздействует на уголовно-правовую науку, а также осознание и формирование уголовной политики, уголовного законодательства, практики правоприменения и проявляется в определении этих явлений. В частности, это означает, что уголовно-правовые парадигмы могут реально существовать и действовать до определенной степени неосознанно, не получив вербального развернутого воплощения, но выражаясь в тематизации уголовно-правовых

В рамках одной статьи невозможно охарактеризовать все работы ученого, посвященные российскому уголовному праву. Представляется логичным вспомнить только одну из его работ – «Уголовное право: в ожидании перемен: теоретико-инструментальный характер»¹ – книгу, содержащую, пожалуй, максимальную концентрацию оригинальных уголовно-правовых идей ученого, носящую поистине революционный для уголовного права характер, по праву считающуюся одной из вершин в научном творчестве А.Э. Жалинского.

В этой фундаментальной работе он дал сущностные характеристики уголовному праву и его базовым институтам через призму запросов, потребностей и интересов общества. Многие положения, озвученные им в данной книге, стали не просто оригинальными и новыми для доктрины отечественного уголовного права, но во многом прогностическими и, как показало время, провидческими. Степень глубины выводов, сделанных в этой работе, позволяет при ее прочтении в очередной раз находить новые оригинальные идеи и мысли, иначе взглянуть на многие проблемные вопросы уголовного права². Представляется, что осмысление и оценка многих озвученных в данной книге положений и гипотез еще предстоят в будущем.

В работе «Уголовное право: в ожидании перемен: теоретико-инструментальный характер» заложен огромный потенциал, позволя-

проблем (сосредоточенность на вопросах экономической и организованной преступности при меньшем внимании к уголовно-правовой охране несовершеннолетних), в языке (усиление наказания, неотвратимость, борьба с преступностью), в оценке состояния дел и предложениях (введение новых составов, декриминализация, повышение санкций и пр.). См.: Жалинский А.Э. Парадигма уголовно-правового мышления // Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. С. 124, 123.

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. 400 с.

² Об анализе отдельных положений данной работы, например, см.: Маркунцов С.А. А.Э. Жалинский об уголовном праве и уголовно-правовых запретах // Уголовное право и современность: сборник научных статей. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2014. С. 57–67.

ющий по-новому взглянуть на базовые институты и конструкции уголовно-правовой материи. В настоящее время трудно представить себе специалиста в области уголовного права, который бы не был знаком с этой книгой. Без анализа положений этой работы не обходится, по существу, ни одна из защищаемых в настоящее время диссертаций по проблемам Общей части уголовного права, именно она справедливо признается базовой работой при изучении актуальных проблем уголовного права¹.

При этом, на наш взгляд, вклад А.Э. Жалинского в развитие доктрины уголовного права до конца недооценен, и этому есть свои объяснения. Во-первых, в науке уголовного права во многом до сих пор преобладает консервативный, нормативистский подход к рассмотрению базовых положений данной отрасли права. По этому поводу сам А.Э. Жалинский часто говорил, что «наше современное уголовное право – это немецкое уголовное право XIX века». При этом мы боимся привнести туда что-то новое, оригинальное, боимся выйти за границы строго очерченного круга вопросов. В то же время немецкие специалисты в области уголовного права ушли далеко вперед и исследуют такие вопросы уголовно-правовой доктрины, которые нам и не снились. Во-вторых, идеи, высказанные ученым, являются настолько глубокими и многогранными, что при первом и даже при втором их прочтении до конца не понятны, но каждый раз при очередном прочтении они рождают новые мысли, толкают к покорениям новых научных высот. Они как дорогое вино, которое со временем становится все крепче и благороднее. Важно не просто не забывать, а пытаться воплощать в жизнь, хотя бы отчасти, революционные идеи А.Э. Жалинского в отношении уголовного права, для того чтобы в этой отрасли права наконец-то произошли крупные позитивные перемены.

Широта научного наследия А.Э. Жалинского по истине поражает. Его работы всегда отличаются глубиной, фундаментальностью и всесторонностью рассмотрения предмета исследования, оригинальным, как правило, философско-социологическим взглядом на проблему, обращением к зарубежным источникам, особым стилем

¹ См., например: Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И.А. Подройкина. М.: Проспект, 2015. С. 556.

изложения. В своих многочисленных трудах А.Э. Жалинский проявил себя как ученый-первооткрыватель, ученый-революционер и ученый-провидец, взгляды, идеи и мысли которого будут оказывать существенное воздействие на дальнейшее развитие отечественной юриспруденции, глубину которых в полной мере смогут оценить только наши потомки.

**СОЦИОЛОГИЯ
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Сборник статей

Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Newton
Печать офсетная. Печ. л. 15,5. Тираж 500 экз.

ИД «Юриспруденция»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, 11
www.jurisizdat.ru, e-mail: y-book@mail.ru
Тел. (495) 784-8406